

С. Чернов
Е. Соковенина

СВЕТ! БОЛЬШЕ СВЕТА!
Викторианская медицина
с доктором Ватсоном

С. Чернов, Е. Соковенина

Свет! Больше света!

Викторианская медицина с доктором Ватсоном

Рига – СПб.: Adventure press, 2014

Фотографии из архива *NewYork Public Library* и личных архивов С. Чернова и К. Молдавской

История об истории. Сто лет назад

К началу двадцатого века было сделано столько открытий в науке и технике, что если бы существовала машина времени, мы бы точно так же услышали от бабушек и дедушек:

«КАКОЕ УЖАСНОЕ ВРЕМЯ! СПЛОШНАЯ ТЕХНИКА! СКОРО ЛЮДИ ПОТЕРЯЮТ СПОСОБНОСТЬ ОБЩАТЬСЯ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ!»

Викторианские бабушки и дедушки ругали волшебный фонарь, телеграф, телефон, электрические лампочки, дирижабль, автомобиль – в общем, всякие новые, непривычные вещи.

Волшебный фонарь

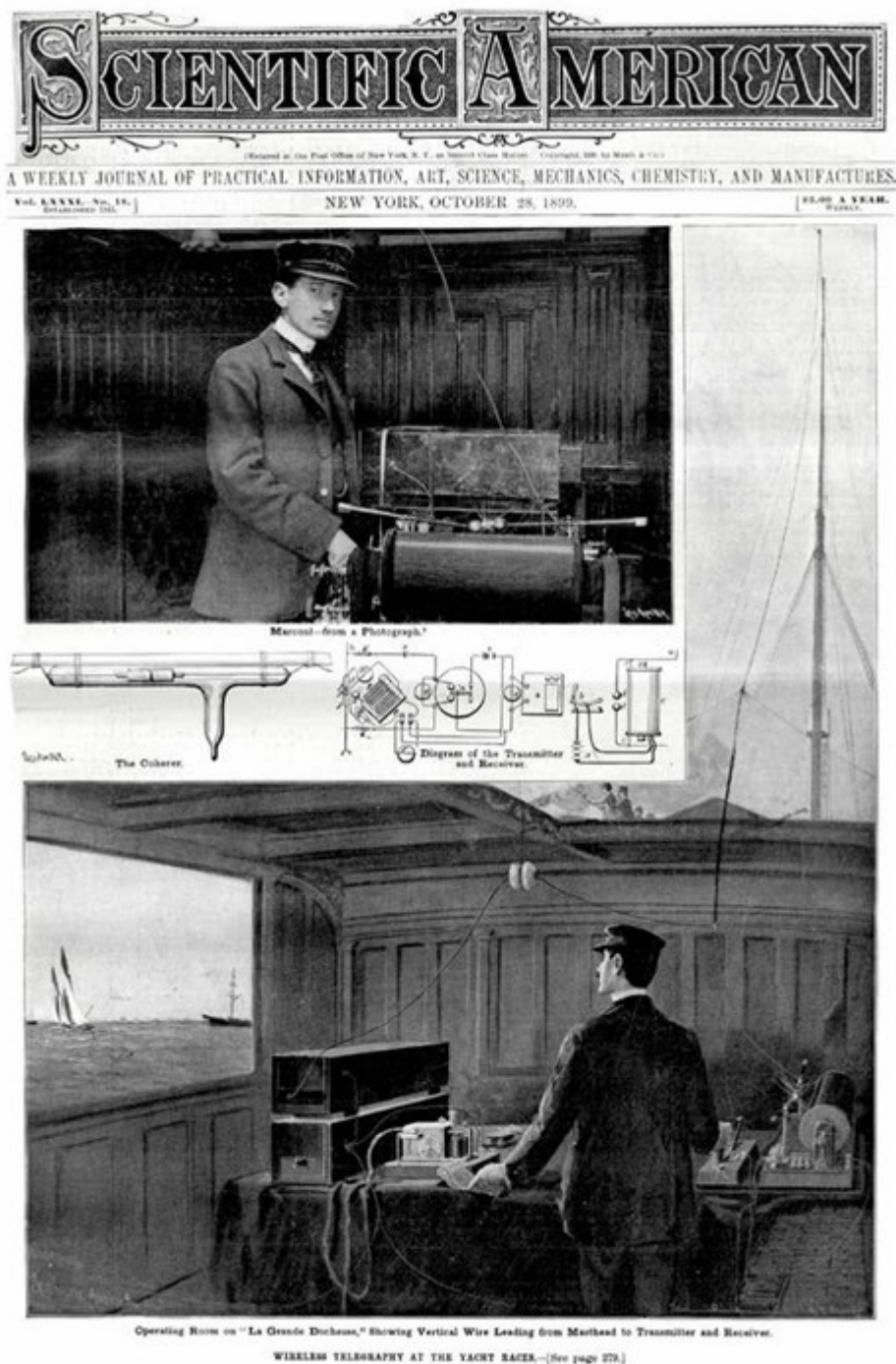
Волшебный фонарь

Телефон

Телефон

Беспроволочный телеграф

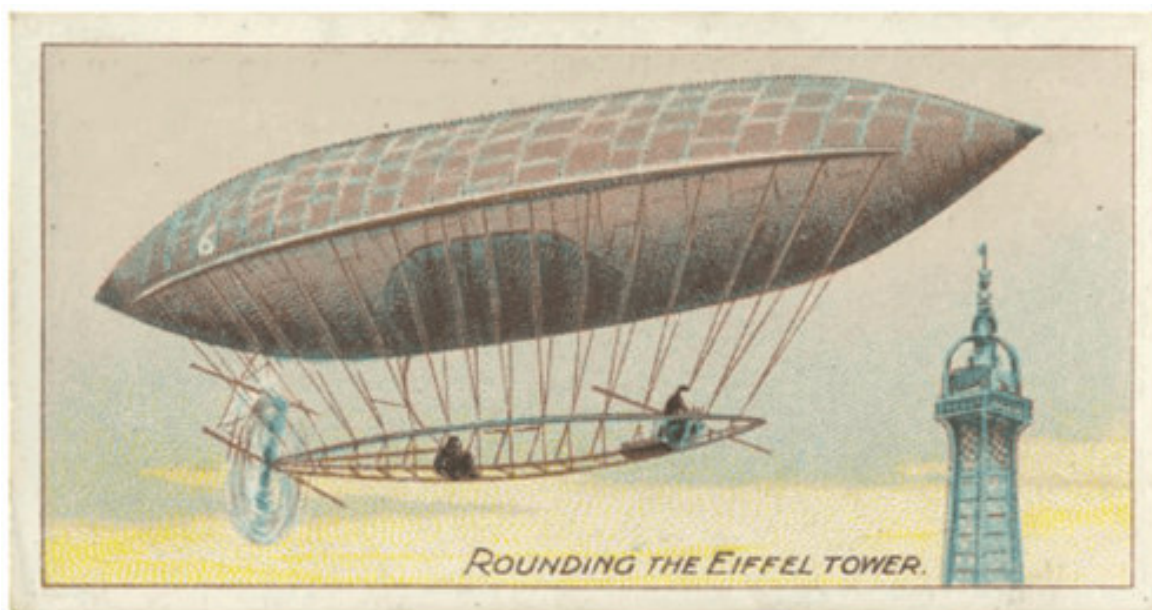
1899 год. Журналы пишут о *wireless* – беспроводном телеграфе.
Будущее за беспроводной связью!
Беспроволочный телеграф на яхте: статья в «*Scientific American*»

Электричество

1890-е. Неравная борьба: газовые компании пытаются воспрепятствовать распространению электрической лампочки Эдисона. Газовые светильники становятся прошлым.

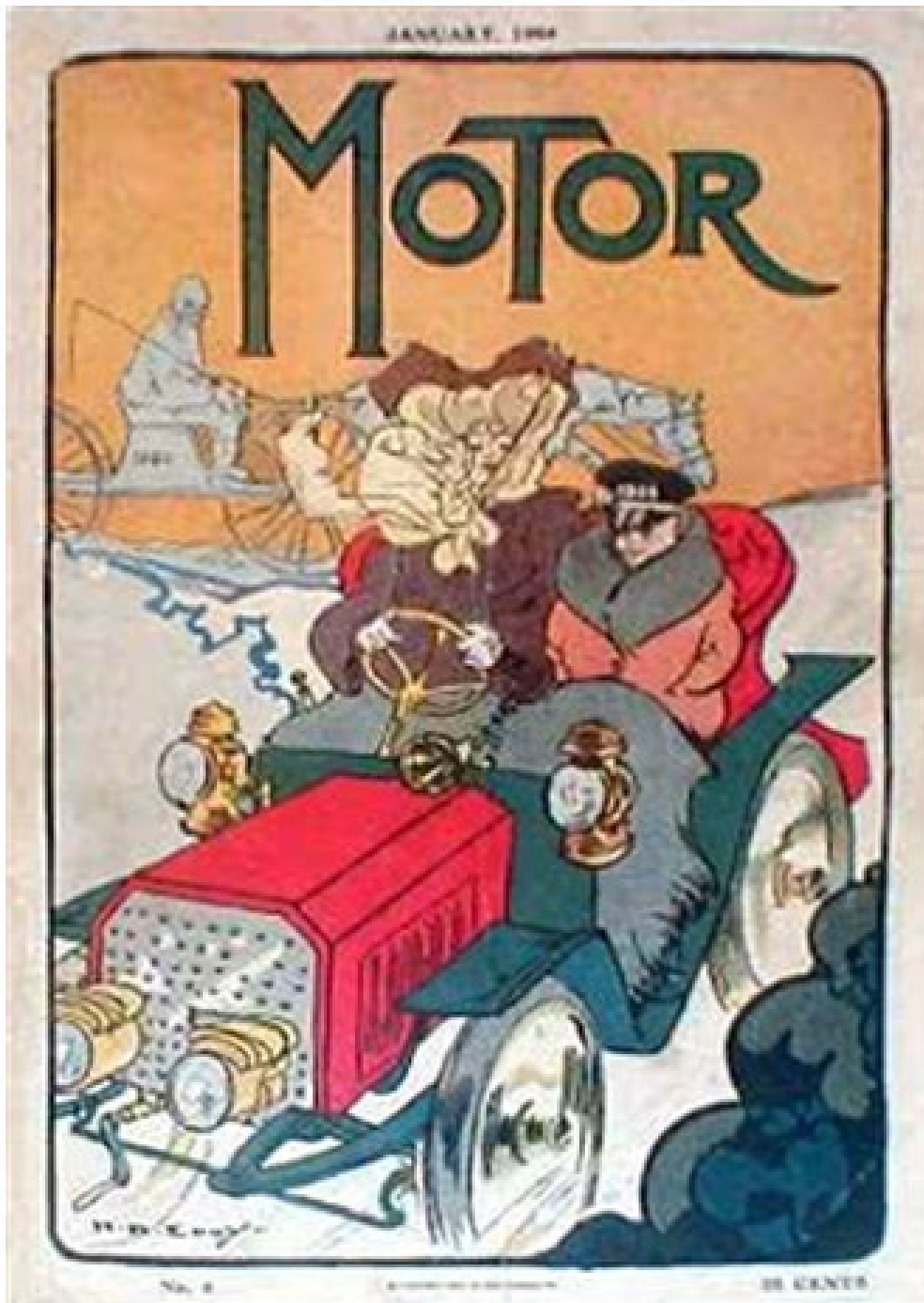
Авиаторы

1899 г.

Пионер авиации Альберто Сантос-Дюмон совершает первый полет на дирижабле вокруг Эйфелевой башни

Автомобили

Поездка на автомобиле, первые годы двадцатого столетия

Прогресс шел семимильными шагами

Воображение викторианцев рисовало невероятные картины. Говорили, что скоро дойдет до того, что и в театр-то не понадобится ходить, а можно будет смотреть представления прямо у себя дома – при помощи специальных аппаратов!

Передвигаться станут по воздуху, и у каждого будет персональный дирижабль!

Дамы будут летать за покупками.

По железной дороге можно будет перевозить целые дома.

Пассажиры пароходов смогут любоваться жизнью морских обитателей прямо через палубу.

Так сто лет назад представляли себе наши дни:

Итак, викторианская эпоха

Конечно, викторианской она называется только в Англии, где правила в то время королева Виктория.

Королева Виктория (правила с 1837 по 1901)

Во всяком случае, викторианская эпоха должна так называться только в Англии. И тут начинаются сложности.

Во-первых, после смерти ее величества настало время, которое называется эдвардианской эпохой. Она очень короткая – всего девять лет правил король Эдуард VII.

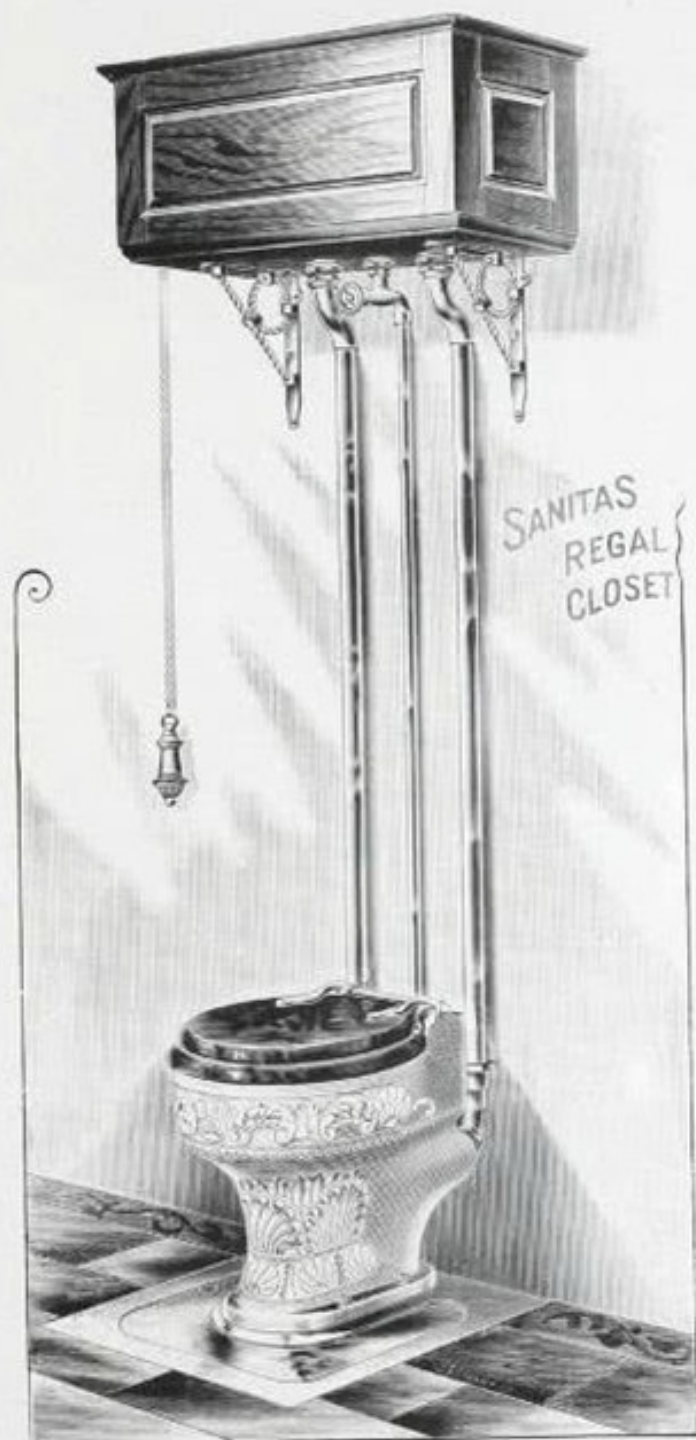
Эдуард VII (правил с 1901 по 1910)

Но упоминают эдвардианскую эпоху нечасто. Почему? Очень просто: дух времени остался прежним, викторианским. Но старый мир стоял на пороге новой жизни. Вот-вот разразится Первая мировая война. Все изменится бесповоротно, потому что война всегда означает: жизнь больше не может идти по-старому.

Во-вторых, если мы захотим сказать «викторианская эпоха», например, во Франции, то окажемся неправы. Ведь там-то никакой королевы Виктории не было! Нам придется сказать по-французски: *Belle Époque*. То есть, в переводе, «Прекрасная эпоха». И верно – ни одно время не может похвастаться таким количеством новых явлений, вещей и явлений. Все это, мебель, приборы, аппараты – было сделано очень красиво. К примеру, унитаза. Удивительно красиво расписывали унитаза! Глаз не отвести.

Sanitas Regal Closet.

WITH SANITARY SEAT.

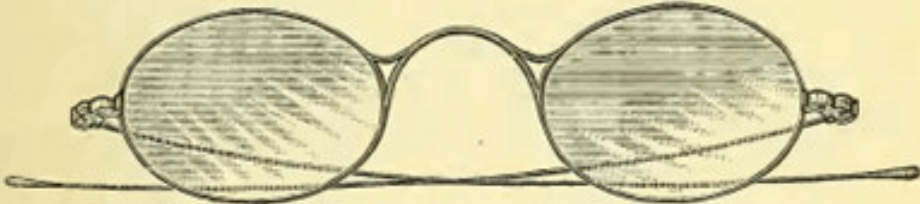
А вещи!

Какая была мебель! Какие приборы! Надо было видеть те микроскопы! Очки! Слуховые аппараты!

STEEL SPECTACLES.

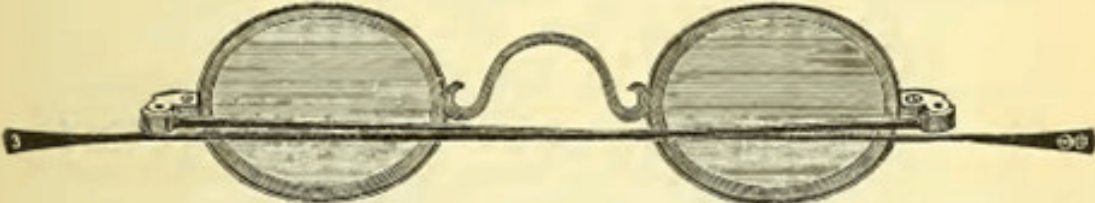

21. Steel Lorgnette to hook over distant vision spectacles, making them suitable for near vision \$2.50

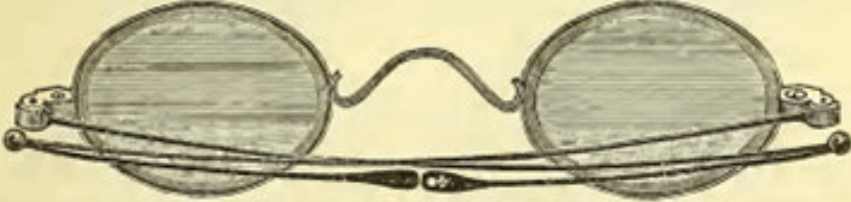
34. Pantoscopic Spectacles, having the plane of the lenses tilted, to allow the eyes to see through them at right angles at near objects, while the top part of the glasses falls below the visual lines for distance, and render the same well adapted for desk work and public speakers. In fine steel frames, first quality convex lenses.....\$2.00; same, with periscopic lenses \$2.50
Same as above... ..with blue lenses \$2.50; London smoke 3.00

CATARACT SPECTACLES.

40. Strong steel frames, single or turn-pin temples, with cataract lenses, concave or convex:

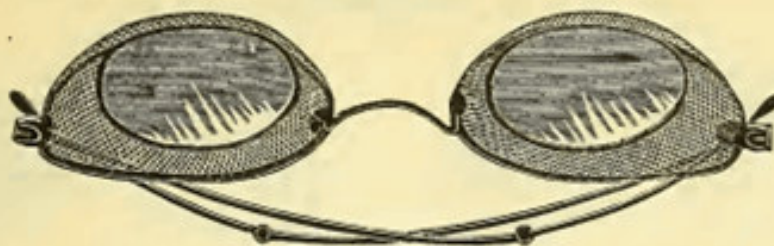
4½ to 4 inches focus.....	for one eye \$1.75; for both eyes \$2.00
3½ to 3 " "	" " 2.00; " " 2.50
2½ to 2 " "	" " 2.50; " " 3.00

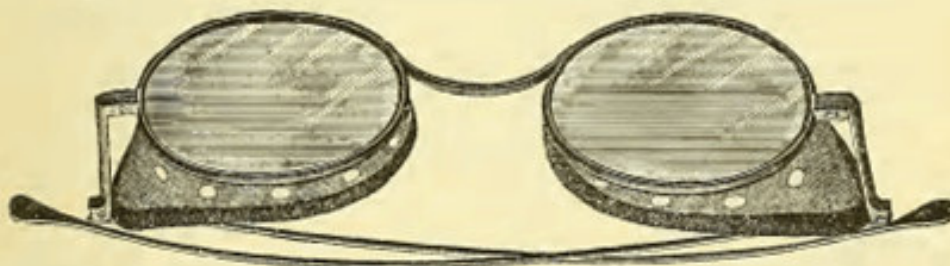
41. Strong steel reversible frames, cataract lenses for near and distant vision..... \$3.00

Очки

GOGGLES.

303.	Goggles, wire gauze, with steel frames, blue or smoke shades, second quality, with single or turn-pin temples	\$1.50
300.	Goggles, wire gauze with elastic, blue or smoke shades, third quality	0.25
301.	" " " " " " second quality	0.50
302.	" " " " " " first quality, velvet bound edges	1.00

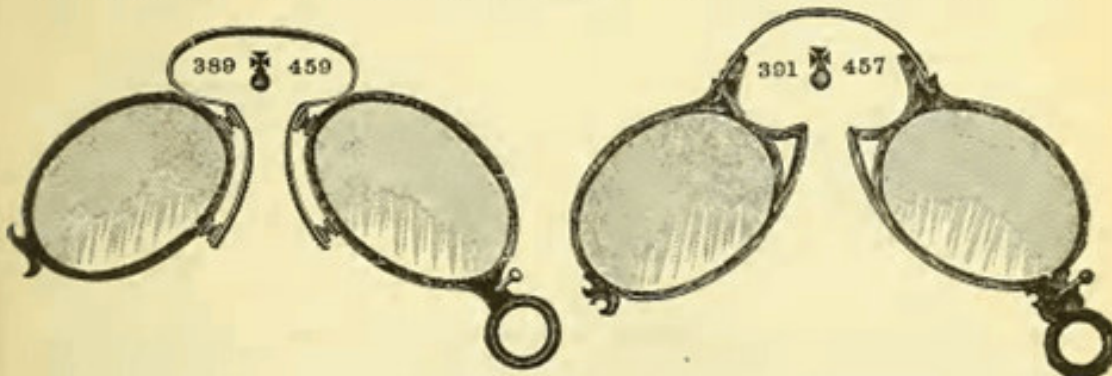

304.	Superior English driving goggles, blue or smoke shades, first quality	\$4.00
- 302, 303 and 304 will be fitted with spherical lenses at 50 cts. add. ; colored at \$1.00 add.

EYEGASSES.

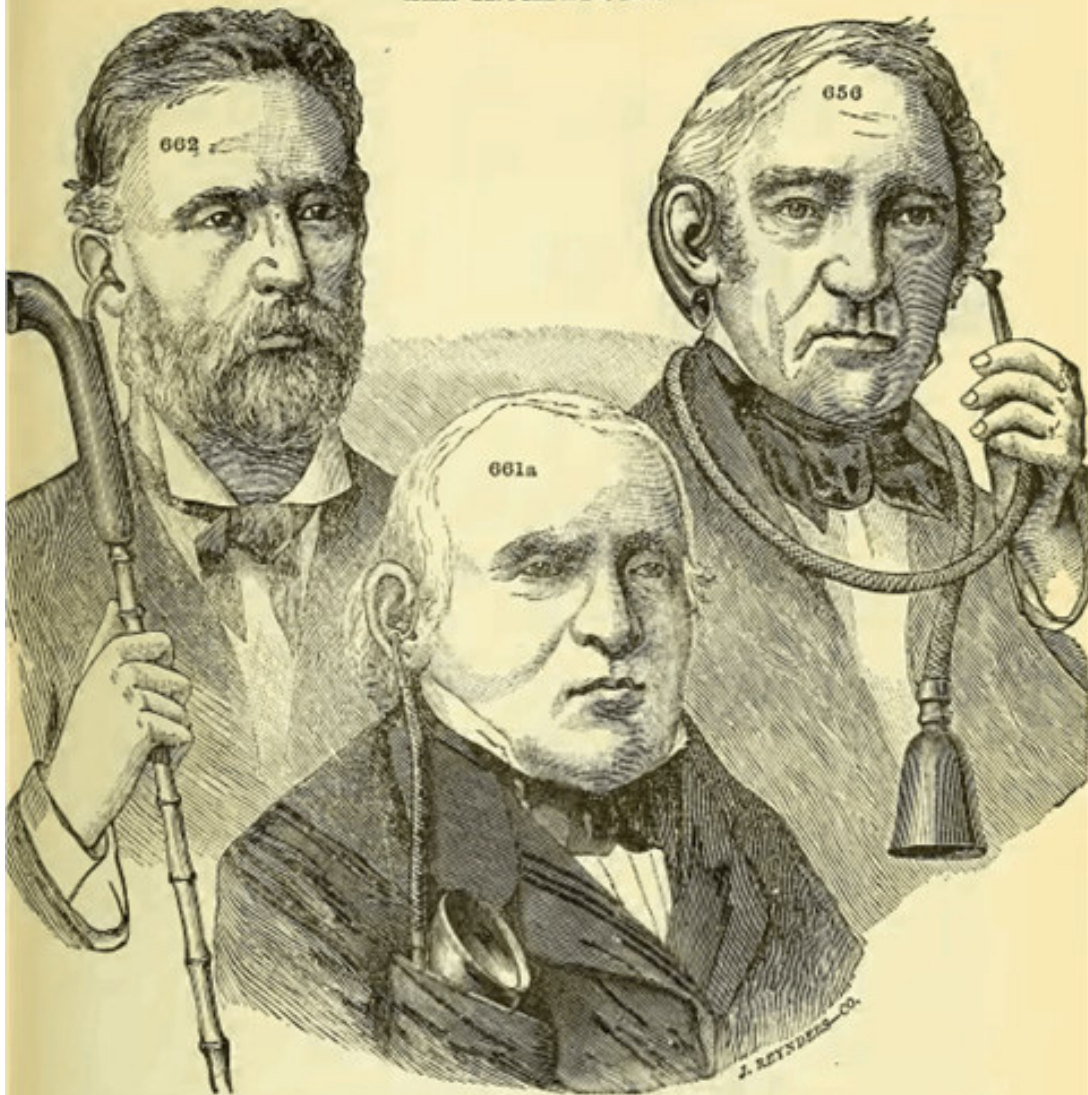
HARD RUBBER AND TORTOISE SHELL.

385.	Hard rubber only, bow spring, round eyes, with double concave or convex lenses, second quality	\$0.75
386.	Same, with periscopic lenses, second quality	1.00
387.	Hard rubber only, bow spring, oval eyes, with double concave or convex lenses, second quality	0.75
388.	Same, with periscopic lenses, second quality	1.00

Очки для вождения и пенсне (в резиновой и черепаховой оправе)
Торговый каталог Рейнольдса

VIII. EAR INSTRUMENTS.
EAR TRUMPETS, Etc.

637.*	Artificial Tympanum, Toynbee's.....	each 30 cts.; per dozen	\$3.00
638.*	* Silver Cornets, per pair.....		2.50
640.	Ear Trumpet, conical.....	black japanned \$1.75; G. S. nickel-plated	2.75
641.*	" " straight.....	" " 1.75; " "	2.75
642.*	" " bell formed.....	" " 3.00; " "	5.00
643.*	" " double curved.....	" " 2.50; " "	5.00
644.*	" " compact.....	" " 2.50; " "	4.50
645.*	" " " 3 sizes.....	black japanned \$2.00; G. S.	4.00
646.*	" " " 2 ".....	black japanned \$2.50; nickel-plated	4.00
647.*	" " " 3 ".....	" " 4.00; " "	5.00
648.*	Sound Concentrator.....		4.50
649.*	Ear Trumpet, G. S., articulated, in case.....		7.00
650.*	" " " 3 sizes.....	each, brass \$5.00; nickel-plated	6.00
651.	" " h. r. telescopic.....		5.00
652.	" " silver, compact (see fig 644).....		12.00
653.*	Auricles, per pair.....	plain \$3.00; fine	5.00
654.*	Ear of Dionisius.....		8.00
655.*	Conversation Tube, mohair, h. r. fittings.....	plain \$3.00; conical	9.00
657.	" " silk.....	\$4.50; ivory fittings	9.00
660.	" " conical silk, h. r. fittings.....	12.00; " "	16.00
662.*	Ear Trumpet and Walking Cane, combined.....		15.00

661.*	Sound Accumulator Pocket, Opera Miniature.....	\$4.00
661a.*	Same, "Opera Grand".....	10.00

Слуховые аппараты в торговом каталоге Рейнольдса

Кстати, большинство этих вещей заказывали по специальным торговым каталогам. Совсем так же, как мы сейчас делаем покупки в интернет-магазинах.

Да и вообще любые аппараты, приборы и что угодно – все было сделано прелестно, очаровательно, *magnifique!*¹

Хотя бабушки и дедушки, разумеется, так не считали. Но бабушки с дедушками одинаковы во все времена, а в новой жизни было много красивого. До конвейерного производства оставалось еще немножко времени, вещи делались, как следует, служили долго, переходили от деда к отцу, от отца к сыну и становились предметом семейной гордости.

Но что же делать, если мы захотим сказать об этом же самом времени в любой другой стране? К примеру, в Америке. В Соединенных Штатах это время называют *Golden Era* – «золотой век». Но не всегда. Гораздо чаще все же говорят *victorian era* – викторианская эпоха. Что, конечно, неудивительно: ведь в Америке, как и в Англии, говорят по-английски. Но все-таки надо сказать, что различий между этими странами гораздо больше. Англия – Старый свет. Америка – Новый. В Англии правит ее величество королева. В Америке выбирают президента. Англия – пожилая дама, известная в европейском обществе своим примерным поведением. Америка – молодая девица, дерзкая и расчетливая.

А что делать в России? В Германии? В Испании или Африке? Как называть это время? Не говорить же, в самом деле, «с середины девятнадцатого века по первые годы двадцатого»!

Вообразите, и в России тоже чаще всего говорят: «викторианская эпоха».

Но... это же безобразие? Это неверно. Ошибка.

Наверное. Но не слишком большая. Фокус в том, что Англия в то время имела огромное влияние на весь мир. В некоторых странах появилась англомания – мода на все английское. Англومانья старались жить «по-английски»: носить английский костюм, пить чай ровно в пять часов, уходить не прощаясь и пуще глаза беречь свою безупречную репутацию.

Но почему?

Да потому, что именно в Англии ярче всего проявились черты того, старого, уклада. Вот они: вера в прогресс и строгие правила поведения.

Человек с безупречным поведением назывался джентльменом, если это был мужчина, или леди – если это была дама.

Честно сказать, все это было немного театрально и совсем не всегда правда.

Тогда зачем это делалось? – спросит читатель.

А затем, что людям очень важно было понимать, что хорошо, а что плохо. Хотя бы в общих чертах. Как правильно и как неправильно. Кто уважаемый человек, а кого не принимают в приличном обществе.

Людям был нужен ориентир.

Примерно так же картине нужна рама.

Однако, сама картина здорово от своей рамы отличалась.

Прекрасные вещи стоили в Прекрасную эпоху дорого. Для небогатых, то есть, для большинства людей, жизнь была не такой уж прекрасной. Правду сказать, она была совсем не очень-то.

Во-первых, все время приходилось бороться за свое существование (этим и сто лет спустя никого не удивишь). Хорошее образование тоже не всем было доступно. (Что? Мы не сказали ничего нового? Ну, ладно). А многие люди вообще не получали никакого образования. Бесплатные школы, конечно, имелись. Но все-таки в небогатых семьях дети шли работать, чтобы не умереть с голоду – кормить-то их было не на что. Так что чаще всего обходились какими-нибудь тремя-пятью классами, а потом отправлялись искать заработка.

И мало того, что существовали всяческие различия между богатыми и бедными. Это разделение, которое многие считали необходимым – иначе какой же порядок? – стало вдруг рушиться. Люди ведь вечно ищут, как бы изменить свою жизнь к лучшему. К примеру, человек мог быть богат и знатен – это одна жизнь. А мог быть беден и происходить из самой простой семьи. И

¹ *Magnifique* – великолепно (фр.)

это, конечно, совсем другая жизнь. А еще он мог быть богат и незнатен – тоже история. А еще беден и из знатной семьи – совсем запутанное дело.

Как такому жить, если положено, чтобы все было четко и ясно? Кем его будут считать? Аристократ он или нищий?

А если человеку хочется что-нибудь исследовать или, к примеру, писать стихи, а он вынужден грузить уголь или рубить дрова? Или, может быть, человек хочет быть доктором, но его родители всю жизнь торговали баранками? Они же и представить не могли, как это: не хотеть торговать баранками. И еще думали примерно так.

Во-первых, учиться дорого. Где взять денег? Во-вторых, долго. Кто будет кормить этого сумасшедшего, которому фантазии покоя не дают? Пока он там выучится, а? Ну, и потом учиться трудно. А если он не сможет? А если денег на учебу не хватит, и его выгонят? Нет уж, пусть лучше продает баранки, как его отцы и деды! Так оно спокойнее будет.

Словом, люди все время лезли, как сказали бы тогда, на чужое место. Все так перепуталось, что картина то и дело выпадала из рамы. И обратно влезать не хотела, как ни старайся. «Деньги!» – говорили одни. – «Все решают деньги». «Мечта!» – возражали им другие. – Человек должен мечтать! Мечты должны исполняться! Иначе зачем все? А ваши деньги ерунда. В будущем не будет никаких денег! Они станут не нужны!». «Прогресс – вот что решает все вопросы!» – заявляли третьи. – Правда в науке. Только она по-настоящему справедлива. Наука естественным образом распределит все блага и мы увидим светлое будущее!»

Находились и всякие другие. Кое-кто полагал, что никакого будущего вообще не будет, потому что скоро настанет конец света. Кто-то говорил, что человечество исчерпало себя и вот-вот без всякого конца света вымрет.

Получился большой шум и беспорядок.

Но есть вещи поважнее любого беспорядка: здоровье. Здесь пересекаются и мечты о будущей светлой и счастливой жизни, и научные открытия, и, разумеется, деньги. Перед болезнями все равны – бедные и богатые, поэты и изобретатели, знаменитости и самые обычные люди.

Визит к доктору

Болели много, а средств от многих болезней все еще не было. Вот, например, краткий список того, чего не было:

– Антибиотиков. Первый антибиотик, пенициллин, открыли только в 1929 году, а в массовое употребление он вошел только с началом Второй мировой войны: в первые годы 1940-х.

– Одноразовых приборов: шприцев, пипеток, лопаточек для горла, пеленок. Все это делалось стеклянным, резиновым, деревянным, или металлическим, и после использования кипятилось или обрабатывалось специальным стерилизующим раствором – и, между прочим, к тому времени это было немалым достижением.

– Вакцин от полиомелита, туберкулеза, кори, столбняка. От гепатита и дифтерии. И еще от массы разных болезней.

Ужас какой-то, скольких совершенно необходимых вещей все еще не было!

Люди умирали или оставались калеками от болезней, которые в наше время излечиваются за неделю-две. Например, от воспаления легких или даже от гриппа. То и дело вспыхивали эпидемии – и тогда болели целыми улицами, городами, деревнями.

Не все дети доживали даже до десяти лет, заразившись инфекциями, от которых не было средств.

А еще викторианцы не очень хорошо умели лечить зубы. Хотя и очень старались.

Зато был пластырь телесного цвета и красивые жестяные коробочки для пилюль.

Жестянка с пилюлями хинина

Да и вообще медицинские приборы, инструменты и всякие приспособления были красивыми – даже зуболюбные кресла.

На то она и Прекрасная эпоха.

А еще были шарлатаны.

Глядите, это он!

Шарлатанов было много. Люди, выдающие себя за докторов, торговали средствами от всего и для всего. Иногда они просто давали рекламу в газеты, а иногда устраивали целые медицинские шоу: нечто среднее между передвижным цирком и аптекой. Честное слово!

Передвижное шоу д-ра Тикки. Лекарства от всего, скупка-продажа подержанных зонтов, крысиный яд и другие полезные вещи! Только сегодня и только у нас! Доктор Тикки выступит с лекцией! Торопитесь!

По городам колесили фургоны с цирковыми артистами, танцовщицами и дрессированными животными. Или атлетами. Или карликами. Или великанами. Или усатыми женщинами. А то даже и со всеми сразу.

Шарлатаны помельче предпочитали передвижную лавку со всякой всячиной: там, среди средств для травли крыс, чистки обуви и столового серебра, между зонтиками и плетеными корзинками для хлеба, между шнурками и лентами, и специальным устройством для сбережения превосходно завитых усов джентльмена, когда джентльмен пьет чай, лежало специальное патентованное мыло, возвращающее коже сияние юности и оберегающее от всех болезней; шоколадные пилюли от расстройства желудка, ревматизма и слабоумия, специальные ночные накладки для исправления формы носа – и так далее, и тому подобное. А еще в большой моде было все электрическое – ведь электричество появилось не так уж давно. И шарлатаны продавали электрические корсеты, электрическое масло, электрические стельки – все электрическое, возвращающее молодость, красоту и здоровье, и заставляющее слепых бегать, а хромым – говорить.

Это было страшно смешное время. Сейчас мы туда отправимся.

Но чтобы совершить прогулку по викторианской эпохе – в ее широком смысле – нам нужен сопровождающий. Викторианец.

Может быть, сама королева Виктория? Пожалуй, нет. Простите, ваше величество, но ведь мы говорим о медицине. Значит, нам нужен врач? Правильно. Но врача недостаточно. Наверное... наверное нам подошел бы еще сыщик – викторианская эпоха таит в себе много секретов.

НУ, ТОГДА ВСЕ СОВСЕМ ПРОСТО.

Есть два персонажа, которые не меньше королевы могут считаться символом викторианского времени. Люди, которых знают и любят дети и взрослые. Бабушки и дедушки. И даже тетушки и дядюшки редко остаются к ним равнодушны.

Это знаменитый сыщик Шерлок Холмс:

И его друг доктор Ватсон:

Безукоризненные джентльмены – помогающие, как и положено, всякому попавшему в беду. Люди, умеющие разобраться в любой запутанной истории. Воплощение здравого смысла. Поидемте, посмотрим, как идут дела на Бейкер-стрит.

Двадцатый век начинается Пролог

Однажды доктор Ватсон сидел в своей комнате на Бейкер-стрит и писал.

Писал он вот что.

Сегодня, 29 декабря 1899 года я держу в руках всего лишь небольшую брошюру. Возможно, сто лет спустя она не произведет того грандиозного впечатления, которое произвела на меня и многих моих современников. Эта небольшая вещь озаглавлена: «X-лучи. Их получение и применение».

Влияние рентгеновских лучей на живую ткань, их использование в геологии, минералогии, ботанике и зоологии, наконец, в фотографировании, – вот только малая часть того, о чем рассказывается там. Примечательно, что все описанное – не утопия, не теории относительно того, какой будет наша наука через двадцать, пятьдесят или сто лет, а дело самого ближайшего будущего! Осталось совсем немного. Один шаг – и в каждой научной институции, в каждой больнице...

Но доктор Ватсон не успел закончить свою смелую мысль – за дверью раздались выстрелы. Доктор уронил кляксу и уныло бросил на испорченный лист промокашку. В комнату вошел знаменитый сыщик.

– Холмс! – подскочил Ватсон. – Опять вы изводите патроны! Как будто они даются нам даром! Вы продырявили все стены и все двери вензелем королевы! Вы же взрослый человек. Возьмите себя в руки!

– А, Ватсон, – Холмс сунул в карман халата револьвер – у него кончились патроны. – И у вас все по-старому? Мне скучно, дорогой друг. Преступный мир катится в тартарары. Совсем скоро развитие науки и техники сделает раскрытие преступлений делом, с которым справится даже ребе... Что это?

Не спрашивая разрешения, он схватил брошюру, лежавшую на столе доктора.

Свет! больше света!

– было написано там.

Профессору Вильгельму Конраду Рентгену,
первооткрывателю новой формы радиации,
которому мировая наука обязана столь многим
автор смиренно посвящает свой труд.

*Профессор Вильгельм Конрад Рентген (жил 1845–1923).
Немецкий физик. Открыл новый вид излучения – X-лучи,
получившие название рентгеновских. Лауреат Нобелевской премии.*

Автором брошюры значился некто Коль, Фредерик Стрендж, доктор медицины, радиографист, член Медицинского общества графства Кинг, Бруклинского Патологического общества, общества выпускников Лонг-Айлендского колледжа и Медицинской Ассоциации графства Кингс, из Бруклина, Нью-Йорк.

– Хм, – заметил сыщик, прочитав все это.

Доктор Ватсон очень разволновался.

– Дорогой Холмс, – произнес он, – я сегодня был на нашем ежегодном собрании афганских ветеранов в Нетли. Вы не поверите, что там показывали!

С этими словами он взял в руки брошюру.

– Чудо современной полевой техники – удивительный диагностический аппарат. С его помощью становится возможным изучение анатомии, определение состояния сломанных костей, установление и диагностирование внутренних болезней, положение ребенка в утробе матери...

– Прекрасно, прекрасно, – одобрил Холмс.

– Этот аппарат, – продолжал Ватсон, – позволяет видеть пулю даже без зондирования. С его помощью можно выяснить, где она находится, на какой глубине залегает, точно определить, ушла ли она из раны или осталась, и вообще, это невероятно. Кроме того, там показывали всякие штуки вроде золотых монет, которые считали в бумажнике, и тому подобное. Представляете?

Шерлок Холмс пробормотал что-то неразборчивое и вышел.

– Какой же вы, Холмс... сухарь! – воскликнул Ватсон, но, впрочем, тут же углубился опять в работу.

* * *

Утром, 31 декабря 1889 года знаменитый сыщик Шерлок Холмс проснулся, потянулся и немедленно побежал в гостиную. Там, у окна, стояла большая елка, на каминной полке лежали свертки с подарками, а рядом стояли миссис Хадсон с доктором Ватсоном.

– С Новым Годом! – закричали они.

Лица у них были такие светлые, такие торжественные, что Холмс не удержался. В глазах его блеснули слезы.

– Давайте же откроем подарки, друзья мои! – произнес он, и, не слушая возражений, что еще слишком рано, первым полез в свой сверток.

Там были прекрасные запонки и перчатки, дюжина носовых платков с котятками, великолепный бронзовый носорог, тигриный клык в серебряной оправе и новый блокнот. Перстень с изображением мухомора и мешок пряников. Бутылка бристольского портвейна и к ней коробочка лакричных леденцов. А также небольшая клизма.

– Мило, очень мило, – произнес знаменитый сыщик. – Спасибо, дорогая миссис Хадсон! Спасибо, мой дорогой Ватсон! Вы помните, что я люблю лакрицу! Как приятно!

Доктор Ватсон тоже успел посмотреть свои подарки. Он ничего не сказал. В его чулке лежала только маленькая баночка маринованной селедки.

– Дорогой Ватсон, – Холмс забрал у него жестянку и с торжеством потряс ею, – вы знаете, что анчоусы – это, по сути, так называемая русская сушеная рыба *vobla*, замоченная в оливковом масле? Сельдь килечного посола, маринованная на датский манер. Все это я узнал на расследовании одного забавного дела в Ярмуте.

– Что это за дело в Ярмуте? – с неудовольствием спросил доктор.

– Расследование дела о хищении гигантского количества селедок. Русская шхуна «Cabba»...

– С Новым Годом, Холмс, – тихо произнес Ватсон и хотел уйти в свою комнату, но ему не дали.

– Миссис Хадсон, вы настоящее золото! – воскликнул знаменитый сыщик. – Никто так не умеет хранить секреты, как вы! Ватсон, стойте! Пойдемте же теперь в чулан!

– Не хочу я в чулан, – горько сказал доктор.

– Ватсон! – сыщик схватил его за рукав. – Я лишний раз убеждаюсь, что вы настоящий бол... что мой подарок вам просто необходим! Идемте скорее, вы же его еще не видели!

– Ваш подарок никуда не влезал! – добавила миссис Хадсон.

Тут только доктор все понял и страшно обрадовался.

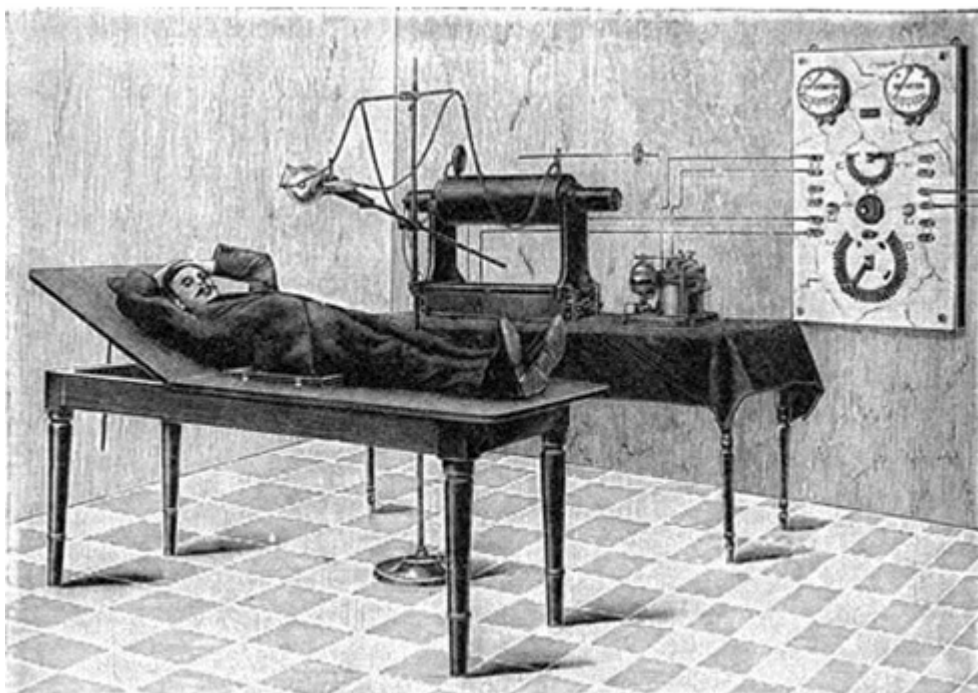
– Ах, Холмс, а я-то плохо о вас подумал! – произнес он с чувством.

– Стыдно, Ватсон, – укорил Шерлок Холмс. – Вы же меня знаете. Ну, идемте.

Миссис Хадсон отперла чулан, в котором хранился всякий ненужный хлам, и вот что увидел доктор.

Он увидел стол, крышка которого состояла из трех частей: одна из этих частей была поднята и подпиралась стальным каркасом. Увидел другой стол, со странным цилиндрическим прибором, и мраморный щит на стене. На этом щите располагались два циферблата, тумблер, кнопка и несколько переключателей. Осмотрев все это, доктор повернулся к своему другу.

– Вообразите, – Холмс указал на стол, – вот лежит пациент. Верхняя часть его тела немного приподнята. Под ним фотографическая кассета.

Рентгеновский аппарат, первые годы двадцатого века

– Значит, мы не станем просвечивать его тело, а сразу же сделаем фотографию?

– Да, это очень быстро и почти безопасно.

– Но... – Ватсон засомневался. – А вы умеете этим пользоваться?

– О, да, электрик мне все объяснил. Все чрезвычайно просто. Вот это, – Холмс показал на стену, – высоковольтный распределительный щит. Этот тумблер, – тут сыщик с удовольствием пощелкал эбонитовой ручкой, – называется реостат. Большая кнопка посередине – пуск. Вот это гигантское цилиндрическое сооружение и есть основная спираль, которая повышает напряжение – та самая знаменитая спираль Румкорфа, она же преобразователь. А прямо над пациентом высокозарядная лампа, которая и порождает так называемые X-лучи. Все.

Ватсон молчал.

– Что же вы, доктор? – спросил знаменитый сыщик. – Не рады?

– Я очень тронут, Холмс! – пробормотал доктор Ватсон. – Очень! Но, право, не стоило так... не стоило так тратиться!

– Пустяки, – махнул рукой Шерлок Холмс. – Лорд N весьма кстати прислал мне чек. Помните то маленькое дело со сбежавшей невестой? Но что это? Ватсон! Я вижу, что вы не рады!

– Да-да, – промямлил Ватсон, – это великое открытие. Настоящий прорыв в науке.

– Нет, вы не рады, – обличил великий сыщик. – Складки на вашем лбу говорят мне, что вы чем-то крайне озабочены, а ваш взгляд выдает смущение. Я сказал бы, что вы готовы провалиться сквозь землю.

– Э... э... нет, Холмс, нет! Я очень тронут. Но...

Шерлок Холмс поднял палец.

– Милый друг мой, – наставительно произнес он. – Вся медицина нашего времени, вся диагностика – все построено на одном только выслушивании и выстукивании. Только так возможно обнаружить увеличение или опухоль печени, почек, селезенки, шумы в сердце, определить хрипы, затемнения или недышащие сегменты в легких. Военному хирургу – врачу более примитивной степени, вот как вы – более всего свойственен метод прощупывания, то есть, пальпации живота с целью определить, что там происходит. Я не хочу говорить вам прямо, но

представьте себе, как не помешала бы нашему другу Лестрейду такая специальная машинка, которая сразу бы писала на телеграфной ленте: «Убийца – некий Н. Дж. Хопкинс, проживающий по адресу: Каледония-роуд, Н. В.».

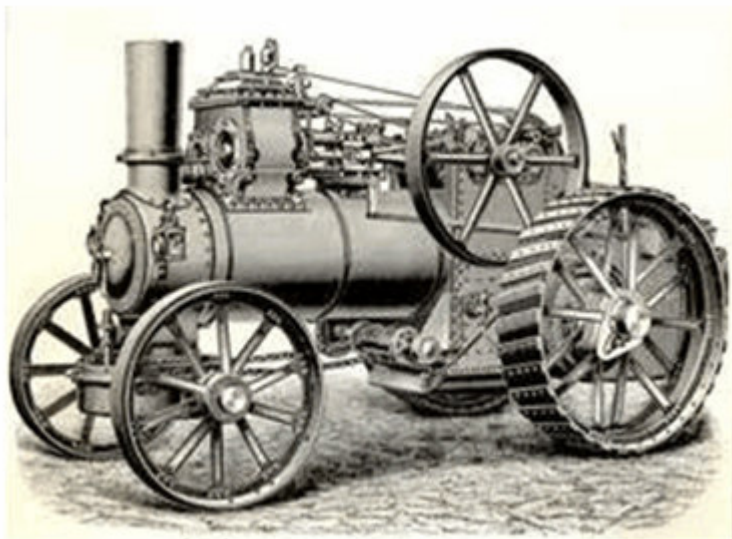
– Ну? – глупо спросил доктор.

– Что «ну», Ватсон? Это механизм для неучей. Он облегчает жизнь. Вы меня понимаете?

– Да, но...

Но тут миссис Хадсон щелкнула эбонитовым выключателем и лондонцы остались без света от Оксфорд-стрит до Гайд-парка, и от Портман-сквер до Сент-Джонс-вуд. Словом, по всей территории «Северо-западной электрической компании». Погасли люстры, торшеры и настольные лампы. Ночники, светильники и лампочки в уборных. Умолкли телефоны. Перестал работать телеграф.

– Видите ли, Холмс, – говорил в темноте доктор, – дело в том, что рентгеновский аппарат представляет собой устройство чудовищной мощности. Именно в этом причина его пока еще небольшого распространения. Чтобы вырабатывать нужное количество электричества, нам потребовалась небольшая велосипедная рота. Которую, правда, мог бы заменить паровой локомобиль. Хм.

Паровой локомобиль

– Хм, – тоже сказал знаменитый сыщик, – да. Я потратил на это устройство все наши деньги, так что извините, Ватсон, с локомобилем придется обождать.

Доктор зажег свечу и оглядел устройство еще раз. Да, это был прекрасный аппарат!

– Знаете, Холмс, – сказал доктор, – я иногда думаю, как вы высокомерны. Неужели вам не приходило в голову, что должны быть веские причины, по которым такое необходимое людям устройство, существующее, кстати, уже шесть лет, все еще мало используется?

– Вы хотели сказать: «Какой вы болван, Холмс«!?

– Нет, что вы, нет!

– Не отпирайтесь, дорогой Ватсон, да!

– Оставьте свои инсинуации!

– Я сейчас вас кочергой тресну!

Пока они ругались, внизу постучали в дверь. Миссис Хадсон пошла открывать.

– К вам посетитель! – заявила она.

В ГОСТИНУЮ НА БЕЙКЕР-СТРИТ ВОШЕЛ ВЫСОКИЙ, ХУДОЙ, СОВЕРШЕННО ЛЫСЫЙ, НО ЧРЕЗВЫЧАЙНО УСАТЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Он сказал:

– Я знаменитый коллекционер редкостей профессор Штеленбош. Фы должны мне помотш.
– А в чем дело? – спросил его Шерлок Холмс.
– Исчез величайший редкость, – сообщил профессор. – Точный ее ценность не берется определить ни один эксперт. Volens-nolens приходится продавайт по приблизительный стоимость.
– Подождите, профессор, – остановил его доктор Ватсон. – Так эта вещь продается?
– Она есть украден! – воскликнул Штеленбош и зарыдал. – Какой величайш трагедий и драм!
– И мелодрам, – шепнул на ухо доктору Шерлок Холмс.

А вслух сказал так:

– Однако, дорогой профессор, если вы станете плакать вместо того, чтобы описать свою пропажу, мне будет очень трудно вам помочь.

– О! – профессор вытер слезы своими длинными усами. – Найн, найн! Я не могу! Это есть чрезвычайно секретный коммерческий тайн!

– Ну, хотя бы в общих чертах, – предложил, дымя трубкой, знаменитый сыщик.

– В двух, так сказать, словах, – прибавил доктор Ватсон.

– Найн, найн! – запротестовал профессор. – Это нефосможно! Вы ест великий сыщик, вы помочь мне так!

И он повертел руками.

– Так? – переспросил Холмс. – А! Вы хотите сказать, моим дедуктивным методом? Хорошо.

И он стал задавать вопросы:

– Это большая вещь?

– Найн, найн!

– Ее едят? Нет? Тогда ее пьют?

– Ни ф коем случае! – возмутился профессор Штеленбош.

– Это красивая вещь?

– О, йа, отшень!

– Тогда, может быть, ее носят на шее? Нет? На руке?

Профессор подумал.

– При некоторых обстоятельствах... это фосможно.

– На пальцах?

– О, найн!

– Хм-хм, – знаменитый сыщик задумался. – А скажите, профессор, когда вы видели эту вещь в последний раз?

Профессор долго размышлял. Брови его страшно шевелились.

– Я фидел мой пропажа последний раз, – с большой осторожностью начал он, – о-о? Э-э? А! Я ее фидел у себя дома!

– И как давно?

Штеленбош подозрительно оглядел Холмса, потом Ватсона, потом миссис Хадсон. По-видимому, в вопросе таилась какая-то опасность.

– Я ест фидел мой феличайший ценност сегодня за зафтраком!

– Может быть, потом вы отдавали вашу ценность в починку? Ювелиру? Оценщику?

– Найн. Никокта! Она ест и должна быть только мой дом.

– За завтраком, кроме вас, кто-нибудь присутствовал? – спросил Холмс.

– Только мой жена!

Шерлок Холмс откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Прошла минута.

– Дело раскрыто! – объявил знаменитый сыщик. – Профессор, вы меня извините, но придется подвергнуть вас некоторым исследованиям.

И он продемонстрировал профессору клизму.

– Вы хотите скажайт. – профессор вопросительно ткнул себя пальцем в живот. – О, найн!

– Да, голубчик, да, – с улыбкой произнес Холмс.

Он опять прикрыл глаза и проговорил задумчиво:

– Сегодня за завтраком вы ели яичницу из двух яиц с горошком. Небольшой ценный предмет находился у вас в кулаке. Ваша жена, дама очень бережливая и аккуратная, пересчитала горошины и разделила их поровну. Однако, вы, съев свою порцию и ощущая все еще чувство голода, отвлекли ее внимание. Возможно, вы показали ей на часы. Часы висят у окна, справа от

обеденного стола. Когда мадам Штеленбош повернула голову, вы, не теряя времени, утащили у нее с тарелки горошину и быстро сунули ее в рот. Во рту у вас в это время находилось и ваше сокровище, потому что вы очень боитесь своей супруги, и не хотели, чтобы она увидела эту вещь. Кроме того, вы очень спешили. Вы проглотили сокровище вместе с горошиной. Вот и все. Ватсон, поставьте ему клизму.

– Как вы можете это утверждать? Я требую доказательств!

– Все очень просто. Первое – ваша одежда в идеальном порядке, хотя ее возраст внушает почтение. Все вещи дорогие, за ними следят много лет и тщательность ухода выдает женскую руку. Кроме того, брюки сделались вам несколько коротки. Из этого я делаю вывод, что существует дама, заботливо отрезающая от них бахрому, которая образуется от долгой носки, и столь же аккуратно подрубая штанины после этого. Прекрасная работа. Ваша супруга поистине мастерица. Второе. Аккуратность вашей жены выдает фанатичную склонность к экономии. Третье. Ваша почтенная супруга столь же тщательно следит за всем в доме, включая и вас. Об этом говорит ваш нервный тик – правый глаз судорожно дергается, и ваша подозрительность. Когда вы сидели, то обнаружили, что ваша правая рука влажная, и потихоньку вытерли ее о кресло, хотя могли достать платок. Это говорит о вашей привычке действовать незаметно.

– Но как вы узнать про двух яиц? Про то, что я ест горошек на завтрак!

– Обычный английский завтрак – вкусная яичница с беконом, – улыбнулся сыщик. – Полагаю, бекон в вашем случае представлен бараниной?

– Это дешевле! – подтвердил профессор.

– Баранина у вас бывает только по субботам, а другого мяса вы не употребляете, – продолжал Холмс. – Яичница из двух яиц вполне обычна для бережливой семьи. Это естественно. И, наконец, горошек – самый дешевый, хотя и не самый вкусный гарнир.

– Но мои часы! Как вы знаете про часы? Вы следите за мной!

– Нет, профессор. Обеденный стол в вашем доме, как и во многих других домах, стоит у окна. Часы висят напротив, над камином. Легко предположить, что вечное желание увеличить свою порцию подсказало вам занять место спиной к окну – так, чтобы ваша супруга оказалась спиной к камину. Вопрос: «который теперь час, дорогая?» – удобный способ заставить ее отвернуться. И, наконец, ваша привычка прятать мелкие вещи в кулаке. В настоящий момент у вас в кулаке моя серебряная запонка с янтарем. Ай-яй-яй, а еще профессор! А ну, давайте ее сюда!

Собиратель древностей рассердился.

– Вы не имеете права! Я еще окончил Рижский техникум-университет! *Das Baltische Polytechnikum zu Riga!* У меня есть высший коммерческий образование!

– А также некоторая склонность к клептомании²[2], – завершил свою мысль Холмс. – Об этом, конечно, осведомлена ваша жена. Это и есть та причина, по которой вы не стали хранить сокровище в кармане? Естественно. Следовательно, оно досталось вам не совсем честно.

Профессор хотел возразить, но его перебил сыщик.

– Думаю, – продолжал он, – его прежний владелец – близкий знакомый или родственник вашей жены.

Холмс окинул профессора пронизывающим взглядом.

– Этот человек приходится вашей жене дядей. Думаю, что не ошибусь, предположив, что он – прусский регистрант-президент фон Холодетц.

– Вы действительно фелики...

От изумления профессор открыл рот, но сыщик махнул рукой.

– Это написано в справочнике. Я только припомнил, что видел там вашу фамилию. Итак, дядя вашей жены. Ваш главный покровитель. Только благодаря этому человеку ваши векселя чего-то стоят. Конечно, если ваш поступок станет известен, неизбежен скандал.

Холмс подумал еще и сказал:

– Ну, хватит. Миссис Хадсон, нам понадобится горячая вода! Ватсон, скорее клизму.

– Найн! – зарыдал профессор. – Я не могу это позволить!

² Клептомания (греч.) – болезненное желание красть, часто всякую мелочь, без всякого смысла.

– Но герр профессор, – попробовал его успокоить доктор Ватсон, – это обыкновенная процедура. Совсем не больно!

Однако, коллекционер не успокаивался. Уговорить его не удавалось ни доктору, ни миссис Хадсон, ни даже Шерлоку Холмсу.

– Ви ест фелики сыщик! – твердил Штеленбош. – Ви найдет лучший способ!

Уходить он тоже отказывался и все бродил по дому, ноя, жалуясь и требуя, чтобы спасли его сокровище. До полуночи оставался всего какой-нибудь час, как вдруг, Холмс воскликнул:

– Есть! Действительно есть способ! Я нашел его! Миссис Хадсон, прошу вас выключить все электрические приборы. Погасите свет в уборной. Почему у нас вечно забывают гасить свет в уборной?

– Вы, сэ, были там последним! – попробовала возразить миссис Хадсон.

– Неважно! – отмахнулся Холмс. – Скорее выключайте свет и пойдете в чулан!

– Найд! – закричала уже миссис Хадсон (она очень устала и запуталась). – Нет! Я не позволю!

Но знаменитый сыщик обнял ее за плечи и ласково произнес:

– Голубушка миссис Хадсон, по моим подсчетам мы выиграем не меньше двух минут, прежде, чем неизбежное настигнет нас во второй раз. Этого времени должно хватить.

– Нет, нет! Нельзя! – миссис Хадсон раскинула руки и закрыла собой аппарат. – А вам, профессор, должно быть стыдно! В вашем возрасте – и так бояться простой медицинской процедуры!

Профессор Штеленбош заволновался. Он отступил назад, споткнулся о кресло и с грохотом повалился, задрвав свои длинные ноги. Миссис Хадсон тоже испугалась и бросилась узнать, все ли с ним в порядке.

А пока происходил весь этот бедлам, Холмс успел включить аппарат.

– Скорее! – закричал он. – Давайте сюда профессора!

Профессора подтолкнули, содрали с него куртку, жилет, рубашку. Затем устроили профессорское туловище над фотографической пластиной, направили на него лампу – и глазам присутствующих предстала картина: белые профессорские кости, смутно-темные очертания вокруг и посреди темноты – маленький, тоже очень белый предмет.

– Это же мышь! – поразилась миссис Хадсон.
– Это есть коммерческий тайн! – запротестовал профессор Штеленбош. – Я не давайт своего разрешений обсуждать!
Это и правда была крошечная, размером не больше вишни, статуэтка мыши.
– Чистое золото, я полагаю? – поинтересовался Шерлок Холмс.
– Золото, бриллиант, где глазки, рубиновый ножки, – не удержался от хвастовства профессор. Я найти этот вещь в индийский царский гробниц. Никто не должен знать, вы понимает?
– Конечно-конечно, – пробормотал доктор Ватсон.
– Я должен дать мой супруга телеграмм! Пустите меня давайт телеграмм!
Но не успел Штеленбош произнести эти слова, как экран погас, аппарат выбросил сноп искр и воцарилась тьма.
– Ватсон, – раздался во мраке голос Холмса, – окажите любезность, задержите нашего клиента. Он, кажется, сейчас задел мою ногу.
– Он хочет убежать, не заплатив! – возмутилась миссис Хадсон. – А еще профессор!
– Фы есть большой безобразник! – закричал профессор. – Фы говорит фелики сыщик, а сам нитшого не делает! Только аппаратус!
Тут вскрикнула миссис Хадсон, в темноте грохнулось и началась возня.
– Я поймал его, Холмс! – пыхтел Ватсон.
– Сэр, я держу его! – с достоинством заявила миссис Хадсон.
– Найн! Найн! Доннерветтер! Фы есть должны меня пустить! – ругался профессор Штеленбош. – Отцепитесь мой подтяжки!

И ТУТ В ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛИ.

– Откройте! – послышался голос. – Полиция!
– Найн! – опять закричал профессор. – Найн полиция! Я буду выписывайт ваш чек! Я честный собиратель редкость!
Миссис Хадсон побежала открывать и скоро вернулась. Луч полицейского фонаря продемонстрировал эксцентричного посетителя с ворохом одежды в руках и в спущенных подтяжках, за которые, как лошадь за повод, держал его доктор Ватсон.
Когда ушел профессор Штеленбош, а с ним вместе и констебль Джонсон, явившийся узнать, почему во второй раз нет электричества, и получивший объяснения (вернее, оправдания), великий сыщик и его друг уже сидели у камина.
– Видите, дорогой Ватсон, а вы еще упрекали меня.
– Я не упрекал вас, Холмс.
– Нет, вы меня упрекали! – уперся знаменитый сыщик. – Вы говорили, что я сорю деньгами!
– Я сказал: «Я очень тронут». Но вы в самом деле потратили целое состояние! Весь гонорар этого Штеленбоша уйдет на штраф Северо-западной электрической компании. На что мы будем жить?!

Доктор представил, как обитатели дома 221Б по Бейкер-стрит живут на его скромную пенсию, и опечалился.

Но Шерлок Холмс сказал:

– Ох, Ватсон, какой вы все-таки бол... я имел в виду, вам недостает воображения. Это же естественно! Во-первых, как вы могли заметить, профессор – человек нервный. У него так тряслись руки от страха, что он приписал к чеку лишний ноль, чем несколько увеличил наш доход. А во-вторых, пока не было света, ограбили ювелирный магазин на Холлборн и банк на Оксфорд-стрит. А из магазина Фигсли-и-Пиксли вынесли особо ценную ванну и русские часы в малахитовом футляре «*Hoziauka Mednoy Gory*». Я не знаю, что такое *Mednoy Gory*, но *Hoziauka* – это нечто вроде миссис Хадсон. «Миссис Хадсон *Mednoy Gory*». Удивительные часы, я не раз видел их в витрине. Очень большие и тяжелые.

Сыщик рассмеялся.

– Ерунда какая-то: вынести их мог только человек огромного роста и силы. Тем не менее, часы свистнули. А все жертвы преступлений придут куда?

Голос его сделался таким ласковым, каким говорят обыкновенно с очень маленькими и очень капризными детьми. Доктор Ватсон что-то неразборчиво промычал.

– Правильно, ко мне, – согласился Холмс. – Так что на какое-то время мы с вами обеспечены.

В эту минуту другие часы – старинные часы в гостиной на Бейкер-стрит, 221Б пробили полночь. Первую полночь 1900 года.

Начинался двадцатый век.

Чем болели викторианцы

Однажды в самый разгар холодной зимы 1900 года знаменитый сыщик Шерлок Холмс со своим другом доктором Ватсоном сидели у камина в гостиной. Точнее, это доктор Ватсон сидел у камина. А Шерлок Холмс пилил на скрипке.

– Знаете, Холмс, – неожиданно произнес доктор, – а ведь я пишу книгу.

– Нашли, чем удивить, – фыркнул сыщик.

Доктор обиделся.

– Но ведь я пишу совсем не о вас, Холмс.

Великий сыщик так и подскочил.

– КАК!

– Не могу же я все время писать о наших с вами похождениях, – доктор Ватсон пожал плечами. – Я все-таки врач. Я хочу написать для потомков. Это будет нечто вроде обзора самых обычных болезней и лекарств нашей эпохи.

Холмс продолжал терзать свою скрипку.

– Двадцатый век, – голос доктора зазвучал торжественно, – начался. Совсем скоро люди станут другими. Жизнь станет другой. И если мы не оставим о себе память, через какие-нибудь жалкие сто лет никто уже не будет знать, какой была медицина в эпоху Шерлока Холмса!

Холмс уронил скрипку.

– Вы так думаете? – спросил он, нагибаясь, чтобы ее поднять.

– Я в этом уверен.

– А мне почему-то кажется, что ни через сто лет, ни через двести, ни вообще в каком-либо будущем ничего существенно не изменится.

– Как вы можете так говорить! – вскричал Ватсон. – В наше время, когда появляется столько всего нового! Когда человек вот-вот одержит победу над болезнями, которые считались неизлечимыми! Когда наука и техника идет семимильными шагами!

– Какими шагами?

– Семимильными!

– Гм, – сказал сыщик.

В гостиной на Бейкер-стрит повисла тишина. Холмс сел в кресло напротив доктора и задумался.

– Первым делом, – не очень решительно произнес доктор Ватсон, – я бы сказал о диспепсии.

– Удивительно, что диспепсией называют любые неприятности с желудком, – проворчал Шерлок Холмс. – Ватсон! Это же непонятно! А что, если у меня...

– Не надо, Холмс, я понял, – остановил его доктор. – Дело в другом. Удивительно, что в наше время неприятности с желудком встречаются буквально на каждом шагу!

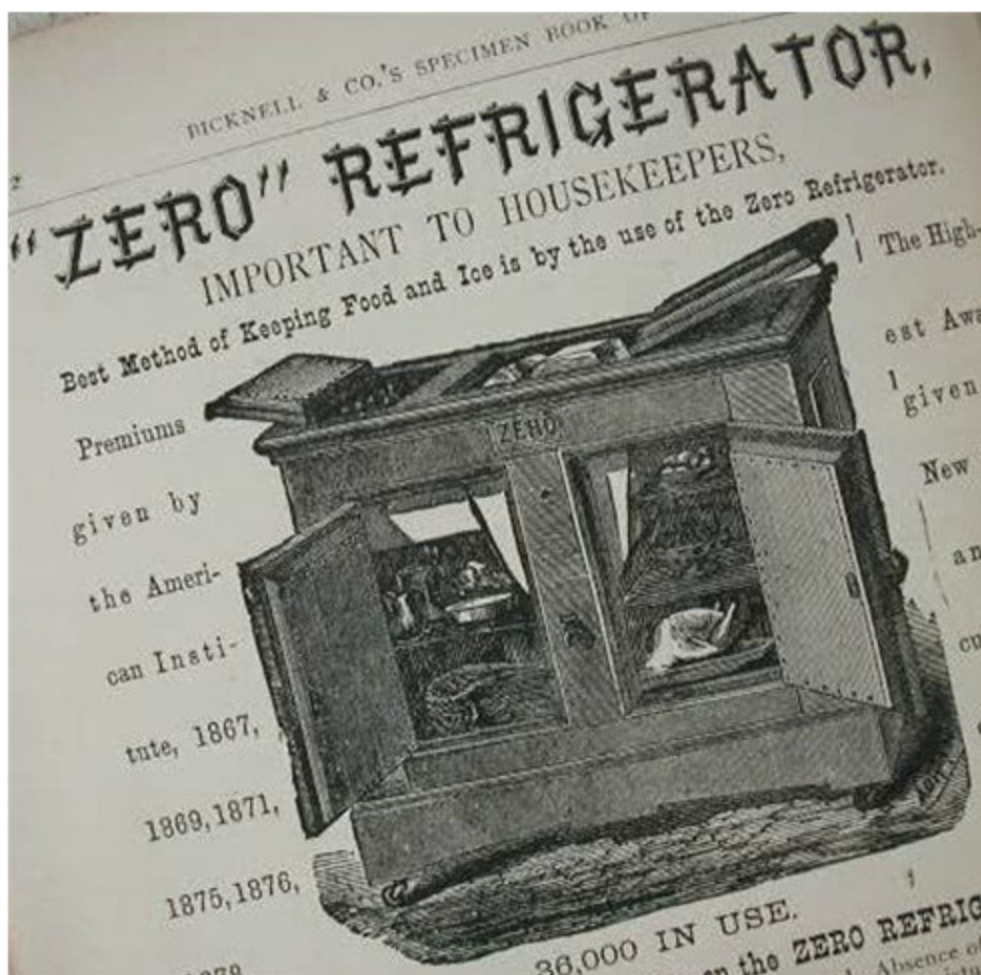
Но знаменитый сыщик только махнул рукой.

– Это неудивительно, – сказал он. – Простая дедукция. Вы слышали о «Зеро»?

– Признаться, нет...

Ватсон ужасно смутился. Ведь это он ворчал на Холмса, что тот не хочет знать ничего, кроме того, что ему нужно для работы.

– Это такой охлаждающий шкаф, – сказал Шерлок Холмс. – Американской работы. Я видел его в 1889 году на Всемирной Выставке в Париже. Вообразите себе этакий низкий тяжелый буфет, напоминающий внутри банковский сейф. У него два этажа, а сверху, в крышке, открываются дверцы – этакая небольшая камера для особо портящихся продуктов. Так вот, мой дорогой Ватсон, если бы такое устройство было в каждом доме, люди не мучились бы от диспепсии.

Охлаждающий шкаф, или рефрижератор, «Зеро»

– Почему же этого не происходит? – удивился доктор Ватсон.

– Естественно! – Шерлок Холмс поднял палец. – Это очень сложный аппарат. Во-первых, эфир, при помощи которого производится охлаждение, ядовит. Во-вторых, это дорогая и громоздкая вещь. Нужен компактный электромотор. Нужно сильное, хорошее водонагревающее устройство – разумеется, портативное. Нужен испаритель чрезвычайно высокой теплоемкости. Словом, это

очень сложный прибор. На него потребуется много времени. Вот почему ледяной шкаф остается прерогативой флота, железных дорог и крупных фермеров.

– Флота? – удивился Ватсон.

– Разумеется, друг мой! Разумеется флота! Как вам в голову не пришло: порох! Как только появился бездымный порох, сейчас же появились ледяные шкафы. Иначе хранить его на борту было бы просто опасно. Ватсон, вы меня удивляете.

– Это вы меня удивляете, мистер Шерлок Холмс, – доктор произнес имя своего друга отдельно, ироническим тоном. – Мы с вами договорились беседовать о медицине, а вместо этого...

– Умолкаю-умолкаю, – Холмс замахал руками. И даже взял скрипку, чтобы сопровождать рассказ доктора. Но вдруг остановился.

– Миссис Хадсон! – позвал он. – Миссис Хадсон! Принесите-ка мне хороший кусок баранины!

– Следуя вашему методу, диспепсия неизбежна, – заметил доктор Ватсон. – Эта баранина стоит в буфете со вторника – три дня!

– Ерунда, мы ее сейчас съедим, – сыщик легкомысленно рассмеялся. – Но если мы этого не сделаем, то уже завтра...

– Завтра я приправлю баранину чесночным соусом! – сообщила миссис Хадсон, входя в гостиную. – И положу к ней пикули³.

– Ах, – сказал на это доктор Ватсон и загрустил.

– Вчера вечером, – заговорил Шерлок Холмс, не переставая играть на скрипке, – вы шли от больного. Вечер был довольно промозглым, шел дождь, обедали вы довольно давно, и на углу с Глостер-плейс зашли в лавку. Лавочник взял жареную камбалу со сковороды, соскреб с нее мясо, перемешал его с жареной картошкой, завернул в газетный кулек и дал вам. Вы, дорогой доктор, шли по улице, ели из кулька камбалу и даже не заметили, что испачкали рукав и манжеты.

– Откуда вы все знаете?

– Я прекрасно знаю запах жареной камбалы. Его источает ваш костюм. А к вашим усам прилип кусок промасленной газеты, на котором отчетливо видны строки: «Три правила пересаж...», что, конечно, означает «Три правила пересаживания усов клубники». Из этого следует, что лавочник заворачивает покупки в субботний выпуск «Дейли Мейл», где есть советы садоводам. А следовательно, это был мистер Пакер, лавка которого находится на углу Глостер-плейс с Оксфорд-стрит. Так что диспепсия вам обеспечена.

– Я очень люблю жареную камбалу, – пробормотал Ватсон. – И вы, Холмс! Весь Лондон любит жареную камбалу.

– Несмотря на то, что она тухлая. Поздравляю, Ватсон, диспепсия нам обеспечена.

– Оставьте вы меня с этой диспепсией, Холмс! Я привык.

И доктор стремительно выбежал из гостиной. Ему было необходимо посетить одно важное место.

Потом он вернулся и молча сел в кресло. Шерлок Холмс продолжал играть на скрипке.

– Когда же вы перестанете пилить несчастный инструмент, – сказал доктор вполголоса.

– Ватсон, вы опять хандрите, – заметил на это знаменитый сыщик. – Можете внести эту болезнь в список самых распространенных немочей викторианского Лондона.

Ватсон обрадовался и тут же бросился записывать.

Хандра, подавленное настроение, раздражительность, меланхолия, истерия – она же нервная слабость. Если пациент имеет склонность:

с унылой физиономией бродить по комнатам вместо того, чтобы заняться чем-нибудь нужным или интересным,

или внезапно раздражаться рыданиями без всякой причины,

или вздрагивать от малейшего шума, а потом ругать всех подряд по самому пустячному поводу,

а также:

³ Пикули – это такие маленькие-маленькие маринованные овощи. Огурцы, или там помидоры, или лук, чеснок, или даже все это вместе, в одной банке, называется пикули.

просить подать соль, затем придираться, что соль подали недостаточно быстро, а потом внезапно выяснить, что ему этой солью всю жизнь испортили, диагноз: слабые нервы.

Особенно часто эта болезнь настигает интеллигентных людей или богатых аристократов. Фермеры, рабочие и бедные аристократы не могут себе такого позволить. Они или заняты работой, чтобы не умереть с голоду, или бегают в поисках заработка.

В крайнем случае, соображают, как бы написать знаменитый роман или гениальную картину, уморить богатую тетушку или выгодно жениться.

Бедные лондонцы не имеют времени на нервную слабость.

Доктор на секунду задумался и написал еще вот что:

Слабость физическая – верная компаньонка нервной слабости.

Большинство девочек, – как писала недавно «Таймс», – рождается уставшими, бескровными, дряхлыми умом и телом. Эта болезнь носит расплывчатое имя слабости, истощения или болезни позвоночника. Не только собственная их жизнь нездорова, но они забирают жизненные силы тех, кто о них заботится. Не притворство делает их вампирами. Недостаток движения, упражнений, изменений климата, которые могли бы со временем ускорить пульс в венах пациентки, не допускает румянца на ее щеках.

Доктор хотел продолжать – в статье было описано лечение такого рода вампиризма, но тут из гостиной послышалось чиханье. Шерлок Холмс чихнул шестнадцать раз подряд!

– Ну, – сказал он, когда Ватсон закончил его осматривать, – какой будет диагноз?

– ИНФЛЮЭНЦА, – РЕШИТЕЛЬНО СКАЗАЛ ДОКТОР ВАТСОН И ТУТ ЖЕ СТАЛ ЗАПИСЫВАТЬ В БЛОКНОТ: «ИНФЛЮЭНЦА».

– Никогда не мог понять, что это такое, – проворчал Холмс, благосклонно позволяя миссис Хадсон закутать себя в плед и подать себе горячего чая.

– Когда приходит осень, лондонцы начинают чихать, кашлять, жаловаться на температуру и головную боль, и ломоту в мышцах, и, наконец, ложатся в постель и вызывают доктора Ватсона. А доктор Ватсон только вздыхает, разводит руками и говорит: «У вас инфлюэнца!» Ватсон! Объясните вы мне, наконец, что такое эта инфлюэнца? Человек может болеть пятнадцатью разными болезнями, все они в большей или меньшей степени похожи на грипп, и все почему-то называются инфлюэнца!

Доктор Ватсон ужасно смутился.

– Это... – забормотал он, – это... это, знаете ли, вирус. Острая инфекция, поражающая дыхательные пути.

– Другими словами: «то ли грипп, то ли простуда, то ли непонятно что»?

– Э... э... Ну, да. Это и называется инфлюэнца!

«Лягушка в горле» – так говорят англичане о простуде

– А может быть, это не вирус?

– Нет, это вирус.

– Откуда вы знаете? – придирался Холмс. – Мне кажется, вы даже не знаете, что у человека есть легкие. Вам известно, что такое вирус? Мне неизвестно!

– А напрасно! – доктор Ватсон достаточно пришел в себя, чтобы защищаться. – Это слово вошло в медицину уже восемь лет назад. Российский ученый Дмитрий Ивановский открыл вирусы и тут же назвал их этим словом. В переводе с латыни *virus* означает «яд».

Ватсон очень испугался, что Шерлок Холмс опять станет ворчать, и решил спастись.

– Вот вы говорите, инфлюэнца. Вы смеетесь! А ведь многие болезни вообще еще не открыты. Они путаются между собой, маскируются одна под другую и вообще изображают из себя невесть что. Поди пойми, грипп у человека, какой-то там вирус или просто простуда!

Шерлок Холмс направил на Ватсона смывок.

– Тогда скажите мне, что такое катар, – заявил он. – Он ведь тоже похож на грипп. Я требую объяснений. В чем разница?

Экстракт и пластыри Пондса – лучшее средство от катара!

– Это... это.... это такая инфекция дыхательных путей, – промямлил доктор.
– Отчего же ее нельзя считать инфлюэнцей?
– От того, от того, – бормотал Ватсон, – от дыхательных путей! Если грипп, или инфлюэнца, поражает весь организм, то катар – заболевание горла, или бронхов, или легких, короче говоря – органов дыхания.

На это Холмс не смог придумать ничего каверзного, а доктор Ватсон вытер со лба пот и стал записывать. Она записал инфлюэнцу, катар, а потом добавил:

Случалось, инфекция была очень хитрой. Сначала она изображала из себя инфлюэнцу (которая в то время и сама по себе была опасна), а потом внезапно оказывалась страшным гриппом или воспалением легких. Туберкулезом. Оспой, тифом или холерой. Действенного средства от этих страшных болезней не было, поэтому если оказывалось, что у больного заразная инфекция, могло быть вот что.

Во-первых, пациента могли отправить в больницу.

Но лечение в больнице стоило дорого. Были, конечно, больницы и госпитали для бедных. Самым главным местом, в котором лечили бесплатно, был Лондонский Госпиталь. Врачи старались, как могли, но... денег вечно не хватало, больных оказывалось слишком много, палаты не проветривались, в гигиену пока мало кто верил, и больные без конца заражали друг друга.

Поэтому чаще всего больной оставался дома. А в случае, если болезнь была опасна для окружающих, в дом приходил особый чиновник – санитарный инспектор. Он объяснял, как изолировать больного от других членов семьи, чем мыть пол и посуду и вообще принимать меры по дезинфекции, а потом делал главное: вешал на дверь табличку: «Карантин».

С этого момента никто из посторонних не мог войти в дом без его разрешения. Точно так же нельзя было выйти – исключая прислугу или кого-то из домашних или знакомых, на ком лежала обязанность ходить за покупками.

И если появлялись другие заболевшие, а затем выяснялось, что эпидемия началась, санитарный инспектор изолировал весь район, город, деревню или даже целое графство.

Когда доктор Ватсон поставил точку, у него случился приступ диспепсии, и он убежал.

Доктор Ватсон убежал сюда

Туалетная бумага тоже появилась в викторианскую эпоху

Мойте руки после уборной!

А в комнату пробрался Шерлок Холмс, прочел все, что написал доктор, и добавил вот что:

Для того, чтобы этого не случилось, существовала еще одна профессия: дезинфектор. Такой специальный человек, который ходил по домам, лавочкам и магазинам с большим медным баллоном на спине и опрыскивал из него все вонючей карболкой – карболовой кислотой. Сопровождал дезинфектора санитарный инспектор – он следил, чтобы в зданиях не было грязных уборных, полных выгребных ям и вообще за соблюдением гигиены. Так, вдвоем, распространяя запах больницы и вызывая отвращение леди и джентльменов, эти двое боролись за здоровье граждан.

Тут Шерлок Холмс нечаянно уронил блокнот, и оттуда выпал квадратный обрывок газеты. На нем карандашом было выведено:

ОКОНЧАНИЕ СТАТЬИ В «ТАЙМС». ИЗ АРХИВОВ ДОКТОРА ВАТSONA

Недостаток движения, упражнений, изменений климата, которые могли бы со временем ускорить пульс в венах пациентки, не допускает румянца на ее щеках. Система лечения описанных симптомов нервной слабости, принятая в клиниках душевных заболеваний, признается до сих пор единственно эффективной. Абсолютный покой в постели в течение шести недель или двух месяцев. Строгая молочная диета и отсутствие физических упражнений заменяются массажем каждого дюйма их тела при помощи электричества. Чтение, шитье или другие занятия совершенно запрещены. Все это говорит о том, что нервные и ослабленные женщины, подвергшиеся такому лечению, выходят из госпиталя в конце концов совершенно выздоровевшими душой и телом и без единого признака диспепсии, истерии или малокровия.

Дедукция подсказала знаменитому сыщику, где доктор взял статью. Эта вторая часть была, к тому же, весьма сильно измята и затем старательно разглажена. Да-да, дела на Бейкер-стрит совсем не всегда шли так уж хорошо. Чаще всего именно газета заменяла прекрасное, но дорогое, санитарное средство.

Сыщику пришлось потратить некоторое время, чтобы найти, куда же следует вставить обрывок. Он долго листал блокнот, пока не нашел следующие строки:

Но все-таки эта бесполезная, вредная и оскорбительная для женщин система уходила в прошлое. Дамы уже занимаются спортом. Они ездят верхом и на велосипеде, катаются на коньках – а некоторые даже фехтуют! И хотя доктора по старинке полагают гимнастику вредной для женского организма, но скоро, скоро, буквально вот-вот двадцатый век принесет перемены! Уже на носу...

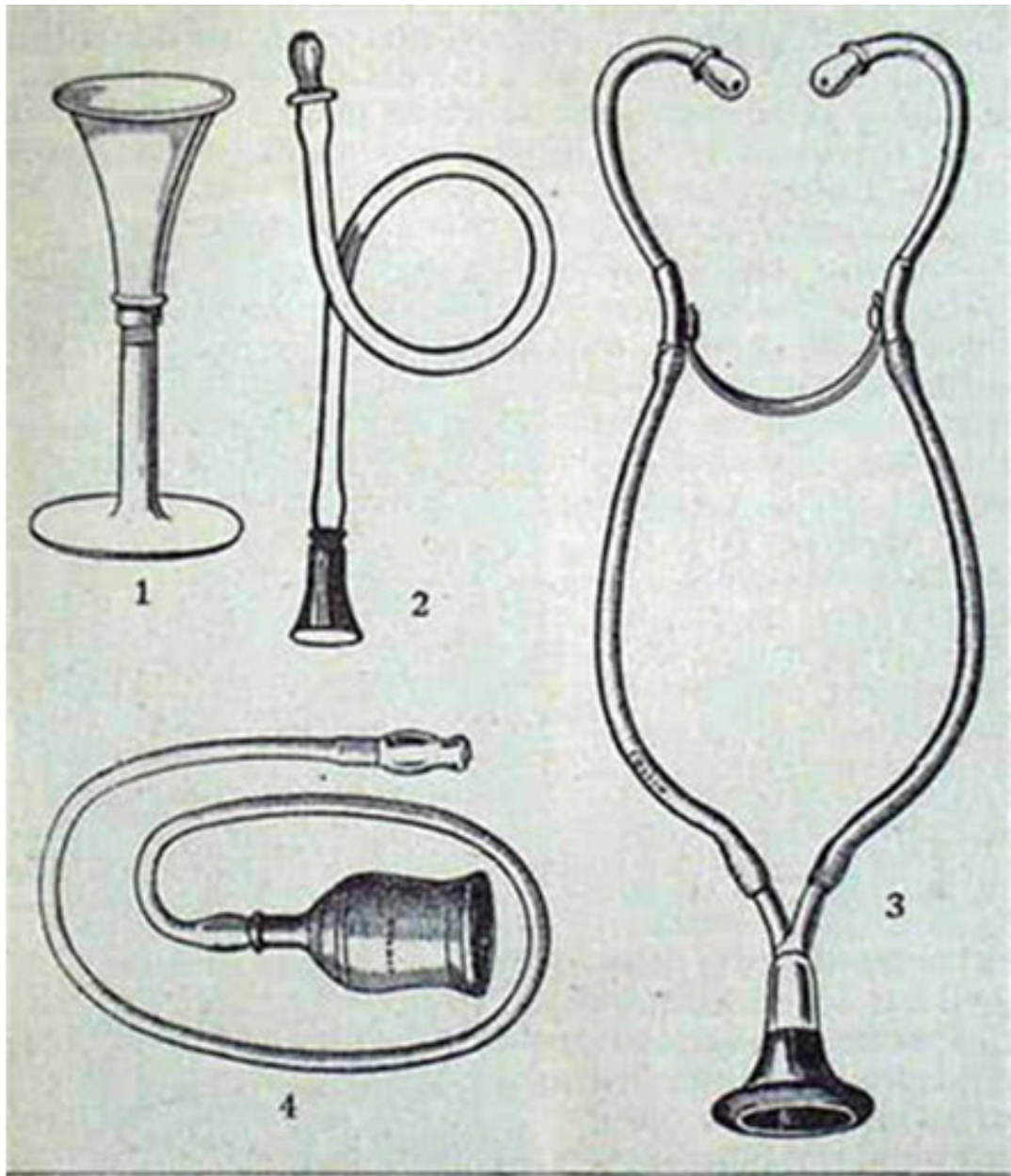
На носу у доктора Ватсона были очки. Он возвращался из уборной.

Чем лечились викторианцы

Всю свою жизнь великий сыщик пользовался исключительным здоровьем и понятия не имел, что и как лечат. Кроме того, в его практике почти не было случаев с медициной! Шерлок Холмс волновался.

- Ватсон, – спросил он, – что вы собираетесь со мной делать?
- Доктор Ватсон убежал в свою комнату и вернулся, держа в охапке много разных бутылочек, медицинский справочник Дарлинга и клизму – все, как положено.
- Помогите! – прохрипел Шерлок Холмс.
- Так-так-так, – доктор Ватсон радостно потер руки, – сейчас мы вас будем лечить!
- Великий сыщик спрятался под одеяло.
- Я вам запрещаю, Ватсон! – заявил он оттуда. – Запрещаю, слышите!
- Очевидно, – сказал доктор таким тоном, как будто в комнате находился целый консилиум, – у пациента нервные явления.
- Никаких нервных явлений! – сыщик высунул нос из-под одеяла. – Нервы у меня железные!
- Ватсон тут же подсунул ему справочник.
- «Многочисленные формы гриппа можно свести к трем главным типам, – прочел Холмс. – При этом заболевании могут преобладать: нервные явления, симптомы со стороны сердца и легких и желудочно-кишечные расстройства». Хм. Сердце у меня не болит.
- Дышите, – сказал доктор Ватсон и извлек из кармана стетоскоп. – Не дышите, Холмс. Опять дышите. И опять не дышите.

Стетоскопы, первое десятилетие двадцатого века (Франция)

Тут доктор задумался.

– Ватсон, – голос великого сыщика звучал сдавленно, – я уже могу дышать?

Но доктор не обратил на его слова никакого внимания.

– Похоже, что у вас не легочная форма, – сказал он. – Это хорошо. Ну что же, дорогой друг, теперь вам придется рассказать мне про свой стул.

– Стул? – поразился Холмс.

– Мне как врачу вы можете сказать все. Может быть, он у вас мягкий?

– Я... я бы этого не сказал.

– Тогда жидкий?

– Что за чушь вы несете, Ватсон!

– Тогда, вероятно, он твердый? Ну, что же вы! Так бы сразу и сказали.

– У меня самый обыкновенный деревянный стул, – в смятении пробормотал Холмс. – Правда, он довольно скрипучий, но тут, я полагаю, вы обойдетесь и без моей дедукции. Вы на нем сидите.

Доктор Ватсон так и подскочил на стуле.

– Вы с ума сошли, Холмс! Я имел в виду нечто другое! Диспептические явления!

Шерлок Холмс крикнул. Доктор покачал головой.

– Ваша хваленая дедукция отбила у вас последнее соображение.

– Ошибаетесь, – обиделся сыщик. – Моя дедукция подсказывает мне, что у меня нет никаких признаков желудочного гриппа. Ватсон? Вы что, огорчились?

– Нет, что вы, – заикаясь, пробормотал доктор. – Нет, конечно, нет!

– А что бы меня ожидало, если бы мой стул оправдал ваши ожидания? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– О! – воодушевился доктор. – О, Холмс! У нас был бы богатейший выбор! Я дал бы вам *carbonis pulver!* Я назначил бы вам частые промывания полости рта борным или тимоловым раствором! Я был бы крайне осторожен с применением рвотного, чтобы не вызвать у вас упадка сил!

– Друг мой, – остановил его сыщик, – вы сказали, «карбонис пульвер»?

– Сказал.

– Так это же простой уголь! Ватсон? Вы же не хотите сказать, что заплатили в аптеке за обычный уголь из камина, только растёртый в порошок?

– Я врач! – отрезал доктор Ватсон. – Вы должны меня слушаться! Значит, вот что. Затем я назначил бы вам салициловую соль висмута, вприснул магнезию...

Ватсон посмотрел на своего друга. По виду сыщика можно было сказать: Шерлок Холмс дорого продаст свою жизнь.

– Зачем? – спросил он слабым голосом. – Зачем вам все это, Ватсон?

– Висмут, – сообщил доктор, – прекрасное обеззараживающее и противовоспалительное средство. Особенно при болезненных явлениях в желудке.

– Сплав висмута применяют для контроля температуры в нагревательных котлах, осел вы этакий! До восемнадцатого века его вообще считали разновидностью свинца, олова или сурьмы! Понимаете, что я говорю? Этот металл ядовит!

– Тем не менее, он нашел свое законное место в медицине, – лицо доктора тоже стало напоминать нагретый паровой котел. – Неужели вы мне не доверяете?

– Почему? – замялся Холмс. – Д-доверяю.

– Тогда магнезия! – обрадовался доктор. – Магнезия⁴ – превосходное слабительное и вообще уравнивающее средство. Надеюсь, ее-то не применяют в нагревании котлов?

Холмс был вынужден согласиться. Но глаза его так шарили по комнате, что Ватсон решил успокоить своего друга.

– У меня есть хорошие новости, – ласково сказал он. – Промывания кишечника магнезией, которые так настойчиво рекомендуют в наши дни, приносят пользу только в некоторых случаях.

Лицо Шерлока Холмса просияло.

– Я бы посоветовал ограничиться двумя клизмами в день, – продолжал Ватсон. – Одну утром, с добавлением столовой ложки сернокислого натра, другую вечером. Вот увидите, Холмс, ваш сон будет глубоким и спокойным!

По лицу самого сыщика никак нельзя было сказать, что он спокоен.

– О! – спохватился Ватсон. – Я забыл самое главное! Главное, Холмс! Слабительные пилюли!

⁴ Магнезия, известная также как горькая, эпсомская, английская, или карслбладская соль – минерал, извлекаемый из морской или минеральной воды. Входит в состав многих видов минеральных вод, применяемых для лечения. Имеет вид мелких блестящих кристаллов, которые легко растворяются в воде, без запаха, с характерным горько-соленым вкусом. Впервые открыта английским врачом Неемией Грю из Эпсома в 1695 г. Благодаря своему слабительному воздействию является также противоядием.

Слабительные пилюли д-ра Майлса. На вкус как конфетка!

– Что? – спросил сыщик. – И клизма со слабительным, и слабительные пилюди? Зачем? Не собираетесь же вы прописать мне два одинаковых средства?

– Но Холмс!

– Это нелогично!

– Но... но ведь все так делают!

– Вы хотите сказать, это соображение заменяет здравый смысл? Прекрасно. Так вот, что я скажу вам, Ватсон: никакой клизмы! Я не позволю. Понятно?

– Кхм, – растерялся доктор. – Придется обойтись касторкой.

– Ой, – нервно сказал Холмс. – А нет ли каких-нибудь других средств?

– Конечно, есть! – обрадованно вскричал доктор. – Во-первых, это каломель.

Тут сыщик испугался.

– Ватсон! Вам только слонов лечить! Ваша каломель – чрезвычайно ядовитый препарат. Я читал в газете, по крайней мере, о десяти случаях, когда мужья отравили своих жен при помощи огромной дозы каломели!

– Ерунда, – легкомысленно отмахнулся доктор Ватсон, – все так делают. Каломель дают даже детям.

– Тогда это преступление. Это же хлористая ртуть!

– Холмс, вы опять? Забудьте о преступлениях, вы мой пациент. И не перебивайте. Вам необходимо слабительное!

– Э-э-э... Знаете, что Ватсон? Раз уж вы во что бы то ни стало решили напичкать меня слабительным, пусть это средство будет, по крайней мере, не слишком противным! Мне и так плохо!

Доктор задумался.

– Может быть, настойки биттерс? Они продаются в таком разнообразии, что вы, несомненно, сможете выбрать что-нибудь подходящее.

«Примите биттерс с экстрактом солода и хмеля!»

«Биттерс Понда пробудит вас к свершениям»

*Дама в узком платье:
«Милосердные небеса, что же мне делать?
Я ведь как раз приняла биттерс!»*

Но Шерлок Холмс лежал с унылой физиономией.

– Если верить рекламе, эти ваши биттерс так эффективно помогают пищеварению, что боюсь, как бы по дороге в одно примечательное место со мной не случилось несчастья, – пробормотал он. – Особенно учитывая вашу диспепсию. Вы все время туда бегаете. А если вы меня обгоните и я не успею?

– Какой вы капризный! – рассердился доктор. – Ну, хорошо. Тогда «Гуниади Янос» – минеральная вода из Офенского источника под Будапештом. Весь мир пьет «Гуниади Янос!»

*Минеральная вода «Гуниади Янос»
рекламировалась на всех языках по всему миру*

– Помню-помню, – проворчал сыщик. – «Слабит нежно, не нарушая сна». Благодарю, доктор. Нет ли у вас еще чего-нибудь?

– Конечно, есть! Вот, например, сарсапарилла.

– Сарсапарилла! – вскричал Холмс. – Так, значит, вот что такое сарсапарилла! Это слабительное!

– Конечно, – доктор Ватсон почесал затылок. – Вы что, и об этом не знали?

– Нет, но... я вижу это слово везде, – Холмс поразился. – Кровеочистители и тонизирующие средства с сарсапариллой. Сиропы и бальзамы. Настойки, экстракты и микстуры. Невозможно открыть газету, чтобы немедленно не обнаружить там сарсапариллу, сарсапариллу или сарсапариллу!

«Сарсапарилла Худса. Один доллар сто порций»

*Сарсапарилла Худса:
«Сделает слабого сильным!»*

Сарсапарилла Айера.
«Бабуля, смотри, что я тебе принесла!»

Сарсапарилла Сквилла:

«Думаю, что я стану очаровательной без этих ужасных прыщей.

Я хотела бы принять что-нибудь, чтобы от них избавиться!

– Это избавит вас от них, очистив вашу кровь. Извольте, вот оно!»

– Так и есть, – согласился доктор. – Сарсапарилла – всего-навсего экстракт коры крушины. Совершенно безобидное и очень хорошее слабительное.

На его глазах произошло нечто из ряда вон выходящее: знаменитый сыщик Шерлок Холмс впал в буйство.

– Ватсон! – закричал он. – Ватсон! Неужели вы не видите? Сарсапарилла поработила человеческий разум!

Тут и доктор Ватсон не выдержал.

– Я не виноват! – завопил он.

– Человечество во власти слабительного! – знаменитый детектив вскочил с кровати и заметался по комнате. – Это безумие! Нужно спасать мир!

– Холмс, Холмс! – попытался успокоить своего друга доктор Ватсон. – Давайте сменим тему. Теперь я отчетливо вижу, что у вас нервный грипп!

И на всякий случай опять показал сыщику справочник. Шерлок Холмс тут же сунул туда свой хищный нос.

– «Нервный грипп. Болезненные явления всегда существуют при гриппе. В некоторых случаях они отличаются особенной силой. Антипирин представляет превосходное средство. Или: самол,

фенацетин и салофен. Растирание болеутоляющим линиментом...». Э-э, Ватсон! Что тут такое написано? Я еще никогда не сталкивался с таким названием – антипирин.

– Что вы? – удивился доктор. – А еще увлекаетесь химией! Вот уже почти десять лет это совершенно универсальное жаропонижающее, болеутоляющее, противолихорадочное и противовоспалительное средство используется при лихорадке! Впрочем, конечно. С вашим здоровьем – ничего удивительного, что вы о нем не знаете.

– А вот это: самол, фенацетин и салофен?

– Почти то же самое, что и антипирин. Все они принадлежат к группе антипиретических средств. Или, проще говоря, антипиренов.

– «Pir», если не ошибаюсь, по-латыни – «жар»? – спросил Холмс.

– Вот именно, – подтвердил доктор.

А Холмс продолжал читать.

Хинин и антипирин являются лучшими средствами при легких формах гриппа, которые характеризуются общими симптомами: головной болью, разбитостью, лихорадкой и прочее. Эти средства можно употреблять per se, но лучше в сочетании, так как оба они оказывают жаропонижающее действие. Антипирин, по-видимому, оказывает особенное действие на нервные явления при гриппе, на боли в конечностях, головную боль. Назначают следующие порошки: Хинин. Салицилум бромати, антипирин и 0,3 грана хинина. 3–4 порошка в день. Можно ограничиться назначением одного антипирина.

– Хм, хм, – проворчал Холмс. – Мне, кажется, повезло. Страшно представить, что было бы со мной, окажись мой грипп желудочным! Ну, хорошо. Согласен на этот ваш антипирин.

Он уже совершенно успокоился.

– «В некоторых случаях, – читал великий сыщик, – нужно вступить в борьбу с астенией или протрацией. В этом случае некоторого эффекта можно ожидать от назначения стрихнина».

Сульфат стрихнина. Он же Nux vomica. Он же рвотный орех. «Сто пилюль в шоколадной оболочке».

Тут доктор Ватсон увидел, что его побледневший друг шарит под подушкой.

– Ваш револьвер у меня, – сказал он. – Холмс, возьмите себя в руки. Вы же прекрасно знаете, что в малых дозах стрихнин безопасен! Он только придаст вам бодрости!

– Мой дорогой доктор, – медленно проговорил Шерлок Холмс, – теперь я вас раскусил. Вы рассчитываете получить после меня наследство! Конечно, этот сентиментальный Лестрейд никогда в жизни не заподозрит моего лучшего друга. Автора рассказов о Шерлоке Холмсе! Верного Ватсона! Это будет идеальное преступление. Но имейте в виду, – голос его снизился до шепота, – я оставлю вам одни долги. Вы будете жестоко наказаны за свое предательство! Ха-ха-ха!

И Шерлок Холмс засмеялся зловещим, скрипучим смехом.

– Но Холмс! – доктор Ватсон чуть не плакал от обиды. – Я не ожидал от вас... Как вы могли такое подумать! Как вам только в голову пришло! Холмс! Это, конечно, нервные явления, грипп, но... Какой же вы все-таки подозрительный, нервный тип!

Сыщик ткнул пальцем в справочник.

– Посмотрите, что тут у вас написано: «...который прописывается в растворе, 2–3 чайных ложки трехпроцентного раствора стрихнина в день!» Вы себе представляете, что такое две-три чайных ложки трехпроцентного раствора стрихнина? В день, Ватсон, в день! Этой дозой можно уложить слона!

Румяное лицо доктора потемнело.

– Вы не доверяете медицине? – сурово спросил он. – Сотни и тысячи людей до вас принимали стрихнин по показаниям врача и никто – обратите внимание – никто не умер! По крайней мере, у нас нет прямых доказательств.

– Остается только удивляться их выносливости! – мрачно ответил Шерлок Холмс. – Можете записать в свою книгу: «Выносливость викторианцев при тех лекарствах, которые им назначали врачи, остается одной из величайших загадок человечества».

* * *

На следующий день Шерлок Холмс лежал в кровати, облепленный горчичниками.

Порошок горчицы был даже в шерстяных носках, которые заставила надеть миссис Хадсон. Сыщик пил хинин, антипирин, полоскал горло раствором салицилума бромата с добавлением соды по рецепту миссис Хадсон и читал справочник Дарлинга. От стрихнина и слабительного он решительно отказался. Что касается астении, прострации и прочих нервных фокусов, то чтение справочника оказалось прекрасным лекарством.

– Очень интересно, – говорил он Ватсону. – Вот послушайте:

Диета больных должна состоять из молока, бульона, лимонада с вином и грога.

– Почему мне не дают вина? Вот же черным по белому: «Необходимо настойчиво применять спиртные напитки, в особенности у ослабленных и пожилых субъектов». Слышите, Ватсон? Настойчиво! Я ослабленный и пожилой субъект!

– Холмс, это устаревшие сведения, – решительно заявил Ватсон.

– Когда это они успели устареть? – Холмс заглянул на титульную страницу. – Этот справочник совсем новый, ему всего два года! Вот, здесь написано: «Лондон, 1898».

Он погрозил доктору пальцем и увлеченно продолжал:

«Шампанское представляет одно из лучших тонических средств и в то же время предупреждает появление тошноты и стимулирует слизистую оболочку благодаря содержащейся в нем угольной кислоте». А? Каково?

– Я удивлюсь неосведомленности моего коллеги, – тихо сказал доктор Ватсон. – Вот уже несколько лет, как британские ученые установили: любой алкоголь вызывает отравление. Это чудовищная дополнительная нагрузка на печень. У больного человека она и так значительна.

– А вот здесь сказано: «Алкоголь всегда назначается в разведенном виде, чтобы не усиливать засорение желудка». Видите, ваш коллега совсем не так не осведомлен, как вам кажется!

Но доктор Ватсон решительно воскликнул:

– Никогда!

И в сердцах ушел в свою комнату.

Там он схватил блокнот и написал:

«Глава вторая. Чем лечились викторианцы?»

Потом доктор приступил к делу.

«Первое и главное средство при всех болезнях, – писал он, – слабительное. Значительное количество слабительного вливается в желудки леди и джентльменов в виде солей, экстрактов, пилюль, леденцов, пастилок, настоек, бальзамов и порошков. Вкус должен быть как можно противнее, иначе пациенты не примут лекарство всерьез. Но, принимая во внимание тот факт, что лекарство должно все же попасть внутрь пациента, противные пилюли, леденцы и пастилки облачают в сахарную, шоколадную и желейную оболочку, растворяют порошки в сиропах и добавляют туда анис, лакрицу, шафран и прочие пряности. Получается еще противнее, но пациент понимает это не сразу.

Слабительное – верное средство от нервной слабости. Слабительное рекомендуют при инфлюэнце и сотрясении мозга. При переломах костей, болезнях сердца и желтой лихорадке. От ревматизма, подагры и болезней кожи. Для улучшения работы печени. Детям перед сном и при старческом слабоумии. Про слабительное рассказывают анекдоты. Рисуют юмористические картинки. Сочиняют стихи для рекламы в газетах и иллюстрированных журналах. Какую бы газету вы не открыли, вам попадет три-четыре объявления, рекламирующих слабительное.

Так выглядела эта реклама

«Кастория!»

Для детей и младенцев. То, что вы всегда покупаете Растительный препарат, регулирующий пищеварение в желудке и кишечнике Способствует пищеварению, бодрости и хорошему сну.

Не содержит опиума, морфина или минералов. По рецепту д-ра Флетчера

Количество: 900 капель

Состав: Алкоголь – 3 %

Экстракт сенны

Сода

Отличное средство от запора, кислотности желудка, диареи, кишечных паразитов, судорог, лихорадки и бессонницы.

За личной подписью доктора Флетчера.

35 порций за 35 центов.

К этому рецепту прилагался рисунок, изображающий доктора Флетчера.

Горацио Флетчер, американский физиолог. Родился в 1849 г. Весь мир знает этого человека под именем Великого Жевателя. Согласно теории доктора Флетчера, каждый кусочек пищи следует прожевывать тщательно, совершая не менее 30 жевательных движений. Консультировал знаменитого миллиардера Джона Рокфеллера и не менее знаменитого писателя Марка Твена. Любимое выражение: «Природа накажет всякого, кто плохо жует!»

Тут доктор Ватсон вновь почувствовал приступ диспепсии. С большим трудом дописал он последние строчки и выбежал из комнаты.

Пока его не было, в дверях показался Шерлок Холмс. На нем была ночная рубашка и шерстяные носки. Шерлок Холмс прокрался к блокноту и прочел все, что было написано. Потом перелистал его до самой последней страницы, и там, в самом низу, написал:

Примечание

Не перестаю удивляться, почему бы просто не соблюдать умеренность в пище, но если мой бедный Ватсон скажет об этом пациентам, то лишится репутации врача. Он вынужден унести эту тайну в могилу.

Шерлок Холмс

– Холмс! – закричал, врываясь в гостиную, Ватсон. – Что вы делали у меня? Признавайтесь!

– Ватсон? – удивился тот. – Так быстро? Как я рад за вас, мой дорогой друг! Но вы еще не заходили к себе в комнату, иначе бы я слышал удар двери. Как вы догадались, что я был у вас?

Доктор Ватсон снисходительно улыбнулся.

– Вы всегда меня недооценивали. Вас выдали следы горчичного порошка на ковре.

– Ой, – сказал сыщик. – Ладно. Знаете, мне нравится ваша книга. Согласен стать ее героем.

– Но не могу же я все время писать о вас, Холмс?

– Почему? – удивился сыщик. – Всегда писали.

– Всегда писал, – упрямо сказал доктор, – а теперь не хочу.

– Не хотите, но напишете, – махнул рукой Холмс. – Я вас знаю. Давайте, давайте продолжим.

Вы будете записывать все, что со мной происходит. Что там у нас дальше?

Дальше пришла миссис Хадсон.

– Мистер Холмс! – она вплеснула руками. – Кто разрешил вам встать? Марш в постель!

Ровно через пять минут великий сыщик лежал под одеялом. Спина и грудь его были облеплены горчичниками. Они жгли огнем и страшно пахли горчицей. От висков шел острый запах мяты. Под носом жгло холодом и пахло жгучим индийским бальзамом. Шерлок Холмс жевал ромашковую пилюлю.

– Ватсон, – жалобно спросил он, – неужели все это необходимо?

– Совершенно необходимо, – подтвердил доктор.

– Миссис Хадсон, сходите, пожалуйста, в аптеку и спросите там вот это.

Он протянул ей рецепт.

– «Оксимель из мяты, дикой вишни и морского лука», – прочла миссис Хадсон. – Хорошо, сэр.

– Что, – жалобно спросил Холмс, – что такое оксимель?

– Это простой уксусомед, сэр, – сказала миссис Хадсон таким тоном, как будто разговаривала с маленьким ребенком.

– А что такое уксусомед? – допытывался Холмс.

– Очень хорошее лекарство, – миссис Хадсон успокоительно поправила на нем одеяло. – Мед кипятят с уксусом и потом добавляют туда разные полезные травы.

– А что такое морской лук? – не унимался Шерлок Холмс. – Если вы не скажете мне, чем собираетесь меня пичкать, я не стану это принимать!

Тогда миссис Хадсон сбегала в кухню и вернулась с цветочным горшком. В горшке сидела большая толстая луковица. Сверху у нее торчал пучок листьев – гораздо более длинных, широких и плоских, чем обычно у лука. Снизу, к самым бокам большой луковицы лепилось множество крошечных луковичек.

Scilla maritima, или Морской лук

– Вот, сэр. Это морской лук.

– Вы сказали, уксус? – спросил Шерлок Холмс и закашлялся – он нечаянно вдохнул индийский бальзам.

– Да, сэр.

– Я не хочу уксусомед! – прошептал великий сыщик. – Не надо!

– Вас не спрашивают, – сказала миссис Хадсон и ушла.

Дело тети Полли

Шерлок Холмс очень ослаб после болезни. Он быстро уставал, не мог долго стоять и страдал от головокружения. Если он вставал, у него дрожали руки, звенело в ушах, а перед глазами скакали черные точки. Слабый и несчастный, Холмс лежал в кровати и читал.

– Послушайте, Ватсон, – сказал он как-то утром, – вы помните, что пишет ваш американский коллега Марк Твен в своей книжке «Приключения Тома Сойера»?

И тут же прочел вслух:

Тетя Полли встревожилась. Она была из тех людей, которые увлекаются патентованными средствами и всякими новыми лекарствами и способами укрепления здоровья. В своих опытах она доходила до крайностей. Как только появлялось что-нибудь новенькое по этой части, она загоралась желанием испробовать это средство: не на себе, потому что она никогда не хворала, а на ком-нибудь из тех, кто был под рукой⁵.

– И что? – спросил Ватсон.

– Как что! Это чрезвычайно интересный случай.

– Холмс! Вы же обещали не братья за работу, пока не выздоровеете!

– Не волнуйтесь, доктор. Я уже раскрыл это дело. Осталось получить доказательства моих выводов.

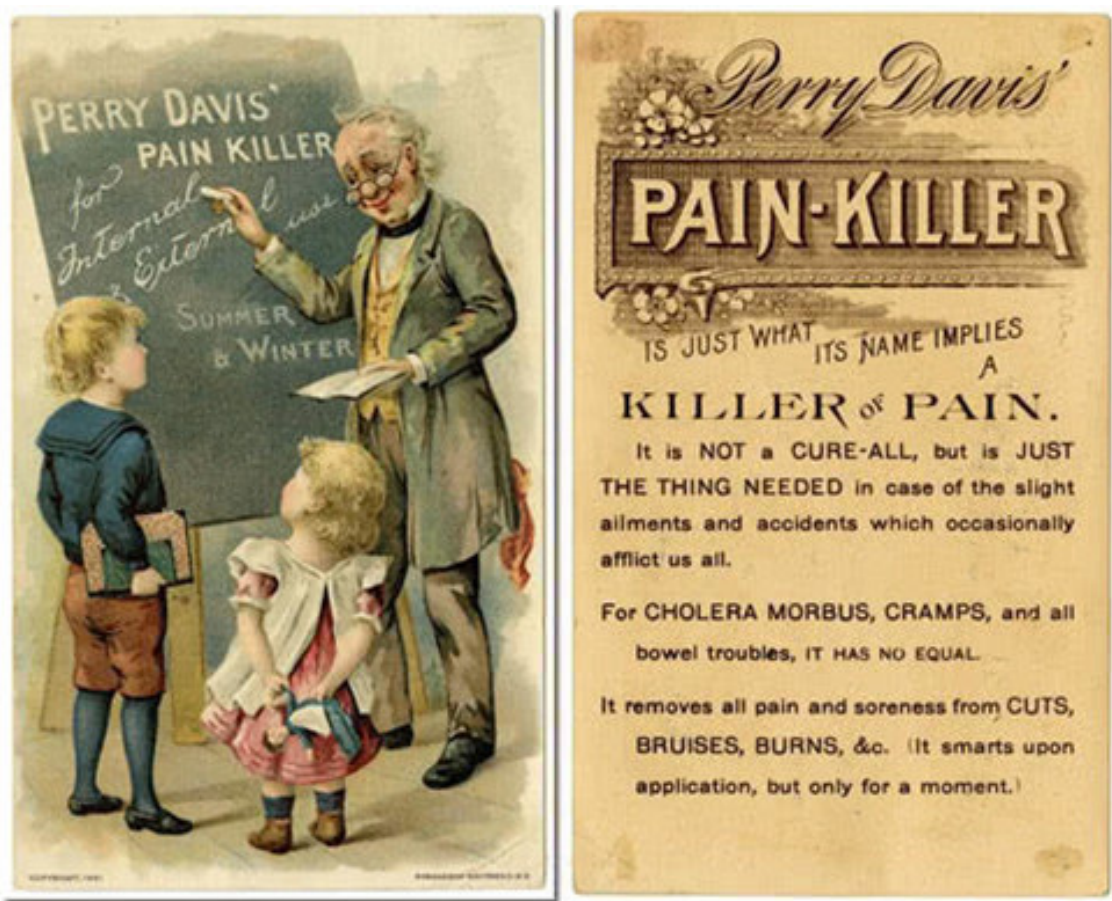
И сыщик с увлечением прочел:

Равнодушие Тома напугало тетю Полли. Надо было во что бы то ни стало вернуть его к жизни. Как раз в это время она впервые услышала о болеутолителе. Она тут же выписала большую партию этого лекарства. Она попробовала его и преисполнилась благодарности. Это был просто жидкий огонь. Она забросила водолечение и все остальное и возложила все надежды на болеутолитель. Она дала Тому чайную ложку и следила за ним, в сильнейшем беспокойстве ожидая результатов. Наконец-то ее душа успокоилась и тревога улеглась: «равнодушие» у Тома как рукой сняло. Мальчик вряд ли мог бы вести себя оживленней, даже если бы она развела под ним костер⁶.

– Скорее идите в аптеку и принесите «Болеутолитель Перри Дэвиса». Я уверен, что это он.

⁵ Перевод К. Чуковского

⁶ Перевод К. Чуковского

Болеутолитель Перри Дэвиса

– Конечно, это он! – воскликнул доктор Ватсон. – Ни одно средство не рекламируется так широко по обе стороны Атлантики. Я помню его с самого детства! Знаете, в тысяча девятьсот семьдесят втором году я как раз стал студентом Лондонского Университета. Тогда все газеты писали:

За тридцать лет использования болеутолитель Перри Дэвиса (Род-Айленд), пользующийся известностью и популярностью у публики, стал известен во всех частях мира и используется людьми всех наций, оставаясь прекрасным эффективным средством. Его чудесная сила в освобождении от самой сильной боли не имеет равных, и ей он обязан мировой славой. Нет лекарств, столь же повсеместно распространенных, имеющих такое же универсальное действие. Различные напасти, для борьбы с которыми необходимо утолить боль, слишком хорошо известны, чтобы приводить их в этой рекламе, поэтому мы скажем просто: наш болеутолитель не знает себе равных.

Инструкция приложена к каждому флакону средства.

Продается во всех аптеках. Цена 25 и 50 центов за флакон.

- Видите, я даже помню это объявление наизусть.
- Да, это поистине роскошный случай надувательства, – согласился Холмс. – Один из многих.
- А вы убеждены, что это надувательство?
- Конечно, милый доктор, конечно! Кстати, а вы сами, случайно, не знакомы с его действием?
- Нет, но моя бабушка Пруденс очень любила это лекарство. Буквально не могла без него жить. Она утверждала, что ничто так не придает ей бодрости, как болеутолитель Перри Дэвиса.
- Ничего удивительного, – в некоторой задумчивости произнес Холмс. – Идите же, доктор. А сам взял «Таймс» и рассмеялся. Там было вот что:

Отличное растительное средство для лечения внутри и снаружи!

С «Болеутолителем» вы никогда не совершите никакой ошибки, потому что инструкция по использованию помещена прямо на флаконе и прекрасно безопасна даже в самых неопытных руках!

«Болеутолитель» – лучший из лучших эликсиров для лечения воспаленного горла, колик, диареи, лихорадки, дизентерии, и проч., и проч.

«Болеутолитель» – лучшая микстура от морской болезни, боли в спине и боках, ревматизма и невралгии!

«Болеутолитель» – несомненно лучшая из существующих мазей, возвращающая вам подвижность и всегда помогающая во всех случаях от ран, порезов, вывихов, ожогов, и т. д., и т. д.

«Болеутолитель» – надежный друг механиков, фермеров, плантаторов и моряков, и, фактически, представителей всех классов, кто только нуждается в том, чтобы иметь при себе лекарство, безопасное в использовании при лечении внутри или снаружи с гарантированным действием.

Нет семьи, которая могла бы обойтись без этого ценнейшего лекарства в доме. Его цена подходит всем – богатым и бедным, и, кроме того, ежегодно помогает вам сэкономить на счете от доктора.

Продается во всех аптеках по 25 и 50 центов за флакон.

Перри Дэвис и Сын,

Соединенные Штаты, Провайденс, собственный дом.

Когда доктор вернулся с флаконом лекарства, он сказал:

– И все-таки я не понимаю. Почему вы так убеждены, что это шарлатанство?

– Потому, мой дорогой Ватсон, что всю неделю я занимался тем, что читал газеты. И везде видел болеутолитель. Так вот, что я вам скажу. Когда что-нибудь именуется величайшим мировым достижением медицины, а продавец клянется, что нет такого уголка земного шара, где бы это достижение не использовали и не оценивали чрезвычайно высоко; когда вам говорят, что на всей планете нет климата, где бы это чудо фармакопеи не подходило для любого случая; когда его настойчиво рекомендуют для ран, порезов, ожогов и других повреждений, так же, как и от дизентерии, диареи и, наоборот, от запоров – и вместе с тем называют лучшей защитой от судорог, колик и «всех летних недомоганий»; да еще вдобавок пишут, что это средство можно использовать и наружно, и внутрь, и уверяют, что «это единственная вещь, в которой вы нуждаетесь», – милый доктор, неужели вы всерьез верите, что это может быть правдой? Ведь вы же врач!

– Но... – доктор Ватсон растерялся. – Послушайте, Холмс, но ведь известны случаи, когда...

– ...когда? – с интересом спросил Шерлок Холмс.

Доктор Ватсон отомкнул замок металлического никелированного ящичка и достал шприц. Сыщик завернул рукав ночной рубашки. По комнате поплыл теплый аромат камфары.

– Возьмем хотя бы эту камфару, – продолжал Ватсон. – Как вам известно, камфара – эфирное масло, которое получают из коры и листьев так называемого камфорного лавра. Оно известно с древнейших времен. О нем упоминали еще древние китайцы, индусы и арабы. В современной медицине камфара чаще всего применяется в случаях слабости, упадка сил, выздоровления после тяжелой болезни, словом, для стимуляции работы сердца. Но при этом она же обладает антимикробным, успокаивающим, обезболивающим, согревающим действием. Ее используют и в кулинарии – это замечательная пряность. Более того, ею полируют мебель! Разве реклама, перечисляющая все это не вызвала бы у вас подозрений?

– Да ведь в том-то и дело, что рекламы камфары нет, Ватсон! Понимаете? – Шерлок Холмс засмеялся. – Вы, я думаю, можете встретить это название в разделе «Лекарства» торговых каталогов – но и только. Никаких кричащих объявлений.

– Спорная дедукция.

– Простой здравый смысл. И сейчас я вам это докажу. Раз уж вы заговорили о дедукции, то вот вам два вывода, которые я сделал, пока читал эту буйную рекламу в «Таймс».

Шерлок Холмс устроился на подушках поудобнее.

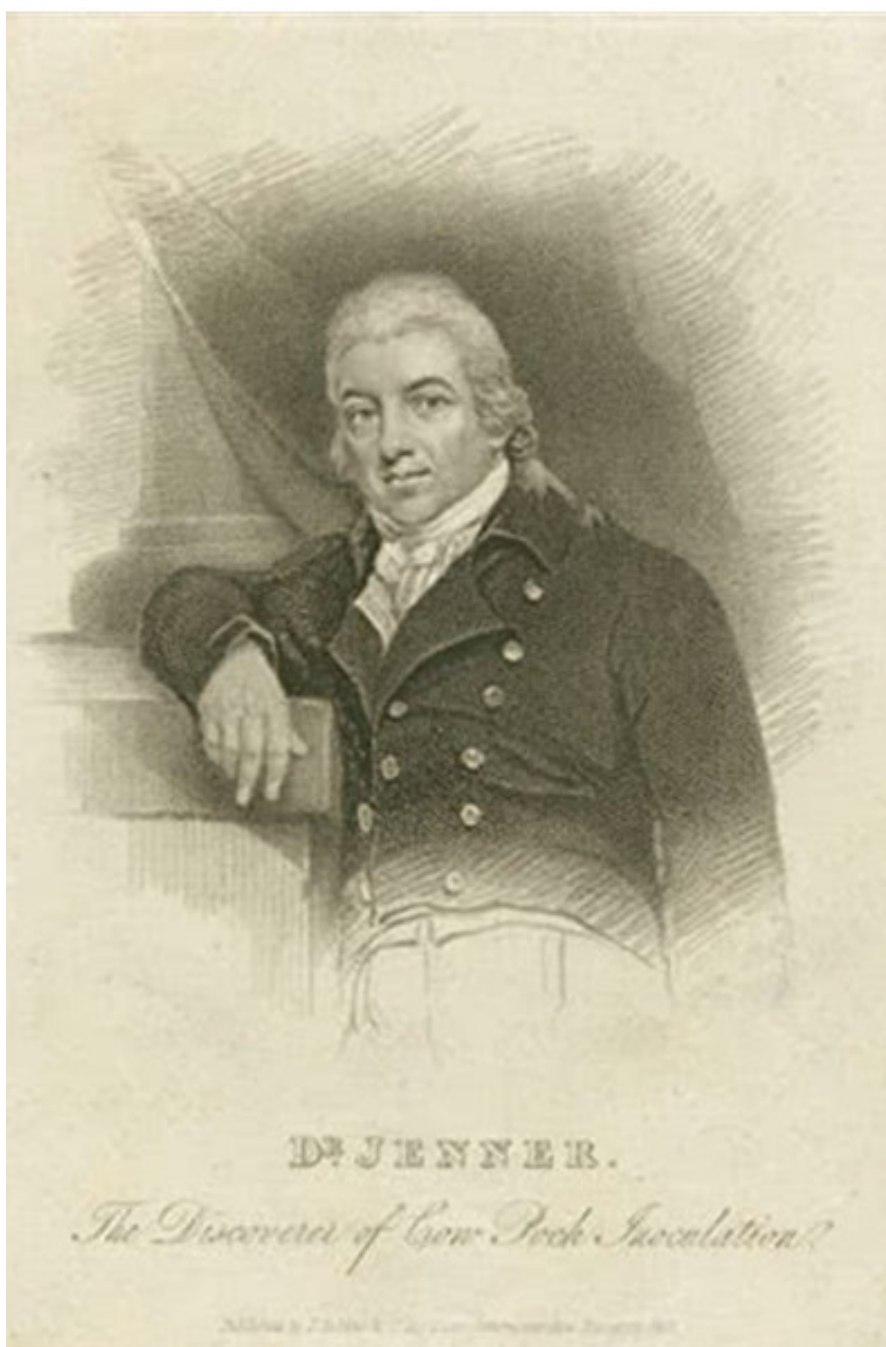
– Посмотрим, что у нас есть. Если верить рекламе, болеутолитель Перри Дэвиса обладает самым широким спектром действия – от холеры до морской болезни. Он снимает боль, лечит

простуду (вернее, ее симптомы), стимулирует работу кишечника, независимо от характера ее нарушений, и так далее, и тому подобное. Это невероятно.

– Но и успехи современной медицины невероятны! Неужели вы их отрицаете?

– Успехов медицины я отрицать не могу, они очевидны, – сказал Холмс, – и все-таки...

– Послушайте, – перебил его доктор, – но ведь почти все достижения науки поначалу выглядят подозрительно. Люди просто не привыкли к ним. Что сказали бы вы сами, если бы семьдесят пять лет назад к вам пришел какой-то неряшливый сельский шарлатан, чуть ли не ветеринар, и стал уверять, что можно спастись от оспы, если втыкать под кожу щепочки, испачканные в – страшно сказать! – содержимом оспенных пустул коровы! «Это отвратительно!» – вот каковы были бы ваши слова! А ведь таков и был великий Дженнер!

Эдвард Дженнер, английский врач (1749–1823)
разработал вакцину против оспы

– Разве это не выглядело подозрительно? – спросил доктор. – А посмотрите, как уменьшилась заболеваемость оспой! Вот доказательство того, что не всегда то, что выглядит странно, не приносит никакой пользы!

– Знаете, Ватсон, спор ни к чему не приведет, – перебил его Холмс. – Возьмите-ка это замечательное средство от всего и пойдите, посмотрим на его состав.

Шерлок Холмс встал с кровати, покачнулся, но все-таки устоял на ногах. Он стал таким худым, что халат болтался на нем, как тряпье на огородном пугале. Но ничто не могло остановить великого сыщика. Держась за стену и брюзжа на доктора, который пытался поддержать своего друга под руку, Холмс направился к письменному столу.

ЗДЕСЬ ЦАРИЛ ХАОС.

Там и сям валялись фантики от конфет, исписанные клочки бумаги, на которых, судя по всему, не один раз пили кофе и ели бутерброды, стояли пустые и полные пузырьки и пробирки. Среди них лежала огромная кость. Ватсон содрогнулся. Он без труда узнал большую берцовую человеческого бедра, и только надев очки, понял, что она гипсовая. Тут же почему-то находился здоровенный чугунный крюк – явно снятый с неизвестных ворот. Были коробки, банки и жестянки. Часть их была открыта и становилось видно, что там хранятся какие-то лоскутки ткани, чьи-то зубы и пуговицы. В одной жестянке лежала пуля. Словом, тут было, на что посмотреть. Потом были приборы: микроскоп – замечательный цейсовский микроскоп, гордо, хотя и не без некоторого труда, возвышавшийся над всем этим беспорядком, комплект увеличительных стекол, пробирки, подставка с колбами и спиртовкой, коробка с бесчисленными реактивами и бутылка со спиртом.

Шерлок Холмс вылил немного болеутолителя на стеклянную пластину и нагрел ее на спиртовке. Через несколько мгновений над пробиркой вспыхнуло синее пламя и вся жидкость обратилась в едва заметный след на стекле.

Шерлок Холмс за работой

– Вернемся к «Тому Сойеру», – сказал сыщик. – Что случилось с котом Питером после принятия «жидкого огня» вы, конечно, помните?

Том Сойер, кот Питер и «Болеутолитель Перри Дэвиса»

– Кажется... реакция этого животного была не вполне обычной? – пробормотал доктор.

– Не вполне обычной? – расхохотался Холмс. – Кот Питер впал в буйство! Сначала вел себя, как пьяный, затем впал в неопишное веселье и устроил в доме разгром. Ватсон, как вам не стыдно! Я вижу, что вы не читали эту книгу. Вы, который так убеждал меня в пользе чтения беллетристики!

Ватсон невнятно пробормотал не то: «я больше не буду», не то: «отстаньте от меня, старый зануда», и спросил:

– Ну, что там?

– Великолепно! – отозвался Холмс, который уже исследовал получившийся препарат под микроскопом. – Просто великолепно! Давно я не видел такого количества опиатов. Взгляните. Алкалоид жидок и летуч, поэтому он испарился, а о его присутствии нам говорит характерный маслянистый след. Ну, Ватсон? Теперь вы понимаете, почему ваша бабушка Пруденс не могла жить без этого средства? Наркотики! Это-то и подтвердило мои подозрения – в сочетании с практически полной универсальностью этого, с позволения сказать, лекарства. Но большую часть состава занимает, конечно, обыкновенный спирт – вы и сейчас можете чувствовать это по запаху. А также... – он еще некоторое время смотрел в окуляр, – также я вижу некие острые частицы. По моему, это обыкновенный перец. Ну-ка, что еще?

Сыщик растер немного болеутолителя между пальцами, понюхал, попробовал на вкус, и сказал:

– Гвоздика, возможно, имбирь, если не ошибаюсь, анис, и прочее, и прочее. Все, что обладает сильным пряным вкусом. Вот откуда «жидкий огонь»! Ну, Ватсон, вы и теперь будете защищать вашего псевдоколлегу?

– Э-э... кхм, – сказал доктор и прокашлялся в платок.

– Как только введут закон, обязывающий производителей указывать на этикетке состав лекарства, – продолжал Холмс, – реклама «Болеутолителя» исчезнет из газет. Испарится, как только что испарились его жидкие составляющие. Вот увидите. Вот увидите, Ватсон!

– Дорогой Холмс, это случится совсем скоро, – торжественно произнес доктор. – «Журнал Лондонского Санитарного Института» сообщает, что английский, а также американский парламент уже пришли к выводу о необходимости такого закона. За нами Европа! Потом Россия – и весь мир! Наука будет бороться с шарлатанами!

Сыщик, кряхтя, поднялся и пошлепал обратно в кровать. По дороге он остановился перед зеркалом и едва не упал.

– Ужасно, – сказал он Ватсону, который подставил плечо своему другу. – Это ужасно, друг мой! Я выгляжу, как какая-то старая рухлядь! И я и есть она!

Опечаленный, он забрался под одеяло.

– Вам надо отдыхать, Холмс, – проговорил доктор. – Пойду-ка я, попрошу миссис Хадсон приготовить вам отличный питательный бульон.

Тем временем сыщик читал газету. Он как раз дошел до страницы «для юных леди и джентльменов». Здесь печатались приключенческие рассказы для мальчиков, романтические новеллы и советы по моде для девочек, комиксы, головоломки, шутки и специальная рубрика «социальных советов». Советчиков было два: миссис Фигли и отец Эбендрот. Отец Эбендрот, прочесавший непроходимые джунгли и умеющий лечить насморк усилием воли, на собственном примере объяснял мальчикам, как можно воспитать характер, чтобы стать выносливыми, сильными и здоровыми. А миссис Фигли рассказывала, как выглядеть прилично, и отвечала на письма читателей. Вот что читал Холмс в колонке «Советы миссис Фигли»:

УВЕЛИЧИТЬ ВЕС

Дорогая миссис Фигли.

Я молодой человек семнадцати лет, весом 114 фунтов и ростом около пяти футов, семи дюймов⁷[7]. Не будете ли Вы так добры посоветовать мне что-нибудь, чтобы вырасти и набрать вес?

Альфред Д. О.

На это миссис Фигли любезно отвечала:

Я думаю, что если Вы станете посещать гимнастический класс и тщательно выполнять все упражнения, это принесет Вам огромную пользу. Когда Вы станете старше, Ваше тело разовьется и Ваш вес увеличится.

Следующее письмо было таким:

МОЯ ШЕЯ СЛИШКОМ ТОНКАЯ

Дорогая миссис Фигли.

Не могли бы Вы любезно посоветовать мне через газету, что я могу сделать, чтобы моя шея не была такой тонкой?

Встревоженная Энни № 2

Чтобы увеличить объем Вашей шеи, массируйте ее ежедневно с кокосовым маслом, а затем практикуйте глубокое дыхание. Это прекрасно подходит для укрепления горла и груди.

Дальше некая молодая особа, из письма которой следовало, что и ей некогда было рекомендовано кокосовое масло, просила:

Не могли бы вы уточнить, сколько именно бутылочек этих средств мне нужно использовать, чтобы добиться заметных результатов? Кроме того, может быть, кокосовое масло для массажа следует с чем-нибудь смешивать?

– Ха-ха, – сказал сыщик. – Ха-ха-ха!

Но и тут миссис Фигли не растерялась.

Поскольку эффект тонизирующего средства полностью зависит от особы, его использующей, – сообщала она, – крайне трудно сказать, какое именно количество средства вам следует применять. Но если вы пользуетесь хорошим здоровьем и применяете тонизирующее средство регулярно, Вам не придется ждать результата слишком долго. Нет никакой необходимости смешивать кокосовое масло с чем-либо.

– Во всяком случае, вреда от нее нет, – Холмс ощупал свою шею. – Жаль, могло быть интересное дело. Я назвал бы его «Дело миссис Фигли».

⁷ 114 фунтов – около 51 кг; 5 футов 7 дюймов – примерно 1 м 55 см

– Ватсон! – позвал он. – Ватсон, где вы? Послушайте, у меня к вам дело. Вы, конечно, ни бельмеса не смыслите, но все-таки: нет ли в вашем арсенале чего-нибудь, чтобы... словом, я хотел бы потолстеть. А?

Доктор Ватсон немедленно принес новейший медицинский каталог и открыл раздел «Химическая пища».

Из записок доктора Ватсона:

«Химическая пища». Под такими названиями продавалось бесчисленное количество тонизирующих напитков, эмульсий и таблеток. Они обещали придать пациентам сил и здоровья. Избавить от головных болей, кашля, нервного и физического истощения. От затруднений с пищеварением и холодных рук и ног. Был, например, такой препарат: «Говядина, железо и вино. Сочетание превосходного мясного экстракта, железа и хереса делает средство одним из эффективнейших тонизирующих и укрепляющих средств. Бутылка – 50 центов». Или «Сироп Пэриша. Состав: фосфат железа, известь, поташ и сода. Отлично ароматизирован, продается во всех аптеках, остерегайтесь подделок».

* * *

Пока доктор бегал в аптеку, Шерлок Холмс сунул в блокнот нос и засмеялся.

– Ватсон! – воскликнул он. – Ваше железо, известь, поташ и сода – прекрасная щелочь. Дайте скорее ее сюда. Мы бухнем ее в верхнее отделение сифона вместо соды. Получится прекрасная углекислая смесь!

– И это все? – растерянно спросил доктор.

– А чего еще вы хотите? Вот, – Холмс взял с туалетного стола сифон и снял с него верхнюю часть, – как, собственно, получается газированная вода? Сюда, наверх, мы кладем соду, а в нижнюю его часть – раствор лимонной кислоты. Он наклонил сифон, затем взболтал.

– Смотрите, что получилось из вашей «Химической пищи»! Прекрасная углекислая смесь! Великолепная сельтерская!

CODD'S PATENT
GLOBE-STOPPERED

The Orifice is effectually closed by the internal pressure of the Carbonic Acid Gas against the Glass Ball, which presses hard up against the ring in the neck.

SOLE AGENTS:
Barnett, Son, & Foster.

SODA WATER
BOTTLE.

Easy and Safe to open. Stopper is Everlasting. Easily and quickly filled. Quickly emptied. Cleanliness—as Glass is the only substance which the liquid touches.

SOLE AGENTS:
Barnett, Son, & Foster.

OBTAINED THE ONLY MEDAL AWARDED FOR BOTTLES AT THE LONDON, VIENNA, AND PHILADELPHIA EXHIBITIONS.

This Bottle may fairly be called the greatest invention of the age in connection with Aerated Waters, as it combines all those qualities so long sought for in a Soda Water Bottle; and we challenge any one, however biased his opinion, to name one fault. A sample will be sent, filled with Aerated Water, and Packed in Case, for 1s.

To Persons about to commence the Mineral Water Trade.—We cannot too strongly impress upon those who are about to become Mineral Water Manufacturers, the advisability of using this bottle. An investment of a Soda Water Machine, and a stock of Codd's Patent Bottles, will repay the purchaser in a few weeks, there being no continual expense for corks, wire, string, and skilled labour. Directions for making all the drinks are sent with each machine.

THE IMPROVED
“LONDON MADE”
SYPHON.

REGISTERED PROPRIETORS AND
SOLE MANUFACTURERS:
Barnett, Son, & Foster.
20a, Forston Street, London, N.

THESE ARE GUARANTEED TO BE FREE FROM LEAD.

QUART SIZE—
Price 24s. per dozen.
In blue, white, or green glass.

PINT SIZE—
Price 22s. 6d. per dozen.

SAMPLE 3s.

Патентованный сифон с сельтерской
(она же содовая, она же газированная вода)

Действительно, превосходная сельтерская шипела и пузырилась в стакане. Доктор попробовал и был вынужден согласиться.

– И все? – поразился он.

– Все, мой дорогой друг, все! – веселился знаменитый сыщик. – Ха-ха-ха!

– Ну, а «говядина, железо и вино»? – поинтересовался Ватсон. – Вы же не станете предавать сомнению пользу говядины и такого безусловно полезного элемента как железо?

– Никогда! – с жаром воскликнул Шерлок Холмс. – Более того, чашка крепчайшего бульона с гренками и парой корнишонов, запитая рюмкой хереса, действительно очень здорово меня взбодрит!

– Что вы скажете относительно железа?

– Еще одна мания нашего времени! Как можно больше железа! Тем не менее, мой дорогой друг, я не стану огорчать вас своим скептическим анализом, а просто попрошу миссис Ватсон поджарить нам на ужин хороший кусок говяжьей печени. Уверяю, он укрепит наши силы лучше любого препарата! Правда, – тут сыщик опять помрачнел, – должен сказать, что мяса на моих костях ни в одном из описанных случаев не прибавится.

– Вот, – глядя в газету, сказал доктор Ватсон, – нашел. Очень хвалят. Американское средство.

– Опять американское?

Ватсон смутился.

– Видите ли, Холмс, наши с вами соотечественники не вызывают у меня доверия в области медицины. Они слишком боятся всего нового, слишком цепляются за старые традиции и от того проигрывают нашим американским коллегам. К тому же, английские лекарства почти сплошь – шарлатанские зелья. Словом, вот.

Реклама! Реклама! Патентованные весы Хоува

И он передал Холмсу торговый каталог, раскрытый в разделе «Аптека и лекарства»:

Откармливающая пища Фэттен-Ю

Препарат излечивает истощение нервов и мозга, которые известны нам как общая слабость. Он делает бледных румяными, тощих – пухлыми, слабых – здоровыми, а отчаявшихся – счастливыми. Он сделает вас молодыми и полными жизни. Вы узнаете, что лучше быть молодой старушкой, чем пожилой молодой леди! Никакие тоники, успокоительные, сарсапариллы не являются необходимыми, если вы принимаете «Откармливающую пищу». 1 доллар бутылочка у Риттера и Ко, Чикаго!

– И что, от этого действительно можно потолстеть? – удивился Холмс.

«Вы приглашаетесь, чтобы стать пухлой и румяной леди, использующей «Откармливающую еду», – Ватсон показал каталог, в котором была картинка, изображающая трех барышень кондитерского телосложения, – тонизирующее средство для нервов и форм д-ра Уитни. «Откармливающая пища» придаст очаровательную пухлость худым особам и укрепит ослабленных. Средство остужает кровь и предупреждает неприятное потение. Плата за месяц лечения – 2 доллара.

На портретах которые мы здесь приводим, – мисс Сара Мак-Генри, позирующая со своими двумя сестрами».

«'Откармливающая пища', – сообщила упомянутая Сара Мак-Генри строчкой ниже, – увеличила мой вес на 39 фунтов, сделала меня женственной, энергичной и развитой. Мои сестры тоже принимают 'Откармливающую пищу'. Благодаря нашей новой энергии нас взяли в 'Греческий дансинг', и мы заняты во всех главных ролях!»

– Но я же не леди! – обиделся Холмс. – Почему-то на их рекламе только женщины. Подозрительно, Ватсон. Очень подозрительно.

– Может быть, вам подойдет «Корпула Лоринга»? – робко предложил доктор.

*«Откармливающая пища» Лоринга
Для худых людей*

Указания по применению

Принимать три раза в день перед едой. От одной до четырех чайных ложек растворить в стакане молока. Если вы не переносите молока, используйте холодную воду. Если средство причиняет страдания после еды, берите для растворения теплую (но не холодную, так как это лишает средство всего действия) воду.

– Какие еще «страдания после еды»? – подозрительно спросил Холмс.

– Полагаю, это запор, – честно признался Ватсон.

Шерлок Холмс очень рассердился.

– Еще чего! – ругался он. – Как бы не так! Не дождетесь!

И отдельно, по слогам, произнес:

– ХА. ХА. ХА.

Выразив таким образом свое отношение к существующим обстоятельствам, сыщик немного успокоился и сказал:

– Бегите в аптеку, Ватсон. Нужно ознакомиться с составом зелья. Я выведу этого Лоринга на чистую воду!

Вот что содержала сероватая мука из коробки с надписью «Корпула Лоринга».

– Пшеница, кукуруза, очень много сахара, чечевица, орехи, сода, овес, изюм, мел, мед, – Шерлок Холмс с интересом рассматривал средство в лупу. – Ватсон! Почему эти люди так непрактично смешали все в один препарат? Я бы на их месте сделал два... нет, даже три средства! Удивительная неизобретательность. Разумеется, в таком виде неизбежны неприятности – ингредиентов слишком много! Все вместе они создают нешуточную нагрузку на органы пищеварения. Белки и жиры в таком количестве – нет, положительно, это никуда не годится. А ведь могло получиться очень неплохо. Неплохо, Ватсон.

– Неплохо, – согласился доктор Ватсон. – Я включал некоторые из этих компонентов в свою диету, когда боксировал в полусреднем весе. И как врач должен отметить, что что сода, которая, по мысли изготовителя, вероятно, должна содействовать усвоению пищи, не вызовет в таком букете ничего, кроме бурления в желудке и несварения.

– Перейдем к «Откармливающим таблеткам», – продолжал Шерлок Холмс. – Эти таблетки, – если верить тому, что написано на коробке, – «результат многих лет, проведенных в экспериментах с различными компонентами, наращивающими тело». Тому, кто будет их принимать, обещают нарастить от 8 до 16 фунтов крепкого здорового тела в месяц. Таблетки содержат гипофосфиты кальция, натрия, магния и железа, с пепсином и стрихнином, и назначаются в качестве тонизирующего средства. «Питающее нервную систему и пищеварительный тракт вещество способствует усвоению пищи, укрепляет тонус пищеварительных органов и, следовательно, всего организма», – заверяет нас доктор Уитни. – Принимать три раза в день перед едой. Порция для взрослых – одна таблетка, порция для детей – половина. Для продажи во всех аптеках».

Великий сыщик раскрошил таблетку в пробирку с какой-то жидкостью, затем поместил раствор в колбу, опять нагрел, долго изучал получившийся раствор и, наконец, сказал:

– Гм. Ватсон, я не знаю, что такое пепсин. Это, кажется, один из пищеварительных ферментов?

– Вы правы, Холмс. Пепсин содержится в слизистой оболочке желудка. Он помогает расщеплять белки, поэтому его получают из желудков свиней.

– А! Так вот, в чем дело! А я удивлялся, что здесь делают частицы чьих-то желудков! Это, видимо, и есть наш пепсин!

– Ученые не оставляют попытки получить пепсин искусственно, – с достоинством сказал доктор Ватсон, глядя, как сыщик принохивается к раствору. – Когда-нибудь им это удастся.

– Непременно. Пока что я определенно могу сказать, что препарат, с которым мы имеем дело, состоит из рыбной муки – прекрасная ярунтская мука из костей копченой селедки! – мела, муки костной – по-видимому, полученной на ближайшей бойне, – золы из костей рыбы, отрубей, сушеного гороха... Боже, Ватсон! Да тут сплошная мука. Кукурузная, овсяная, ячменная – у меня нет никаких сомнений в том, что именно перечисленные вещи следует понимать под названием «гипофосфиты натрия, магния и железа».

– Но ведь это они и есть, – с достоинством произнес Ватсон. – Холмс?

Но сыщик увлеченно смотрел в лупу.

– Мой дорогой Ватсон, несмотря на то, что вы правы, я не вижу никакой возможности для человека, который купил эти пилюли и возлагает на них надежды, приобрести, так сказать, вес. Кусок темного хлеба с патокой, кукурузная каша или лепешка на завтрак, хороший ростбиф или немного рыбы и несколько ложек горошка на обед, и, наконец, овсянка на ужин сослужат нам лучшую службу, чем все дорогостоящие препараты!

– Овсянка, сэр! – сказала миссис Хадсон.

Она вошла в комнату сыщика с подносом, на котором поднимался пар: горячая каша, к ней пара гренок, мед, масло и немного малинового джема.

– Спасибо, дорогая миссис Хадсон, – сказал доктор, потому что Шерлок Холмс и не подумал обратить внимание на поднос. Он был занят.

– Малиновый джем, сэр! – произнесла миссис Хадсон уже погромче.

И, поскольку Холмс ей не ответил, она протянула ложку с малиновым джемом к самому его носу.

Сыщик схватил ложку.

– Очень хорошо! – воскликнул он. – Дорогой Ватсон! Посмотрите этот мазок – я даже не буду делать препарат, а просто размажу джем по стеклышку – вы думаете, ЭТО – малиновые семечки?

– Да, конечно, – сказал доктор Ватсон, – они всегда застревают у меня в зубах.

– Это буковые опилки, мой дорогой друг. Состав этого джема я прекрасно знаю по делу «Кеннеди против Кеннеди». Смехотворная вещь. Через четыре часа после смерти в желудке убитого не могли найти никаких следов малины. Семь экспертов ссылались на то, что ничего, кроме камбалы с картошкой и обрывков газеты, которая прилипла к камбале, в желудке мистера Кеннеди нет. А уж тем более нет никаких следов малины. Мне ли не знать состав этого прекрасного джема!

– Что вы имеете в виду, Холмс?

– Я имею в виду, что твердая древесина бука великолепно играет роль семян малины или земляники. Все остальное – репа, сахар и краситель, известный под названием «анилиновый розовый». Взгляните на это чудо человеческой фантазии, миссис Хадсон! И вы, Ватсон, тоже. Видите? Нет, вы видите?

– Шарлатаны! Жулики! – вскрикнула миссис Хадсон, вынула платок и зарыдала.

– Милая, милая миссис Хадсон! – сказал Холмс. – Ну, не плачьте! Я знаю, вы хотели доставить мне удовольствие. Вы его доставили! Ведь все это ужасно смешно! Ха-ха-ха! Правда, смешно?

– Ха-ха-ха, – слабым голосом откликнулась миссис Хадсон.

– Смех – лучшее лекарство, – согласился доктор Ватсон.

– Тем не менее, я все-таки хотел бы обрести лучшую форму, и как можно скорее, – опять помрачнел сыщик.

– В таком случае, сэр, – сказала миссис Хадсон, – вам поможет «Эмульсия Скотта». Реклама этой эмульсии есть в каждой газете.

Она взяла «Таймс», все еще открытую на странице для юных леди и джентльменов, и показала пальцем.

Жир – это запас, при помощи которого природа защищает нежное тело ребенка, так же, как у щенков или котят. Жир не излишество. Жир – это то, что у них должно быть. Они должны быть пухлыми. Если ваш ребенок ущемлен в своих правах и страдает, дайте ему «Эмульсию Скотта» с рыбьим жиром.

Мы пришлем вам немного на пробу, если вы пожелаете.

Компания Скотт-энд-Боун,

Пирл-стрит, 409, Нью-Йорк

– Подумать только! – воскликнул Холмс. – А ведь я даже не обратил на него внимания! Он перевернул страницу и опять его взгляд упал на объявление:

«Эмульсия Скотта» – больше, чем жирная пища! В ней нет животного жира, который, в сравнении с ней, хуже питает и формирует слабые, истощенные тела. Вот почему дети и девушки, страдающие анемией, цветут и набирают вес при помощи «Эмульсии Скотта»! Вот почему особы, имеющие склонность к чахотке, набирают веса и сил достаточно, чтобы справиться с болезнью!

– Ватсон! – позвал сыщик. – Ватсон, где вы? У меня к вам будет просьба, Ватсон!

«Эмульсия Скотта»

Но Ватсон уже тряс «Ивнинг стандарт».
– Смотрите, Холмс! – восклицал он. – Смотрите!

Мы знаем, что рыбий жир является пищей, формирующий жир. Люди, принимающие его, быстро прибавляют в весе, все их тело наполняется жизненной силой. Приготовленный в виде «Эмульсии Скотта», рыбий жир легко и быстро превращается в ткани тела. Ваш доктор добавил бы: «Легко усваивается».

Возможно, вы страдаете от недостатка жира. Вы получаете его достаточно с пищей, но он либо недостаточного качества, либо не переваривается.

Мы приготовили для вас достаточно жира в «Эмульсии Скотта».

– Человечество во власти «Эмульсии Скотта», – растерянно пробормотал Холмс. – Знаете, что Ватсон? Тащите сюда эту эмульсию тоже. Я хочу исследовать ее состав.

ПРОШЕЛ ЧАС

– Костная мука, мел, сода и рыбий жир, – сказал сыщик, оторвавшись от окуляра.

– И что? – робко спросил доктор.

– Как бы вам сказать, – Холмс задумчиво шуршал газетой. – Послушайте, Ватсон. Вы уж простите меня, но я хочу, чтобы вы еще раз сходили в аптеку – я хочу обыкновенный рыбий жир. Без всяких добавок. Как вы думаете, это возможно?

Ватсон провел в аптеке не меньше часа. Все это время он отбивался от продавца, во что бы то ни стало желающего продать ему «для мистера Шерлока Холмса» еще:

бензиновую эмульсию – прекрасное тонизирующее средство с гипофосфитом извести и содой,
«Индийские пилюли д-ра Каксли»

«Слабительные печеночные пилюли д-ра Килмера»,

«Магнезиевое молоко Лоримера»,

«Сироп Пэриша»,

или хотя бы «Электрическое масло доктора Томаса», которое, как известно, помогает от боли в любых частях тела, от простуды, хрипоты, хромоты и глухоты.

Слабительные печеночные пилюли Парилла д-ра Килмера

DR. THOMAS' ECLECTRIC OIL.

© 347

«Электрическое масло д-ра Томаса»

Опять «Электрическое масло д-ра Томаса»

Снова «Электрическое масло д-ра Томаса»

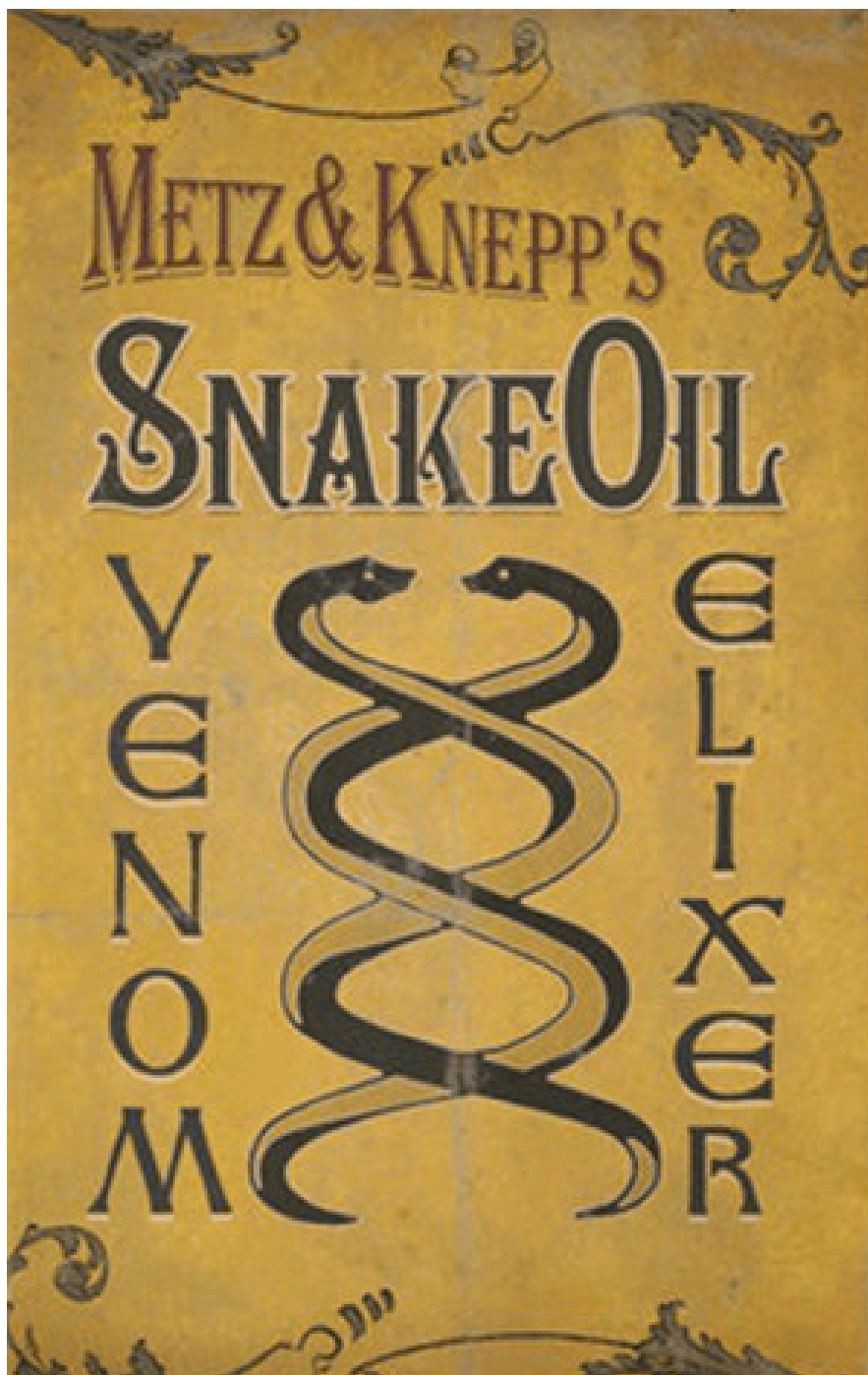

Знаменитая журналистка и путешественница Нелли Блай рекламирует «Индийские пилюли д-ра Морзе»

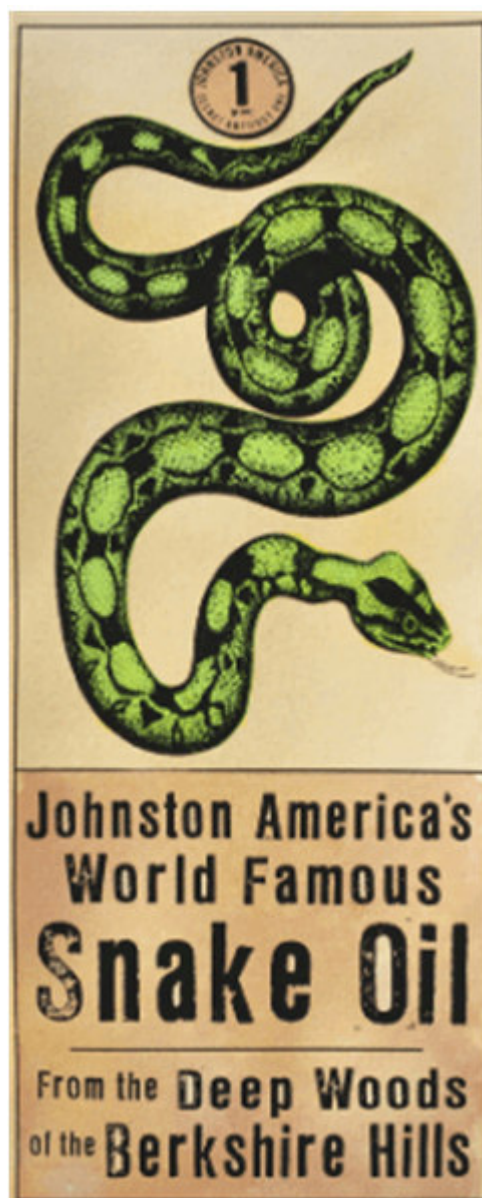
Наконец, чудовищным усилием воли доктор сумел все-таки вытребовать самый обыкновенный «Жир из печени трески» и с торжеством возвратился домой.

На Бейкер-стрит, 221Б происходило вот что.

– Но мистер Холмс! – возмущалась миссис Хадсон. – Змеиный жир – прекрасное средство! Очень старинное, китайское. Он, правда, очень дорогой, но я купила его специально для вас. Помогает от простуды, от головной боли, от суставов, от воспалений на коже, от болей в мышцах, от печени и от почек! Им обязательно нужно мазать все тело и принимать внутрь! Моя бабушка всегда мазала меня им с головы до ног.

Змеиный жир Метц & Кнепп

*Знаменитый на весь мир
американский змеиный жир Джонстона*

- Дорогая миссис Хадсон, – ласково отвечал ей сыщик, – взгляните сюда. Вы видите?
И он указал на свой микроскоп.
- Вижу... – растерянно пробормотала та, заглядывая в окуляр. – Но... я ничего не понимаю...
- Видите, как вредно быть неучем, – Шерлок Холмс покачал головой. – Так вот, миссис Хадсон, здесь нет даже намека на животный жир. Вы видите перед собой ни что иное, как терпентин, то есть, обыкновенный скипидар. Пузырек скипидара обойдется вам в четыре пенса, в то время как за этот так называемый змеиный жир, если верить этикетке, вы заплатили два шиллинга восемьдесят восемь пенсов.
- Но... все равно он действует! – не сдавалась старушка. – Меня лечили им еще девочкой! Он очень хорошо греет!

– Греет, – согласился Шерлок Холмс, – но не светит. Пациентам, которые надеются, что это средство поможет им хоть на йоту больше некоторого согревающего воздействия, не светит ничего.

Миссис Хадсон страшно обиделась и целый вечер не разговаривала ни с сыщиком, ни с доктором Ватсоном. И только когда Холмс добровольно принял почти полгаллона укусомеда, она сменила гнев на милость.

А Холмс сказал:

– Хм, хм. Даже вкусно, хотя и довольно противно. Миссис Хадсон, должен признаться, что кашель стал легче. Очень сладкое, очень кислое и очень соленое – несомненно, мои рецепторы взбадриваются. Ватсон! Я чувствую вкус к жизни! Мне так хочется выздороветь и избавиться, наконец, от всех этих горчичников, пилюль и укусомедов!

С этими словами он ушел в уборную, оставляя на ковре следы горчичного порошка, который просыпался из носков.

– Холмс! – сообщил ему вслед доктор Ватсон. – Из вас горчица сыплется!

Глубокой ночью, оказавшись, наконец, в тишине и покое своей комнаты, Ватсон записал все, что случилось за день. Эту главу своей книги он начал так:

Викторианская эпоха получила название эпохи змеиного жира. Это, пожалуй, самое популярное средство, какое только можно себе вообразить. Целые поколения бабушек, нянюшек и тетушек верили в его чудодейственные свойства. Целые поколения шарлатанов нажили на нем состояние. Но скоро, скоро придет время! Закон обяжет изготовителя указывать состав лекарств на этикетке, и со змеиным жиром, универсальными болеутолителями Перри Дэвиса, электрическим маслом и другими жульническими средствами будет покончено! Люди будут образованнее, чем в наши дни. Они будут знать химию, физику, анатомию и биологию. Они станут понимать, что пытаются им всучить. И когда каждый сможет узнать, что, собственно, он покупает, на свете не останется места этому позорному пятну на белом халате врача – шарлатанству!

Визит к дантисту

Однажды Холмс не вышел к завтраку. К обеду он тоже не вышел. Миссис Хадсон постучал в дверь его комнаты, позвала: «Мистер Холмс!», но ей никто не ответил.

– Это очень странно, – сказал доктор Ватсон. – Если он ушел, то почему этого никто не видел?

Он подошел к двери на улицу и увидел в замке ключ.

– И дверь заперта изнутри. Запереть дверь изнутри не может даже Шерлок Холмс!

– Может быть, он занят? – предположила миссис Хадсон.

Она поднялась по лестнице и приложила ухо к двери в комнату сыщика.

– Мистер Ватсон! – шепотом позвала она. – Вы слышите? Там что-то стучит. «Тук. Тук. Тук-тук».

– Несите скорее ключ от буфета! – тоже прошептал доктор. – Скорее! Возможно, там злоумышленники!

Когда дверь открыли, оказалось, что внутри темно. Станный стук доносился из центра комнаты, где стояла кровать Холмса. Ватсон зажег лампу и увидел, что великий сыщик лежит на спине и осторожно, но упрямо стучается головой о спинку кровати. На вошедших он даже не посмотрел, и вообще никак не отреагировал, а продолжал свое странное занятие.

– Мистер Холмс, что с вами! – в отчаянии вскричала миссис Хадсон.

И шепотом сказала доктору: «Он сошел с ума!»

– Холмс! – позвал доктор Ватсон. – Холмс!

Он наклонился над сыщиком.

– Что с вами, Холмс?

«СИЛ НЕТ, КАК БОЛИТ ЗУБ!» – ЕДВА СЛЫШНО ПРОШЕПТАЛ ТОТ.

Холмс повернул лицо и стало ясно: он терпел до последнего. Щека у него распухла, лицо было перекошено, глаза вытаращены.

– Мистер Холмс, вам нужно пойти к дантисту! – сказала миссис Хадсон.

ПРОШЕЛ ЧАС

Доктор Ватсон сидел на полу возле шкафа и читал вслух газету.

– «Парижский зубной салон. Восемь призов за лучшие коронки, вставные челюсти, мосты и пломбы. Абсолютно безболезненное удаление моим замечательным секретным методом. 20 лет опыта, никаких студентов, леди-сестра, бесплатная консультация. Д-р Джордж Лик».

Из шкафа не донеслось ни звука.

– «Новые, неломающиеся вставные челюсти 'Роуз Пирл'. Гарантия 20 лет. Никакого молотка, какие были в прежние времена». Слышите, Холмс? Никакого молотка!

Реклама! Реклама!

Ко-ре-га!

Порошок Уилсона для чистки вставных челюстей

- Никогда! – раздалось из глубины шкафа.
- «Американский электро-стоматологический салон Ван Врума, – продолжал читать Ватсон. – Остерегайтесь подделок. Мы знаем свое дело и гарантируем качество».
- Еще чего! – сказал Холмс.
- «Электричество делает лечение абсолютно безболезненным». Слышите, Холмс? Абсолютно!

*Реклама! Реклама!
Зубной эликсир д-ра Бонна!
Порошки, эликсиры, паста!*

– Вранье! – сказал голос сыщика.
Шкаф мелко трясся – это Холмс бился изнутри головой.
Но Ватсон не сдавался.
– «Оставляя заказ на зубы с утра, вы получаете его в тот же день. Не берем платы за удаление, если вы заказали вставные челюсти». Холмс! Смотрите, какая экономия!
Но из шкафа слышалось только жалобное поскуливание.
– «Работа выполняется при помощи современных электрических приборов, ночью так же хорошо, как и днем. Консультации – бесплатно. У нас не работают студенты. 10 опытных хирургов. Леди сиделка. Говорим на немецком и французском. По вечерам до 10, по воскресеньям с 10 до 1. Д-р Кляйссер». Холмс! Я удивлен, что в наше время возможно так бояться дантистов! Ведь это смешно, Холмс! Неправда ли, как смешно?

«Зубной порошок 'Созодонт' – хорош для плохих зубов, неплох для хороших».

ДВЕРЦА ШКАФА СО СКРИПОМ ПРИОТКРЫЛАСЬ.

Ватсон обрадовался. Но в этот момент из шкафа высунулась рука, огрела его как следует зонтиком и скрылась.

Тогда доктор потерял терпение.

– Мы живем в двадцатом веке! – закричал он. – Уже двадцать лет, как никто не выдирает зубы ржавыми щипцами, плавающими в банке с мутной карболкой! И дантисты надевают под черный резиновый фартук белый халат! Они даже моют руки! Холмс! Что вы молчите? Вы меня слышите?

В шкафу раздался грохот, потом скрип дверцы – и на пол вывалилось бесчувственное тело. Великий сыщик упал в обморок.

Когда он очнулся, то понял, что лежит ногами на ковре, головой – на коленях доктора Ватсона. Ватсон продолжал говорить.

– ...самые современные средства! Рот врача закрывает салфетка Когсвелла. Удивительно, как удобно это простое устройство! Знаете, Холмс, как она выглядит? Обычная льняная салфетка. Но это только с первого взгляда! Ее удерживает новое устройство. Оно называется «салфеткодержатель» и завязывается тесемками на затылке, а снизу – застегивается под воротником. Ах, Холмс! Как вы можете так глупо трусить – сейчас, когда гигиена достигла таких высот! Ведь мы стоим на пороге нового времени! Жизнь, Холмс, теперь разительно изменится! Она станет совершенно другой! Вот увидите, станет!

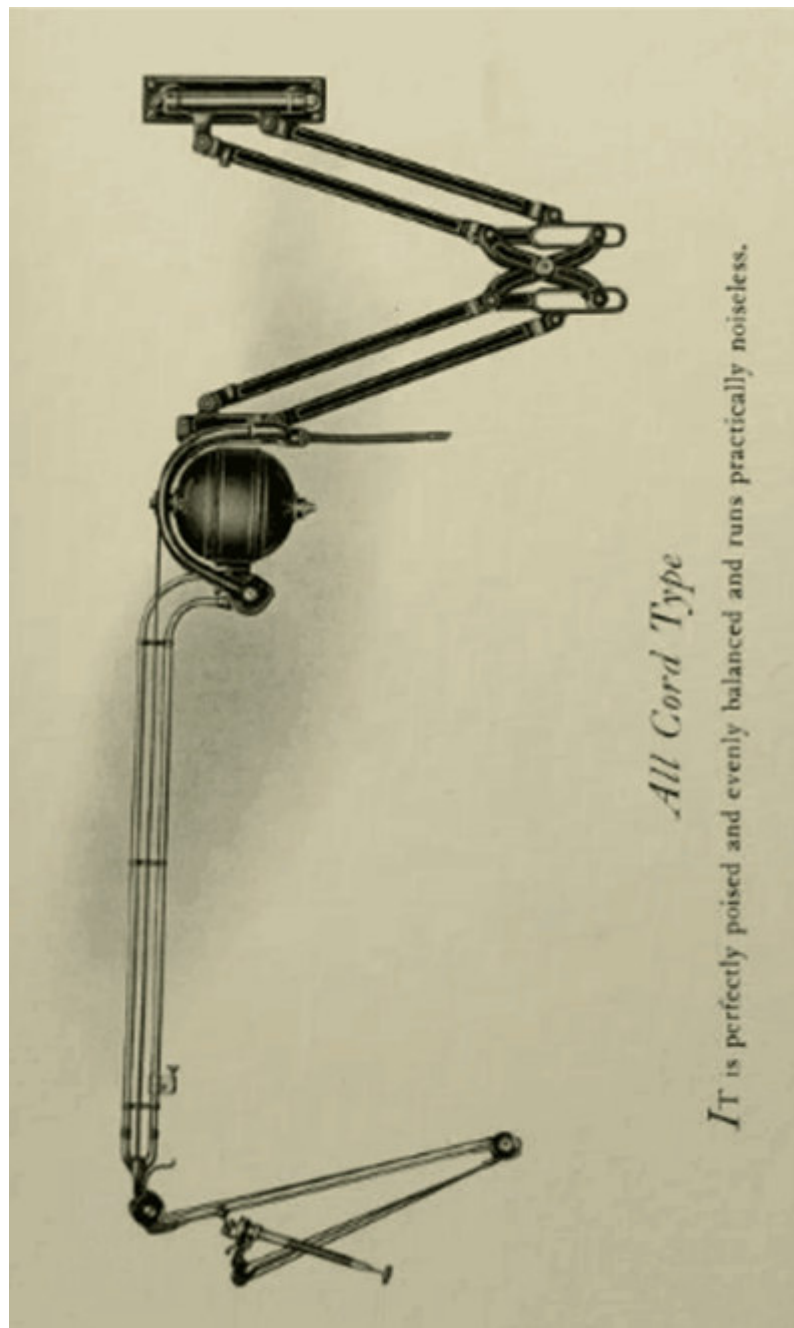
– Вам хорошо говорить, – простонал сыщик. – Вы-то цитируете мне «Ланцет»! А сами вообще никогда не были у дантиста!

Доктор, казалось, его не слышал. Он смотрел куда-то вдаль, но не в турецкий ковер, на котором висели боксерские перчатки, бинокль и пара ружей, а на невидимый глазу простого сыщика горизонт – горизонт нового, счастливого будущего.

– А зеркало? – продолжал он. – Зеркало, Холмс! Это удивительно. Ведь, может быть, вам повезет и вы увидите новое зеркало: надевается на палец при помощи пружины! Такое зеркало можно двигать в любом направлении!

– Не надо! – пробормотал Шерлок Холмс и зажмурился.

– Бормашина, – продолжал Ватсон, – давно не заводится при помощи часового завода. Теперь она электрическая! На шарнирах, с гибким «рукавом»! Знаете, что это значит? Теперь врач может работать обеими руками. Обеими руками, Холмс! А? Что вы на это скажете?

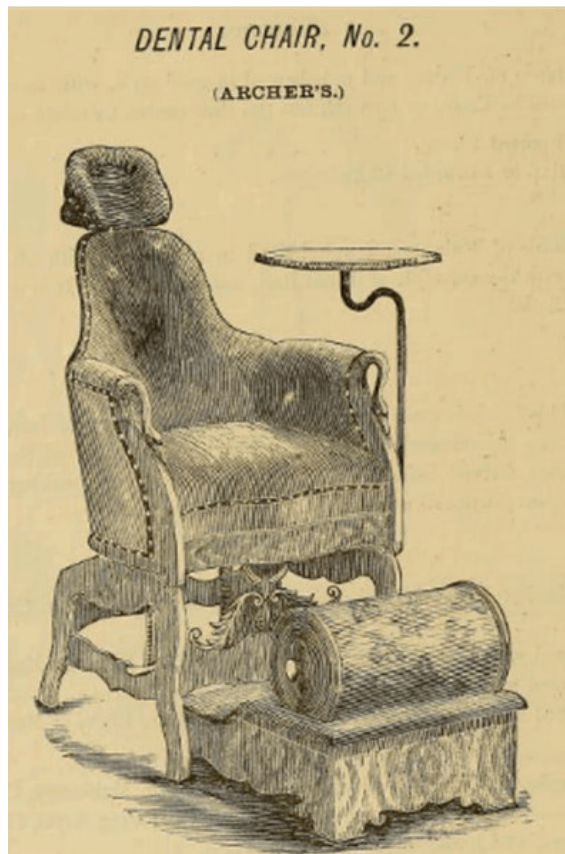

Новейшая электрическая бормашина

– ОЙ, МАМА! – СКАЗАЛ СЫЩИК, И ОПЯТЬ ПОТЕРЯЛ СОЗНАНИЕ.

Очнулся он от того, что ему под нос сунули журнал.

– Взгляните только! – восклицал раскрасневшийся от обуревавшего его волнения Ватсон. – Это «Ежемесячное ревью дантиста». Посмотрите, сколько новых изобретений! Зубоврачебный стол Картера. Инструменты Смита для операции в палате. Языкоудерживатель. Зубные щетки Коффина. Наклонный табурет для врача д-ра Лайона! Ах, Холмс! Вот риттеровское кресло! Смотрите на это чудо, смотрите! Бросайте свой обморок. Мы выберем салон непременно с риттеровским креслом!

Обычное зубо­вра­че­б­ное кресло

Кресло Пуммера

Безумным взглядом Холмс шарил по комнате.

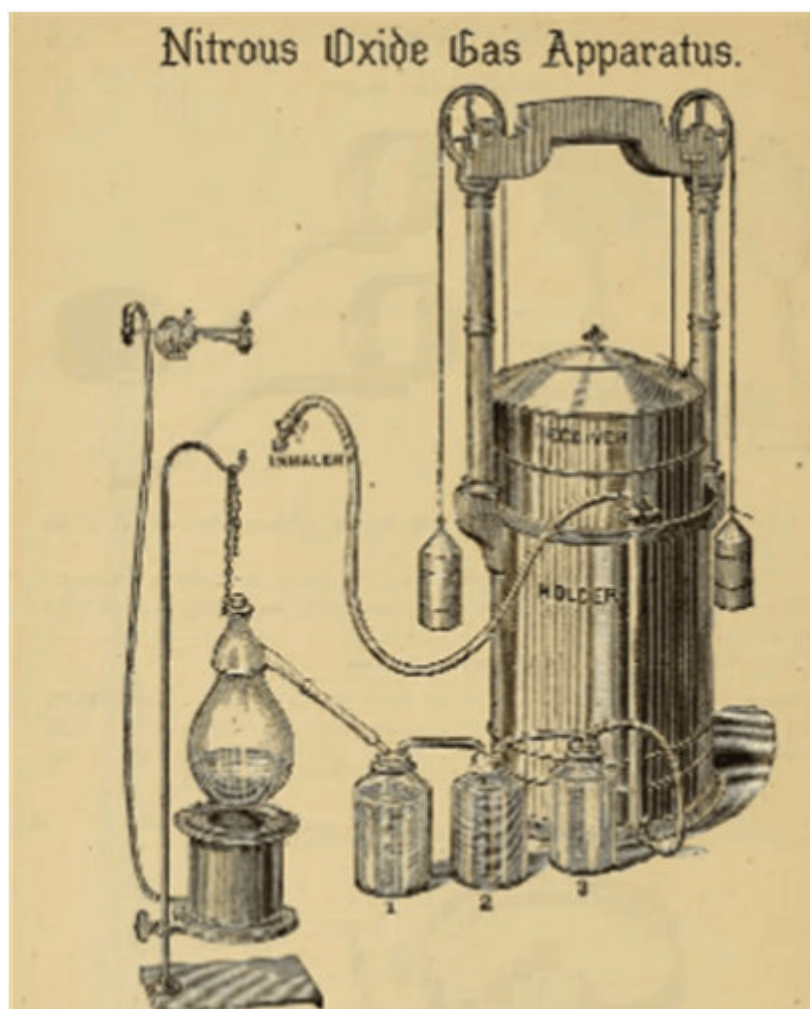
– Я... – прохрипел он, – я не знаю никакого Риттера!

– Ну, Риттер, вообще говоря, занимался изготовлением мебели. Как вдруг однажды ему взбрело в голову сделать зубоврачебное кресло. Началось с того, что он заменил ножки стула вращающимся диском. Так первая модель получила название «Приклеенное кресло». Затем добавил педальный привод. Это новое кресло исключительно функционально: механизм поднимается и опускается при помощи телескопической трубки, роликовые подшипники соединяют сиденье со спинкой, позволяя врачу легко менять положение пациента. Оно называется «Колумбийское». Дело в том, что успех Риттера начался с «Большого Колумбийского карнавала» в Чикаго – международной выставки. Она проводилась в 1893 году в честь четырехсотлетнего юбилея со дня открытия Колумбом Америки. А мы ведь там не были! Холмс, я должен, наконец, это увидеть!

Но Шерлок Холмс ни за что не соглашался пойти к зубному врачу.

– Помните, Холмс, – голос Ватсона сделался медовым, – как весело было в прошлый раз, когда вам дали газ? А? Вы пели тогда «Боже, храни королеву!», дрыгали в кресле ногой и хохотали, как сумасшедший!

– Я не виноват! – стонал Холмс. – Закись азота всегда так действует, вы знаете это не хуже меня! Перестаньте заговаривать мне зубы и дайте хоть умереть спокойно!

Аппарат для подачи обезболивающего газа

**THE LEWIS
NITROUS OXIDE GASOMETER**

This Gasometer is believed to be the
Best and Most Convenient
for the price yet produced.

Made of best Galvanized Iron, highly and artistically ornamented. All bright parts nickel-plated.

IT IS FITTED FOR EITHER A 100 OR 500 GALLON CYLINDER.

Contains an effective Water Seal

PRICES.

No. 1, Lewis Gasometer, \$30.00
No. 2, Lewis Gasometer, \$25.00
Boxing included.

The No. 1 and No. 2 are identical in construction, the difference being in ornamentation.

The above prices are for the Gasometer and Stand alone. Full outfits furnished, including inhalers of any of the usual styles. Circulars will be furnished on application, giving full details of different outfits, and their prices.

Prices given for any selection of apparatus desired. Gas in cylinders furnished in any quantity.

FOR SALE BY ALL DEALERS
IN DENTAL GOODS.

Manufactured only by Buffalo Dental M'fg Co., Buffalo, N. Y.

Газометр

«Оксиген» – «чистый кислород», модное средство для вдыхания, основные, а также все остальные компоненты которого составляет веселящий газ

И Холмс выбежал из комнаты. Послышались быстрые шаги на лестнице. Вдалеке хлопнула дверь.

– Он заперся в уборной, – доложила из холла миссис Хадсон.

Ватсон вздохнул. Он страшно устал. К тому же, ему надо было подумать, как выкурить Холмса из уборной. Доктор нуждался в передышке. Поэтому он взял стратегический тайм-аут и записал в своем блокноте:

Да, закись азота, получившая имя веселящего газа, была настоящей победой. От нее не травились, как от эфира, не умирали, как от хлорала или хлороформа, и все-таки веселящий газ тоже не был совершенным. Слишком недолго его воздействие. Всего тридцать пять секунд! Повторное употребление безвредно. А потому...

Вдруг Ватсон вскочил на ноги.

– Холмс! – закричал он так, будто был в горах Рейхенбаха. – Хо-олмс!

Через несколько секунд он, запыхавшись, уже стоял перед маленькой дверью.

– Как я мог забыть, Холмс! Новокаин! Это новое средство всего только месяц, как появилось в употреблении! Простите меня, что я отнял у вас столько времени, но, право же, только месяц! Неудивительно, что у меня вылетело из головы! Новокаин, вот что вас спасет, друг мой!

– Чего-чего? – подозрительно спросил из уборной знаменитый сыщик.

– Как раз сейчас, – доктор все еще не мог отдышаться, – вышло совершенно новое средство, немецкой фабрики Хехст. Называется новокаин⁸. Это победа, Холмс! Кокаин, этот страшный наркотик, наконец, будет изгнан из зубоврачебной практики! А может быть, и вообще из медицины! Холмс! Неужели вы не понимаете, как велико значение этого открытия?

– Я понимаю, что у меня будет медвежья болезнь от ваших рассуждений! – сварливо сказал Холмс. – Я счастлив, что человечество одержит победу над наркотиками. Но мне-то, Ватсон, мне от этого не легче!

– Ошибаетесь! – с торжеством провозгласил доктор. – Вы ошибаетесь, Шерлок Холмс! Потому что новокаин – невероятно эффективное обезболивающее средство!

Дверь уборной приоткрылась.

– А помните, какие смешные таблички висят в кабинете? – доктор Ватсон вытер лоб платком. – Пойдемте, посмотрим на них – ведь, может быть, мы их больше никогда не увидим! Новокаин, Холмс, займет место газа!

Знаменитый сыщик сунул руки в карманы.

– Черт возьми, я англичанин, – произнес он. – Я не могу позволить драть себе зубы! Они мне дороги. Вы, кажется, говорили, американский электро-стоматологический салон? Едемте, Ватсон. Я хочу в американскую клинику.

Ватсон дал Холмсу ватку, смоченную опийной настойкой, чтобы сыщик смог добраться до клиники, а затем они вышли на улицу и взяли кэб.

– Кстати, дорогой доктор, – речь Холмса была невнятной, – а почему это наши с вами соотечественники с таким упрямством продолжают рвать людям зубы, когда за океаном такой прогресс? Так нечестно. Это обидно, наконец!

– Видите ли, в нашей стране новые методы внедряют по необходимости сдержанно. Вы же знаете английские законы – английский врач покупает практику раз и навсегда, по одному и тому же адресу. Один громкий несчастный случай – и репутация врача погибла. А вот наши заокеанские коллеги могут свободно путешествовать по всему миру.

– Значит, дело только в том, что они могут себе позволить риск?

– Нет, Холмс. Реклама американских дантистов довольно часто подтверждает свою высокую репутацию. Чтобы приобрести хорошую практику, врач должен набить руку. А как это может сделать англичанин?

⁸ Новокаин был получен в 1905 г. на немецкой фабрике «Хехст». Начал поступать в продажу в 1906 г.

– Следовательно, анекдот про английских дантистов представляет собой чистую правду? Они действительно так плохи?

И Холмс расстроился.

– Не понимаю, – сказал он, – почему Британия, великая держава, покорившая целые страны, не в состоянии поставить у себя зубоврачебное дело? Почему мы хуже остальных? Безобразие.

– Не спешите клеймить Британию, – грустно улыбнулся Ватсон. – Я бы сказал, что дело в другом. Зубной госпиталь у нас есть. Он существует вот уже почти полвека, с 1858 года. Подобно Лондонскому госпиталю, он принимает больных бесплатно и даже обеспечивает при операциях газ. Таким образом он имеет возможность осваивать новые операции, пробовать новые лекарства и проделывать прочие опыты. Но какой смысл ставить нищим искусственные зубы или дорогие пломбы? Кому нужны расходы? Диагностика лечения все еще очень сложна – из-за нервной системы, ведущей к зубам. Средств остановить воспаление нет никаких. Что, по-вашему, должен делать добросовестный врач? Вот почему в Англии предпочитают удаление. Кстати, именно английские врачи рвут зубы быстро и аккуратно – у них превосходная выучка!

Бесплатное лечение зубов в лондонском Зубном госпитале

На эти слова Холмс только промывчал – невнятно, но возмущенно.

– Превосходно вас понимаю, – продолжал Ватсон. – В Америке же, не сомневаясь, ставят эксперименты по протезированию – разумеется, на состоятельных пациентах. Любой желающий (имеющий, конечно, средства) может вставить себе золотые или серебряные мосты, коронки или вставные челюсти.

– Ватсон! – обиделся Холмс. – Вы когда-нибудь видели уважающего себя джентльмена с золотыми зубами?

– Никогда, – честно ответил доктор. – В любом обществе можно мгновенно узнать уважающего себя английского джентльмена – у него, как правило, недостает зубов с одной стороны.

Шерлок Холмс застеснялся.

– А нельзя ли мне, – спросил он, – фарфоровые зубы? Чтобы выглядели, как настоящие?

– С фарфоровыми протезами дело обстоит несколько сложнее, – задумчиво ответил Ватсон. – Тут все еще много проблем, но... при желании можно. Кстати, существует еще один

протезирующий материал: эбонит. Эбонитовые коронки обойдутся в три раза дешевле золотых или серебряных.

– Мне? Черные зубы?! – вскричал великий сыщик. – Не дождетесь!

– Приехали, джентльмены! – крикнул кэбмен.

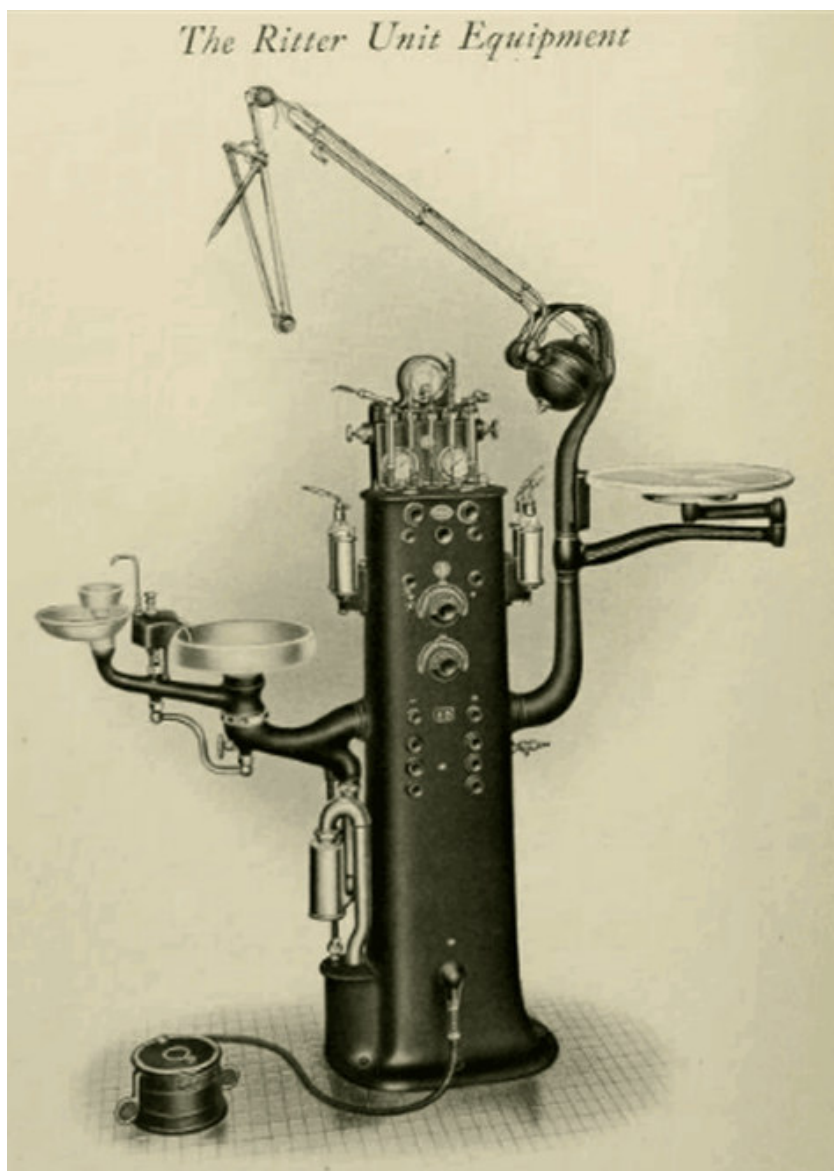
– Мамочка! – прошептал Шерлок Холмс.

Но было поздно. Они вошли в клинику доктора Кляйссера.

– О, кто к нам пришел! – обрадовался американский доктор Кляйссер – жизнерадостный немец с полными красными руками, которые было очень хорошо видно из-за закатанных рукавов. – Сам Шерлок Холмс! Очень рад, очень!

– А вот я не очень, – сыщик достал платок и вытер слюни. – Что бишь я хотел сказать вам? А! С этим зубом надо что-то сделать!

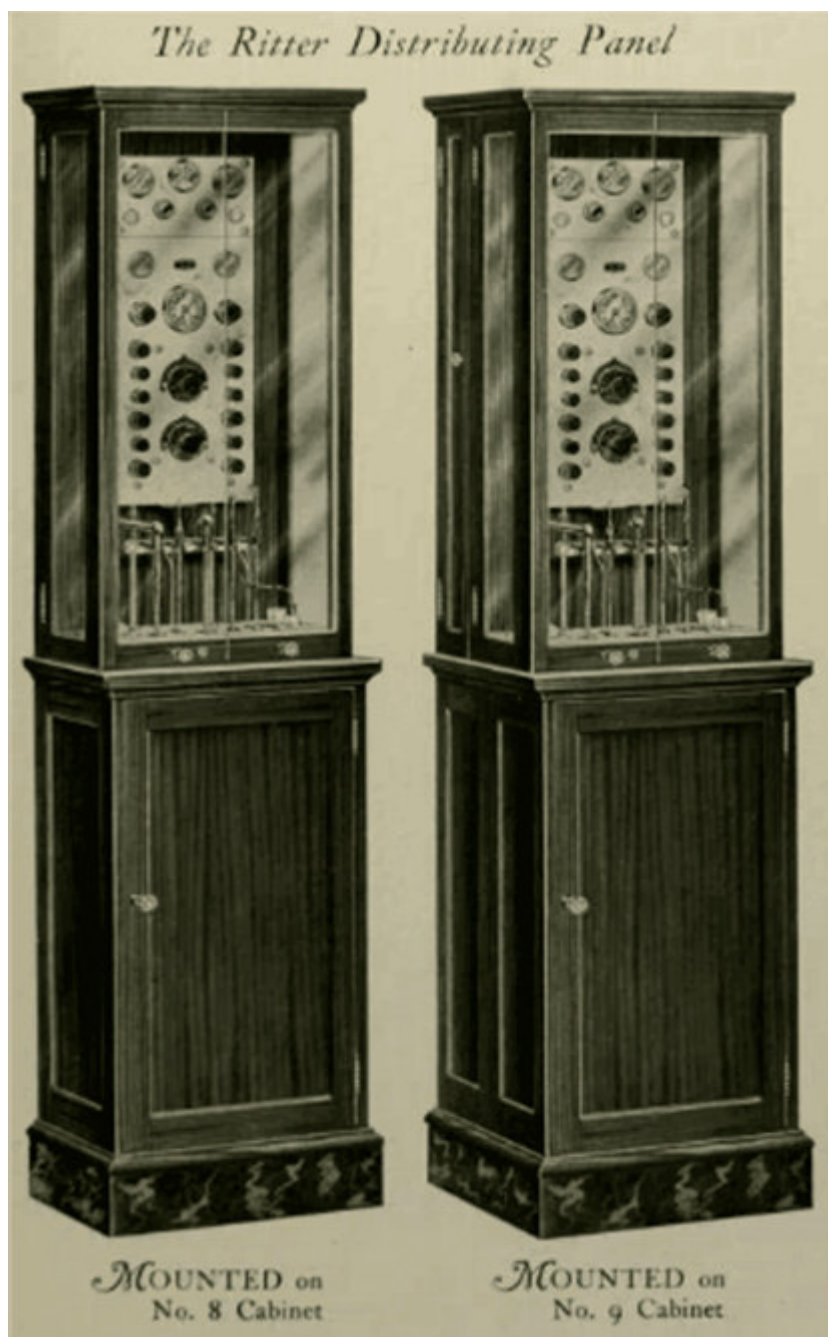
Доктор Кляйссер усадил его в кресло – действительно самое современное. О вытертых бархатных подушках с бахромой и таким же валиком для ног не было и помину. Высококласное кожаные сиденье соединялось со спинкой металлическими шарнирами. Стальная подвижная «рука» удерживала превосходный, удобный подголовник – две небольшие кожаные подушки. Само кресло располагалось на круглой поворачивающейся платформе. Но где же самое страшное? Да вот оно. От столика с маленькой фаянсовой раковиной и инструментами (которые Холмс предпочел не рассматривать) шел длинный, черный, как змея, резиновый шланг. На конце его...

Зубоврачебное оборудование компании «Риттер»

– Я хочу домой! – взмолился великий сыщик. – Отпустите меня! Пожалуйста!

Но доктор Кляйссер сделал вид, что его не услышал. Он нажал на кнопку табло, расположенного в высоком шкафу с застекленными дверцами. Раздалось жужжание и великий сыщик почувствовал, как верхняя часть его туловища опускается. Она опускалась и опускалась, до тех пор, пока доктор не сказал себе под нос «гут, гут» и не отпустил кнопку.

Зубоврачебное оборудование компании «Риттер»

– Ваш зуб в ужасном состоянии, – сказал он. – Правду сказать, это вообще не зуб. Это вулканический кратер, в котором вместо лавы кишат бактерии.

– Ох! – еле выговорил Холмс.

– Не волнуйтесь! – доктор Кляйссер поднял палец. – Современная наука на месте не стоит. О вас уже позаботились «Пембертон, Пембертон, Пембертон и Сын». Посмотрите сюда: «Аконитовое масло «Атлас» – величайшее средство от боли на земле!» совершенно новый препарат на змеином жире!

Шерлок Холмс, сидевший с открытым ртом, завращал глазами доктору Ватсону, который скромно сидел на табурете у стены – на случай, если понадобится помощь, – но тот сделал вид, что слепой.

– Немедленно устраняет ревматизм, невралгию, подагру, люмбаго, боли в ушах, спине, шее и зубах, ожоги и обморожения, помогает от слабости в коленях и укрепляет здоровье! – продолжал доктор Кляйссер. – Всего двадцать пять центов бутылочка!

– Дайте две бутылочки! – потребовал Холмс.

Он очень боялся, что если он откажется, доктор замучает его до смерти.

– Пожалуйста! – сказал доктор Кляйссер. – Теперь я буду лечить ваш зуб!

Чтобы не думать о своей ужасной судьбе Холмс перевел глаза на стену. Там висели рекламные картинки и предупреждающие таблички. Первая была такая:

«Уларистон. Чудодейственное зубное полоскание для семейного употребления».

ULARISTON
A SUPERIOR MOUTH-WASH.

This preparation is an improvement on a popular wash, and contains in its present form all the qualities that go to make a faultless mouth-wash for family use.

The stimulating effect imparted to the gums and mucous membranes by the use of this wash is believed to be superior to that of most washes in the market.

For sale by all dealers in dental goods.

PRICES:

Per Bottle,	\$0.40
" doz.,	4.00
" 1/4 gross,	10.80
" 1/2 gross,	20.40

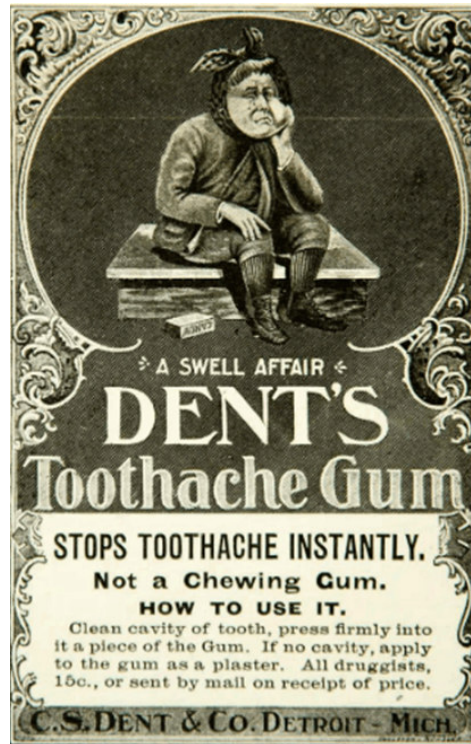
BUFFALO DENTAL
Manufacturing Co.

REDUCTION IN PRICE.
On and after January 1, 1885, the price of the SNOW & LEWIS
AUTOMATIC PLUGGER
WILL BE REDUCED TO \$9.00.
BUFFALO DENTAL MANUFACTURING CO.

«Уларистон»

Вторая такая:

«Жевательная резинка от зубной боли быстро устраняет боль, независимо от того, чем она вызвана, останавливает гниение, удаляет темные пятна с ваших зубов!»

А третья такая:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ СВИСТИТЕ И НЕ ПОЙТЕ, ПОКА ДОКТОР ЛЕЧИТ ВАШИ ЗУБЫ!

«Пожалуйста, не свистите и не пойте, пока лечат ваши зубы!»

фамилии этих людей, с гордостью сообщил, что это никто иной как знаменитый Джозеф Ласко из Луизианы – изобретатель сахарной ваты, так что вата самая настоящая!

– Какое невероятное коварство! – заметил Ватсон.

– Но зато как вкусно! – возразил Холмс. – Кроме того, в распоряжении дантиста имеются и другие товары. Я взял еще новую зубную щетку, пасту «Созодонт», зубное мыло для путешествий и какой-то из эликсиров.

– Не забудьте регулярно применять все это по назначению, – пробормотал Ватсон. – Это единственный способ есть сладкое и не оказаться при этом в кресле дантиста. Холмс! Что вы делаете! Вам еще два часа ничего нельзя есть!

И он отобрал у Холмса коробку.

– Да, – задумчиво сказал сыщик. – Недаром американские дантисты прославились на весь мир, а символом страны стала знаменитая американская улыбка. Ловкость рук и никакого мошенничества! Вот что значит изобретательность!

В тот вечер доктор ничего не записал в своем блокноте. Он вернулся к этой истории только через несколько месяцев. Вот что тогда было записано:

Мой бедный друг проходил с пломбой месяц и три дня, и был вынужден вернуться в кабинет доктора Кляйсера. Тот еще раз рассверлил его зуб, и повторил процедуру, продав пациенту на прощанье жевательную резинку с креозотом. Холмс надеется, что этот раз наверняка.

Я не могу назвать своего коллегу доктора Кляйсера шарлатаном в полном смысле этого слова. Вряд ли можно поставить ему в вину то, что пройдет еще, по крайней мере, лет двадцать до тех пор, пока появятся новые, качественные стоматологические цементы. До этого времени пациенты будут стоять перед выбором: или рвать зуб, или ходить без зуба. Но придет время – и...

Дело о санитарном враче

Как-то, одним совершенно обычным декабрьским утром 1908 года в гостиную дома 221Б на Бейкер-стрит вошел человек лет тридцати пяти-сорока. Был он высокий, крупный, пожалуй, даже тяжеловесный. С широкими плечами и тяжелой поступью. С идеально закрученными усами и аккуратнейшим белокурым пробором. Весь облик посетителя свидетельствовал о серьезности, дисциплине, нешуточной выдержке и привычке к самым суровым испытаниям.

– Здравствуйте, санитарный инспектор, – сказал Шерлок Холмс, флегматично попыхивая своей трубкой.

И точно, это был санитарный инспектор графства Беркли, доктор Фрэнк Барлоу.

– Исчез мой коллега Гиббон, – сообщил он. – Я почти уверен, что его похитили местные жители. Может быть, – эти слова дались ему нелегко, – может быть, он убит.

Эти слова не удивили знаменитого сыщика.

– Опять Лига антивакцинистов? – спокойно спросил он.

– Но постойте! – вскричал доктор Ватсон. – Совсем недавно газеты писали, что эти люди больше не в состоянии никого напугать! Открытие публичной школы в Беркли – тому свидетельство!

Он схватил газету.

– Вот, пожалуйста. «Еще несколько недель назад в только что открытой школе было 950 непривитых учеников. Сегодня таких осталось менее четверти. «Школьники и их родители больше не боятся вакцинации!» – говорит Комитет Здравоохранения. Твердая позиция Министерства Образования...» – тут доктор увидел лица своих собеседников и умолк. – Гм. Но вот же! «Митинги протеста против закона об обязательной вакцинации смолкают. Есть все основания полагать, что очень скоро в школах вообще не останется ни одного невакцинированного ученика». А?

Холмс усмехнулся.

– Вы, Ватсон, удивительно легко поддаетесь убеждению, – сказал он. – Так легко, что, получив приятное сообщение один раз, перестаете следить за ходом событий.

Он подошел к журнальному столу и выдернул из пачки газет несколько номеров.

– Извольте, мой дорогой оптимист. «Лига Антивакцинистов снова идет в бой. Отчет, подготовленный судьей Петерсеном, будет представлен в Сенате сенатором С., который уполномочен требовать отмены закона о вакцинировании». А вот еще...

Барлоу прокашлялся.

– Господа, – произнес он. – Дело приняло нежелательный оборот. Некоторое время назад мы потеряли маленького пациента. Элмор Вайс восьми лет, получивший не так давно прививку от оспы...

В комнате воцарилось молчание.

– Как, – хрипло произнес доктор Ватсон.

– Черт возьми! – прошептал Холмс.

– Никто не видел мальчика после уроков, – продолжал санитарный инспектор, – а его товарищи утверждают, что после вакцинации у него появились страшные судороги. Его буквально скручивало и подбрасывало. Скручивало и подбрасывало. И вот он исчез!

– Столбняк, – в отчаянии проговорил Ватсон. – Несчастный ребенок не смог дойти до дома. Я уверен, что это столбняк.

– Вернее всего, – с тяжелым вздохом подтвердил Барлоу. – Страшная болезнь, от которой до сих пор нет вакцины. Мы не можем убедить в этом родителей мальчика. Вайсы тщательно соблюдали все рекомендации врача и вот... Они, видите ли, уверены, что это мой коллега спрятал тело, чтобы скрыть улики.

Холмс вскочил.

– Ватсон, собирайтесь. Едем в Беркли!

* * *

– Биография Гиббона не представляет собой ровно ничего особенного, – рассказывал Барлоу в поезде. – Пятьдесят четыре года, родился в Ливерпуле. Окончил Королевский Медицинский колледж, потом учился у знаменитого доктора Тривза⁹ в Лондонском госпитале. Тремя годами позже женился на Марии Эрл – самой красивой девушке графства. В 1893 году назначен санитарным инспектором Беркли, в каковом положении сделал завидную карьеру. До него это место занимал д-р О’Брайен. После смерти этого последнего Совет Здравоохранения выбрал доктора Гиббона.

– Не думаете ли вы, что несчастье с мальчиком лишь прикрытие? – поинтересовался Шерлок Холмс. – Ведь вполне может оказаться, что у вашего коллеги были враги. Я не стал бы исключать того факта, что данные обстоятельства – прекрасный повод скрыть настоящего преступника.

Барлоу молчал.

– Гиббон был моим другом, – произнес, наконец, он. – Не могу припомнить ничего, что могло бы стать мотивом для его убийства.

– А может быть, имелись некие обстоятельства, в которые он не стал вас посвящать?

– Не могу сказать. Разве что... Сэмюэл принадлежал к масонскому обществу – Ордену Тамплиеров Беркли № 1.

– А чем оно занимается?

– Не знаю. На то оно и тайное общество!

– Но ведь и вы принадлежите к каким-нибудь обществам?

– Сейчас все к ним принадлежат, – Барлоу пожал плечами. – И никто не может сказать, зачем мы ходим на эти собрания.

– И не говорите, – Шерлок Холмс сочувственно покачал головой. – Мой брат Майкрофт тоже жалуется, что все эти разговоры о судьбах цивилизации – пустое сотрясение воздуха.

– Я, – с достоинством сказал доктор Ватсон, – я не принадлежу ни к какому тайному обществу. И я всегда говорил, что все эти секретные ритуалы и церемонии до добра не доведут! Я давно заметил, что все попытки дать миру некое высшее благо, привести человечество к всеобщему процветанию отчего-то всегда заканчиваются...

– ...как всегда? – с улыбкой закончил за него Холмс.

– Нет, дорогой Холмс! Как хуже не придумаешь!

– Все это надо как следует изучить, – задумчиво произнес знаменитый сыщик. – Масонами, как правило, становятся люди образованные. Сомнительно, что они стали бы заниматься подобным мракобесием. Теперь вот что. Кто последним видел пропавшего?

– Мы уже всех опросили, – сказал санитарный инспектор. – В последний раз доктора Гиббона видели его тетушка, миссис Харрис, затем теща, миссис Эрл, она как раз приехала в гости, сама миссис Гиббон и инспектор рынков Бенджамин Дэвис из Совета здравоохранения.

– Может быть, кто-нибудь метил на его место?

Барлоу замялся.

– Как только известие об исчезновении доктора Гиббона дошло до сведения членов Совета здравоохранения, был назначен временный заместитель, доктор Морс. На завтра назначено специальное заседание.

И все трое отправились на вокзал.

⁹ Доктор Фредерик Тривз (1853–1923) – известный британский врач, хирург, преподаватель медицины, практиковавший в Лондонском Королевском госпитале. Известен как врач, оперировавший короля Эдуарда VII. Еще большую славу принесла ему дружба с Джозефом Мерриком – Человеком-слоном. Так называли газеты и цирковые афиши человека, чья внешность была странно и пугающе изуродована с рождения. Доктор взял Меррика под свою опеку, а впоследствии написал воспоминания о необычном пациенте. Не особенно частое в то время дружеское отношение к человеку такой судьбы получило большой резонанс среди простых лондонцев и было по достоинству оценено при дворе.

* * *

Поезд прибыл, на станции их встретил маленький, пухлый человечек с лицом, напоминающим морду бульдога. Его блестящие черные глаза излучали неумную энергию. Человечек ходил туда-сюда по перрону.

– Слава богу, вы привезли его! – вскричал он. – Здравствуйте, джентльмены. Моя фамилия Райт, Джеймс Райт. Я секретарь Комитета. Мистер Холмс, доктор Ватсон, не будем тратить времени. Перейду прямо к делу. Я знаете, не сторонник лить воду, когда можно сказать коротко, ясно и по существу. Так вот, как я уже сказал, я являюсь секретарем Комитета Здравоохранения графства Кент. Но это неважно, уверяю вас. Я не могу тратить драгоценное время на длинные церемонии. Джентльмены, тут у нас случилось еще кое-что. Как я уже сказал, чрезвычайные обстоятельства не позволяют мне...

По-видимому, он просто не мог остановиться.

– Не стесняйтесь, мистер Райт, говорите по существу, – любезным тоном перебил Шерлок Холмс.

– Доктора Морса нигде не могут найти! – взвизгнул мистер Райт.

– И давно? – спросил Ватсон.

– Он не явился на заседание. Когда я отправлялся за вами, оно должно было начаться с минуты на минуту.

– Тогда скорее на заседание! – Ватсон показал зонтом вперед. – Возможно, сейчас мы узнаем...

И вот они уже входят в трехэтажное здание серого кирпича, поднимаются по широкой лестнице с витражными окнами и входят в просторный зал, где как раз выступает кто-то из членов Комитета.

– ... и держался бы в курсе событий по всем направлениям медицинской науки! – говорил суровый морщинистый джентльмен.

Голос у него был таким громким, что напоминал трубу пожарного оркестра. От его мощного звука Холмс присел и отступил было назад, но его пихнул в спину Ватсон и они пробрались на свободные стулья.

– Уже сейчас медицинские школы начинают требовать курсов по охране общественного здоровья. Государственные департаменты здравоохранения настаивают, что врач должен практиковать современные методы здравоохранительных процедур. Необходимо, чтобы люди повышали свое образование при помощи лекций и статей в журналах. Они должны требовать от семейного врача самых современных практических методов! Наша задача – добиться, чтобы в будущем врач вызывал у пациентов больше и больше интереса к делам общественного здравоохранения!

– Караул, – вполголоса сказал великий сыщик. – И это в то время, когда ваши коллеги, ваши собраты бесследно исчезли? Когда они, возможно, нуждаются в помощи?

Тут его потыкали в спину. Сыщик хотел выхватить револьвер, но внезапно понял, что в его спину упирается не дуло оружия, а всего лишь чей-то костлявый палец.

– На место доктора Морса должен быть назначен доктор Уильямсон, – прошептал с заднего ряда незнакомец. – Временно. Но и он пропал! Попросил разрешения выйти и с тех пор не возвращался! Все служащие департамента в ужасе. Мы ничего не понимаем.

Тем временем выступающий продолжал свою речь:

– Довольно часто санитарный врач стремится уклониться от своих обязанностей. Наши сотрудники утверждают, что люди не в состоянии оценить работу санитарного врача. Они утверждают, что большинство граждан возмущены вмешательством в их личную свободу. Мы, работники общественного здоровья, становимся врагами общества. Наши коллеги во всей Англии жалуются что врачи, практикующие превентивную медицину, вскорости теряют своих пациентов. Большинство из них вынуждено обращаться к тем методам работы, которые обеспечивают деньги. Однако, несколько смелых пионеров все же решились принести в жертву свое благосостояние, и сделать общественное здравоохранение своей специальностью!

Все заплодировали, а выступавший прибавил:

– ...рассчитывая на то, что со временем она станет прибыльной.

Слова «со временем» были произнесены особенно веско. Затем он прокашлялся, поднял палец и произнес:

– Джентльмены, имеется еще одна большая проблема, о которой нельзя молчать. Дело в том, что после завершения своего образования и получения лицензии на практику, врач отнюдь не всегда стремится продолжать свое образование. Может быть, он иным образом достигает новых знаний? Следит за публикациями в прессе? Ездит на конгрессы, семинары и конференции? Может быть, он хотя бы посещает Всемирную Гигиеническую выставку¹⁰? Опять нет! Обычный английский врач практикуется в том, что узнал пятьдесят лет назад. С этим должно быть покончено! Настоящий врач должен бесконечно совершенствовать свое образование, и мы с вами должны следить, чтобы так оно и было!

– Ура! – закричали все и поскорее зааплодировали, но выступающего (а это был председатель Совета Здравоохранения мистер Джонсон) было не так-то просто остановить.

– Эффективный контроль инфекционных заболеваний, – продолжал он, – зависит от разумного сотрудничества санитарного инспектора с гражданами. Некоторые современные методы кажутся им слабыми, и люди обращаются к старым, признанным негодными, процедурам. Джентльмены, у нас много работы. Граждане будут готовы сотрудничать с санитарным инспектором лишь тогда, когда им станут близки и понятны новые методы работы по общественному здравоохранению!

На этом, к счастью, речь была закончена, мистер Джонсон занял свое место за председательским столом, и все стали обсуждать, куда, черт возьми, могли подеваться три санитарных врача одновременно.

– Вместо доктора Морса, – доложил тот незнакомец, что сидел позади Шерлока Холмса, – нашли только его котелок.

– На который явно уронили что-то тяжелое, – тут же добавил кто-то.

– Предлагаю, – сказал Холмс, – начать с того доктора, который исчез последним. Как, вы говорите, его фамилия? Уильямсон?

– Да-да, он сказал, что выйдет ненадолго, и с тех пор его никто не видел.

– Может быть, у него просто диспепсия? – предположил доктор Ватсон и смущенно прокашлялся.

– Там его нет, – грустно сказал тот незнакомец, что тыкал Холмса пальцем в спину. – Я проверял.

Незнакомец этот оказался местным аптекарем – мистером Арчибальдом. Он не был врачом, но любил держаться в курсе всего, что происходит, и всегда первым узнавал новости.

– Где видели пропавшего в последний раз? – спросил Холмс.

– Здесь! – хором сказали все и одновременно показали на стул.

Обыкновенный стул. Который, впрочем, стоял ближе всех к двери.

¹⁰ Первая из известных Всемирных выставок гигиены состоялась в Брюсселе, в 1876 г. Следующими городами проведения стали Чикаго (1895), Париж (1878, 1889 и 1900), Сент-Луис (1904). Знамениты две другие выставки XIX в. – 1884 г., Лондон, и 1893 – Гавр. Наступивший XX век станет знаменит в мире медицины: Всемирные выставки гигиены приобретут заслуженную славу: Дрезден, Амстердам, Вена, Дюссельдорф и, конечно, Париж. Но самую, вероятно, громкую известность получит знаменитая Дрезденская выставка 1911 года. Кстати, именно там прославилась Россия. Вот как это вышло. В 1876 г. подготовке Русского павильона принимал деятельное участие Алексей Петрович Доброславин (1842–1889) – выдающийся физиолог, профессор гигиены, редактор журнала «Здоровье» – первого в России научно-популярного гигиенического журнала. Экспозиция получилась впечатляющей. Например, раздел I был посвящен гигиене населенных мест. В отделе IV была представлена гигиена воспитания и образования. Отдел V назывался – «Борьба с заразными болезнями». В отделе VI показывались новые методы борьбы с народными недугами (так осторожно называли тогда самые большие беды простых людей: детскую смертность и алкоголизм). А отделы VII и VIII представляли экспонаты по больничному делу и общественной медицине. Наглядные пособия, беседы, лекции привлекали огромное количество посетителей. Эта экспозиция стала примером для последующих медицинских выставок в России и за рубежом. Ее принято считать своего рода первой русской выставкой медицины.

– Все ясно, – сказал знаменитый сыщик. – Ваш доктор Уильямсон попросту сбежал! Он спланировал побег заранее. Он сел на место, с которого проще всего было покинуть помещение, и таким образом благополучно осуществил свои намерения.

– Но почему? – в полном недоумении закричал председатель Совета Здравоохранения мистер Джонсон. – Почему он это сделал?

– Скажите, а кто стал бы следующим санитарным инспектором после Морса? – поинтересовался Холмс. – Ведь именно Уильямсон должен был занять его место, я не ошибаюсь?

– Да, Уильямсон был на хорошем счету, – председатель прокашлялся. – Мы все проголосовали бы единогласно.

– Он знал об исчезновении доктора Морса?

– Конечно, – мистер Джонсон пожал плечами. – Мы все отметили это странное обстоятельство. Сначала мы решили, что некие обстоятельства вынудили доктора Морса задержаться, и послали мистера Арчибальда, чтобы узнать, что случилось. И вот, пожалуйста. Морс исчез!

– Именно так, – подтвердил аптекарь Арчибальд.

Шерлок Холмс извлек свою знаменитую трубку.

– У нас не курят! – пискнул мистер Райт.

– Хм, – Холмс сунул трубку обратно. – Скажите мне, джентльмены: как скоро после начала собрания исчез доктор Уильямсон?

Все переглянулись. В толпе членов Комитета Здравоохранения началось гудение: все пытались вспомнить, когда именно это произошло, но никто не мог этого сделать. Дело было в том, что смотреть на часы во время чьего-нибудь выступления ужасно невежливо: ведь могут подумать, что вам скучно!

– Через четверть часа после начала, – сообщил аптекарь.

– Вы знаете это точно? – подозрительно спросил Холмс.

– Точнее не бывает. Как раз перед тем, как он вышел, я посмотрел на часы.

– А почему это вы единственный посмотрели на часы? – спросил у него Шерлок Холмс.

– Просто так, – сказал мистер Арчибальд. – Что, уже и и который час спросить нельзя?

– А почему это вас так встревожил мой вопрос? – напирал великий сыщик. – Ну-ка, признавайтесь!

– Не встревожил, – отпирался аптекарь. – Нисколько. Ни на минуту. Ни чуточки! И не смотрите на меня так! Я ни в чем не виноват! Они сами! Они просили меня помочь им! Ай! Ай! Вы ничего не докажете!

Но знаменитый сыщик очень мягко, дружески, спросил:

– Зачем вы стукнули кочергой по котелку доктора Морса? Ведь это довольно твердый предмет. Вряд ли ему были бы нанесены существенные повреждения даже, если б его подмяли под себя во время потасовки. Значит, его повредили намеренно. И совершенно напрасно! Только зря хорошую вещь испортили.

Аптекарь заломил руки.

– Это не я! Это все доктор Морс! Это была его идея! – закричал он, дико озираясь под взглядами членов Комитета по Здравоохранению. – Это он хотел, чтобы все думали, будто его убили!

– Ага, – засмеялся Холмс. – Очень, очень интересно. Мистер Райт, у меня будет к вам просьба.

Он нагнулся к уху мистера Райта и что-то прошептал.

– Да что вы? Вы так думаете? – поразился тот.

– Я почти уверен в этом, – сказал Шерлок Холмс.

Райт убежал, а великий сыщик торжественно произнес:

– Итак, джентльмены, перед нами чрезвычайно простое дело. Вы видели, что раскрыть его не составило никакого труда. Мистер Арчибальд, вы обвиняетесь в заговоре.

Все члены Комитета Здравоохранения вынули монокли и уставились на злосчастного аптекаря.

– Что вы сделали с нашими коллегами, Арчибальд? – страшным голосом спросил председатель Джонсон.

– Я не виноват! – запричитал тот. – Это не я! Я больше не буду!

– Ваша участь может быть смягчена, – по-прежнему мягко сказал Шерлок Холмс, – если только вы покажете нам, где прячутся заговорщики.

– Вы что, обвиняете наших коллег в... заговоре? – председатель Джонсон направил свой монокль на Холмса.

– Дорогой мистер Джонсон, – не испугался Холмс, – эта история интереснее, чем вы думаете. Не спешите с обвинениями. Сначала я хотел бы увидеть наших исчезнувших друзей. Я уверен, что им нужна помощь. Мистер Арчибальд, где они?

Аптекарь вынул платок, как следует высморкался и сказал:

– У меня на чердаке.

– Тогда ведите нас, – заявил Шерлок Холмс.

И вся компания отправилась за аптекарем.

Они пошли по главной улице, свернули на перекрестке, потом повернули направо, потом еще раз направо – и поскольку членов Совета Здравоохранения было довольно много, за ними увязались любопытные. Все ведь слышали о том, что исчезло сразу три санитарных врача – и в городе ходили самые разные слухи. Кто-то клялся, что с ними расправилась Лига антивакцинистов. Кто-то – что это месть пострадавших пациентов. Кто-то заявлял, что одно другому не мешает. Находились и такие, кто с подозрением говорил о семье несчастного мальчика. И потом – куда теперь направляется Комитет Здравоохранения пешком, в полном составе? Почему впереди аптекарь? И почему у него такой испуганный вид?

Словом, когда дошли до дома мистера Арчибальда, сзади тянулась толпа любопытствующих граждан.

Тут аптекарь махнул рукой, давая знак вести себя тихо. Все на цыпочках поднялись по скрипучей лестнице и, наступая друг другу на ноги, прокрались к двери на чердак. Это было удивительно неудобно, потому что дверь была низенькой, и приходилось стоять, согнувшись в три погибели. К тому же, дверь была толстой и прочной, поэтому услышать из-за нее что-либо не представлялось возможным.

Шерлок Холмс решил эту проблему. Он обратил внимание, что по ногам тянет сквозняком, встал на четвереньки, приложил ухо к щели под дверью и услышал:

– А знаете, коллеги, моя настоящая фамилия – не Морс, а Мортес. Я изменил ее, чтобы не пугать пациентов.

– Много вам это помогло! – заметил другой голос.

– И вот теперь мы сидим здесь и трясемся в страхе за свою жизнь, – вздохнул третий. – А между тем, совершенно непонятно, как нам быть дальше!

– Неужели нам придется провести здесь остаток своих дней? – спросил второй.

– А что вы предлагаете? – поинтересовался третий. – Опять воевать с пациентами? Я устал. Мне пятьдесят шесть лет. Всю свою жизнь я делал все, чтобы облегчить страдания своих сограждан. У меня три ученых степени. И что же? Мне заявляют, что я ничего не умею!

– Подумаешь, – фыркнул Второй. – Меня вообще убийцей называют.

– Вы не виноваты, доктор Гиббон, – сказал Морс.

– Никуда я не пойду, – решительно заявил тот, кого назвали Гиббоном. – У меня больше нет сил. Проведу остаток своих дней здесь и, клянусь честью, это будет куда лучше, чем все время доказывать пациентам, что руки надо мыть, зубы – чистить, что прикрывать рот рукой при кашле или чихании – не пижонство, а насущная необходимость, и что вообще я не верблюд!

Шерлок Холмс постучал в дверь своей тростью.

– Доктор Уильямсон! – крикнул он в щель. – Вы еще не так стары! Вы уверены, что хотите сидеть здесь лет, например, двадцать?

– Да! – последовал ответ.

Доктор Ватсон тоже встал на четвереньки и позвал в щель:

– Коллега! Вам будет скучно!

Теперь и Шерлок Холмс, и доктор Ватсон прилипли ухом к щели и ждали, что будет. Изнутри слышался шепот.

«Он сказал 'коллега'. – Значит, свои? – Что, еще один? Еще что-то случилось? – Вот, вот, я так и знал!»

– Как вас зовут? – спросили по ту сторону.

– Мое имя – Шерлок Холмс! А этой мой друг Ватсон!

– Ну, заходите к нам! – отозвался голос Морса. – Расскажите, что новенького.

Ватсон обернулся на Холмса.

– Что вы на меня смотрите? Просите, чтобы открыли дверь! – зашипел тот.

– Тогда откройте дверь, – послушно сказал доктор Ватсон.

Дверь приоткрылась – очевидно, заговорщики решили, что этого хватит. На чердак с трудом протиснулся Ватсон, за ним прошмыгнул Холмс, а аптекарь Арчибальд пролезть не смог, да еще едва не получил дверью по носу.

– Нам предатели не нужны! – заявил голос Уильямсона.

– Я же как лучше хотел! – воскликнул аптекарь.

– Ничего не знаю, – сказал ему голос из-за двери.

Затем на дверь накинута крюк, подперли шкафом и разными другими предметами мебели.

Закончив все эти приготовления – в частности, пододвигание к двери старого тяжелого сундука, Морс – это был полный, приятный, румяный человек, – достал платок и вытер пот со лба.

– Мистер Холмс, – произнес он, – у этих людей нет терпения. Они жалуются, что вакцинация наносит вред их здоровью вместо того, чтобы предохранять от болезней. А сами при этом не соблюдают элементарных правил гигиены и бессовестно пренебрегают указаниями врача! Кому было сказано: «пожалуйста, никаких повязок и компрессов на место вакцинации»? Кому объясняли? Кого предостерегали? А? Я вас спрашиваю!

– Доктор Гиббон, – прокашлялся Ватсон, – а не может ли быть, что это вы допустили ошибку? Пренебрегли чем-нибудь, что посчитали мелочью?

– Никогда! – с негодованием отверг доктор это предположение.

– Но ведь родители мальчика утверждают, что выполнили все ваши указания.

Гиббон схватился за голову. Голова была самой выдающейся частью этого джентльмена. К тому же, ее украшали сверхъестественные рыжие, сколько можно было увидеть в темноте, бакенбарды. Они панически торчали в разные стороны. Сам доктор Гиббон был маленьким нервным субъектом с изящными ручками и ножками.

– Наука все еще несовершенна! Это необъяснимый случай, с которым придется много работать! – он воздел руки. – Что я могу сделать, что? Я предпринял все, что только было возможно. Но вы попробуйте объяснить это родителям, потерявшим ребенка! Попробуйте сказать им, что случай с их мальчиком, возможно, спасет тысячи других детей! Мы исследовали бы его! Мы узнали бы, что пошло не так!

– Не кричите, – Холмс похлопал измученного санитарного врача по спине. – Полагаю, что вам нужно разговаривать с населением. Объяснять. Рассказывать. Демонстрировать занимательные опыты.

– Опыты! – фыркнул Уильямсон. – Хороши же мы будем со своими опытами после всего, что случилось!

Он был человеком лет тридцати пяти и отличался какой-то удивительной правильностью: правильного, не слишком высокого и не слишком низкого, роста, с правильной, хорошо постриженной головой, правильным прямым носом и правильной, не слишком толстой и не слишком тонкой, фигурой. Пожалуй, его можно было назвать красивым человеком, вот только правильная физиономия его была удивительно мрачной.

– Это будет большая работа, – тихо сказал Ватсон. – Но придет время и...

И тут окно чердака вдребезги разлетелось. На пол упал камень.

Все вскочили. В окно влетел еще один камень. Потом еще один. Затем камни посыпались дождем, а санитарные врачи забились в дальний угол.

– Граждане! – донеслось с улицы. – Братья и сестры! Требуйте отмены закона, разрешающего убивать ваших детей!

– Это Лига Антивакцинистов! – вскричал Морс.

– Помогите! – завопил доктор Гиббон.

– А что я говорил! – Уильямсон пожал плечами. – Эти обыватели – совершенно дикие люди!

Началась суета, все забегали, затолкались и запаниковали. Доктор Ватсон попробовал высадить дверь, но Холмс оттащил его за шиворот.

– Вы что, не понимаете? – прошептал он. – Это опасно! Вас могут убить.

– Небось не убьют, – пробормотал решительно настроенный Ватсон, но знаменитый сыщик нечаянно пихнул его слишком сильно и бедный доктор отлетел в угол. В темноте раздался грохот.

– Ватсон! – спросил Шерлок Холмс. – Что вы там уже уронили?

– Здесь какие-то ящики, – пробормотал сконфуженный доктор Ватсон.

– Много ли ящиков? – спросил Холмс.

Но тут опять загрохотало, выругалось голосом Морса, и Холмс обрадовался.

– Скорее ставьте ящики один на другой! – закричал он. – Будем выбираться через слуховое окно на крышу!

И добавил для бодрости:

– Свистать всех наверх!

Тут доктор Уильямсон кстати вспомнил, что на стене, как на всяком уважающем себя чердаке, должен висеть моток веревки для белья. Толкаясь и переругиваясь, все принялись его искать. Наконец, веревка нашлась и знаменитый сыщик зажал ее в зубах. Он был самый легкий и ловкий. Ящики поставили один на другой, Холмса подсадили – и немедленно он грохнулся на пол.

– Это никуда не годится, – прокомментировал ситуацию детектив. – Вы что, ящики подержать не могли?

– Нам никогда раньше не приходилось карабкаться по ящикам, – заметили три санитарных врача.

– А еще образованные люди, – Холмс усмехнулся. – Давайте-ка еще раз.

Его опять подсадили. На этот раз, к счастью, удачно. Он добрался до слухового окна, выбрался на крышу и там привязал веревку к трубе.

Теперь его товарищи могли выбраться по веревке.

– Готово! – закричал Шерлок Холмс.

Со своего места он заметил, что возле дома аптекаря собралась толпа, вооруженная вилами, граблями и палками. Тогда Холмс засунул голову в слуховое окно и сказал:

– Дорогие друзья, у вас нет времени. Публика разбушевалась. Если вы сейчас же не придумаете, как образумить этих ваших местных жителей, дело пахнет керосином.

Он высунул голову назад и принялся. Керосином не пахло. Зато пахло неприятностями.

– Горите в аду! – кричали жители Беркли. – Коновалы! Нахлебники! Убийцы!

– Скорее! – закричал товарищам Холмс.

В сарае завозилось, закопошилось и вскоре через слуховое окно выбрался доктор Морс. Он протянул руку к бесновавшейся толпе и прогремел:

– Леди и джентльмены! Знаете ли вы, что такое иммунитет? Понимаете ли, какое это нелегкое дело?

В него полетели камни.

– Да какие вы, к черту, леди и джентльмены! – прошипел сквозь сжатые зубы доктор Морс. Но продолжал:

– Это же надо понимать, что такое была наша жизнь пятьдесят лет назад! Только что совершен невиданный прорыв. Не прошло и полувека, как одно за другим совершились величайшие открытия в медицине! Великий Пастер научил мир прививке от бешенства! Кох научил нас распознавать бациллы и победил сибирскую язву! Ру и Беринг положили начало противодифтерийной вакцине и научились ослаблять вирусы! Буквально на наших глазах страшные болезни, столетиями державшие в страхе человечество, оказались преодолимы! Вот-вот любая вакцина станет защищать безукоризненно! Это висит в воздухе, я чувствую это! Ошибок все меньше, а успеха все больше! Иммунитет – запомните это слово!

– Не знаем мы никакого иммунитета! – завопили в толпе.

– Да погодите вы! – закричал гражданам знаменитый сыщик. – Райт, где вы? Вы мне нужны, Райт! Мистер Райт!

На углу показался автомобиль.

Когда он подъехал ближе, оказалось, что в нем сидят мистер Райт, очень измученный господин и с ним заплаканная, слабо улыбающаяся дама, полицейский инспектор Смитсон и...

По толпе прокатился изумленный шепот.

Рядом с полицейским инспектором стоял юный джентльмен лет десяти.

Вот этот.

– Элмор? – ахнул доктор Гиббон. – Это же Элмор Вайс! Иди сюда, дрянной мальчишка, я тебе уши оборву!

Но, конечно. Элмор Вайс никак не мог выполнить его требование – не лезть же ему было на крышу. Пришлось санитарным врачам, и Шерлоку Холмсу, и доктору Ватсону, самим спускаться вниз.

– Не буду! Не буду больше! – первым делом завопил Элмор Вайс, восьми лет, совершенно живой и здоровый.

– Вот, леди и джентльмены, типичный случай, – Шерлок Холмс положил руку ему на плечо. – Все мы были детьми и все помним, как не хотелось нам идти в школу. Наш юный герой ловко воспользовался паникой, которую сеет Лига Антивакцинистов, симулировал несчастный случай и сбежал. В порту, как я и говорил, инспектор?

– В порту, сэр, – отрапортовал тот. – Чуть было не упустили. Малый уже успел завербоваться юнгой на шхуну «Селедка».

– Вот чертенок! – засмеялся Шерлок Холмс. – Ну, сэр, как долго вы обдумывали побег?

– А чего тут думать! – мальчишка вытер нос рукавом. – Сложил два и два, чего проще-то.

– Естественно! – знаменитый сыщик поднял палец. – Единственное, что вызывает изумление в этой истории – поразительная простота идеи. Паника и истерика – плодородная почва для всякого рода жульничеств и провокаций. Идите, шустрый джентльмен. Надеюсь, что наказание, которое станет вам наградой за не в меру изворотливый ум, не будет слишком суровым.

– Проклятая ищейка, – процедил мальчишка сквозь зубы. – Как вы догадались?

– Я читаю газетную хронику, – Шерлок Холмс улыбнулся. – По роду профессии меня чрезвычайно интересуют все, кто приехал в Англию или уехал из нее, женился, развелся, родился или умер. Так вот, уважаемый сэр, вот уже несколько лет, как я не припомню ни одного упоминания о смерти после вакцинации оспы. От самой оспы – да, такие случаи все еще бывают. Признаться, мне трудно читать эти строки: «Умер шести лет. Умер двенадцати лет». «Эпидемия

унесла жизни десяти человек». Как хотел бы я никогда не читать подобного! Что касается вас, Элмор Вайс, то вы допустили оплошность. На вашем месте я дождался бы, скажем, прививки от дифтерии – вот тогда ваша версия стала бы более убедительной.

– Вакцинация этой болезни еще, увы, дает осечку, – согласился доктор Уильямсон. – Впрочем, если судить по работе, что ведется сейчас в Институте Пастера, и с этим будет покончено в самое ближайшее время¹¹.

– Черт побери, – скис мальчишка.

– Я бы не советовал вам повторять подобные розыгрыши, – прибавил доктор Ватсон. – Прежде всего, вы совсем не подумали о своих родителях – а ведь только подумать, что они пережили! Затем вы устроили большие неприятности достойным людям. Но, полагаю, главным аргументом станет не это, а тот факт, что если вы вздумаете повторить нечто подобное, вам попросту никто не поверит.

Элмор Вайс почесал затылок, а доктор Ватсон прокашлялся. Он почувствовал, что имеет право высказаться на свою любимую тему.

– Я уверен, что в недалеком будущем колонка смертей в газетах всего мира ограничится теми, кто уходит от нас просто от старости. От всего сердца надеюсь и желаю, чтобы это стало реальностью.

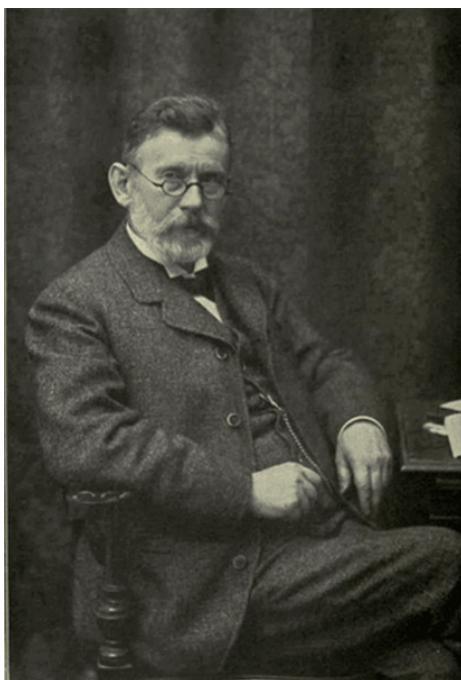
Он обернулся к санитарным врачам и сказал:

– Джентльмены, полагаю, более подходящего момента для некоторых объяснений гражданам уже не представится.

Морс развел руками.

– Как прикажете с ними разговаривать? Они не знают даже, что такое иммунитет.

– Меня, меня пустите! – потребовал Уильямсон. – Леди и джентльмены, я объясню вам, что такое иммунитет! Я расскажу вам все! Перед нами два, не побоюсь этого слова, исторических лица. Итак, первый – Пауль Эрлих.

Пауль Эрлих (1854–1915), немецкий врач, иммунолог, бактериолог, химик

¹¹ Доктор Уильямсон очень верил в прогресс – как многие люди викторианской эпохи. Поэтому он несколько погорячился – только спустя пятнадцать лет, в 1923 г. французский биолог Гастон Рамон откроет анатоксин от дифтерии, способный не просто ослаблять течение болезни, но предохранять от заболевания. Анатоксин – это профилактическое вещество, способное производить антитела к токсину, вызывающему инфекцию. Чтобы побороть эту страшную болезнь, ученым пришлось проделать большую работу: только в 1930–1940 годах вакцинация дифтерии стала массовой и по-настоящему успешной.

Химия – конек этого человека! Вещества, пробирки, а главное, мысль: если что-то происходит в организме, то за это отвечают, скорее, не сами клетки, но вещества, растворенные в его жидкостях и выделяемые этими клетками.

Может, речь доктора и не была такой простой, как надо бы. Но он говорил то, что знал, во что верил и, самое главное, то, чем интересовался больше всего на свете.

И странное дело: никто не кричал: «Не знаем мы никакого модус операнди!», «Не понимаю!» или что-нибудь такое. А Уильямсон продолжал:

– Эрлих – биолог! Он изучает клетки живых организмов, играет с клетками, смотрит на клетки, видит клетки!

Граждане выпучили глаза. Они-то не видели никаких клеток.

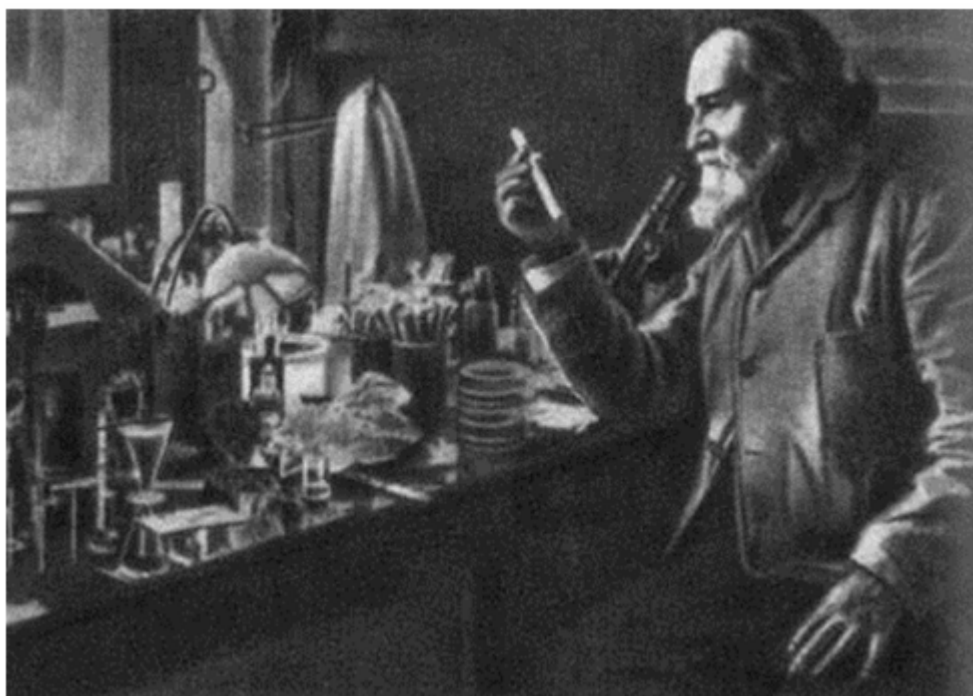
– И вот, – продолжал Уильямсон, – этими-то веществами и занялся Эрлих! Вот что он предположил. В крови человека растворены особого рода молекулы. Эти молекулы он назвал антителами. Антитела могут прилепляться с какому-либо вредному организму: вирусу или отравляющему веществу – токсину бактерии. Таким образом антитело не позволяет врагам проникать в клетки, чтобы там, изнутри, заняться их разрушением. Итак, антитело прилепляется к токсину или вирусу. Теперь оно воздействует на них, безвозвратно меняя их конфигурацию и свойства – то есть, обезвреживая.

Что делает Эрлих? Эрлих доказывает это на опыте: он вводит мышам небольшие дозы токсинов растительного происхождения. Потом берет у этих мышей сыворотку (то есть только жидкую часть крови) и вводит ее зараженным мышам. И что же! Отравленные мыши и не думают погибать! Как раз наоборот, они резвятся, получив дозу сыворотки! Все дело в том, что антитела сыворотки связывают токсин и тем самым лишают его вредного воздействия. Это победа!

– Совершенно верно, – ввернул доктор Гиббон.

Но Уильямсон замахал на него руками.

– Перед вами второе историческое лицо: Илья Мечников. Поведение клеток – вот что стало его *modus operandi*!

Илья Ильич Мечников (1845–1916) – русский врач-физиолог

Доктор Ватсон хотел было прибавить, что *modus operandi* – по-латыни «образ действий», но Уильямсон говорил так вдохновенно, что никому и в голову не пришло ничего возразить.

А Уильямсон уже чувствовал себя так же уверенно, как у себя на кафедре университета.

– Этот величайший человек пошел с другой стороны. Он предположил, что есть клетки, которые при встрече с вирусом или другим опасным веществом, понимают: перед ними чужак. Они нападают на него, съедают его и переваривают. Такие клетки Мечников назвал макрофагами. Чтобы получить доказательство своей теории, он скармливал своим макрофагам шипы с роз.

– Роз? – фыркнула одна пожилая леди. – Что за вранье. Откуда у него розы? С чего вдруг? Не пытайтесь обмануть меня своими сказками!

Сама она была больше и толще доктора Уильямсона. К тому же, у нее в руках были грабли.

– Ученый очень любил свою жену, – произнес доктор. – Каждую неделю он дарил ей розы.

– Да ну? – насупилась леди с граблями.

– Честное слово! – крикнул, расхрабравшись доктор Гиббон. – Это общеизвестный факт!

– Не отвлекайте меня, я заикаться начну! – рассердился Уильямсон. – Так вот, скармливая макрофагам шипы роз, Мечников наблюдал, как макрофаги постепенно поглощают их.

Пока доктор Уильямсон разглагольствовал, Морс поманил пальцем доктора Гиббона. Они увидели, что некая подозрительная личность сворачивает бесполезный в сложившихся обстоятельствах плакат: «Гоните вакцинацию прочь от своего дома!», сует его в карман своего серого пальто и потихоньку удаляется от сборища.

Но далеко личность не ушла. Ее изловили и показали занимательный опыт в лицах: окружили личность, набросили на нее мешок, затолкали внутрь и уселись сверху.

Публика с интересом смотрела, как барахтается в мешке предполагаемый вирус.

– Вот приблизительно так это выглядит, – сообщил доктор Уильямсон, указывая на эту выразительную картину. – Так макрофаги окружают вирус. Затем они его поглощают.

– Не надо! – закричал антивакцинист в мешке. – Не поглощайте меня! Спасите! Помогите! Бабушка!

– Я благодарю этого джентльмена за неоценимую помощь, которую он оказал в нашем занимательном опыте, – доктор Гиббон помог личности выбраться из мешка, чтобы пожать ему руку. Личность застеснялась, но раскланялась. А Уильямсон продолжил:

– Что же стало итогом работы Мечникова и Эрлиха, этих героев нашей эпохи?

Леди и джентльмены, Нобелевская премия. Это случилось буквально на днях! Им дали ее за изучение клеточной и гуморальной (то есть, жидкостной) составляющих частей иммунитета.

И тут воцарилась зловещая тишина.

Сам того не желая, Уильямсон испортил все дело.

Простые граждане понятия не имели, что такое им только что сказали. Они помрачнели, потом стали понемногу шуметь, пока, наконец, кто-то не ляпнул: «Э, да нас тут за дураков держат!». Доктор Ватсон увидел, как несколько человек стали подбирать с земли камни.

– Так значит, это и есть так называемая гуморальная теория? – робко спросил он. – Я много слышал о ней, но никак не мог уловить суть.

– Да, – доктор Уильямсон изо всех сил сохранял уверенный вид. – Суть ее вот в чем. Макрофаги – это так называемая первая линия защиты, или врожденный иммунитет. Для того, чтобы макрофаг поглотил вредителя, не нужно ничего. Он просто «видит» его рецепторами и набрасывается на него, очень быстро. При этом он выделяет вещества, которые повышают температуру и вызывают лихорадку – таким образом организм мобилизуется на борьбу с вредителями. А вот антитела – это вторая линия теории, которую вел Эрлих – являются частью иммунитета приобретенного. Особенность приобретенного иммунитета в том, что он развивается постепенно. Чтобы концентрация антител против возбудителя болезни стала достаточной, должно пройти некоторое время – от нескольких дней до одной-двух недель. В процессе приобретения иммунитета происходит как бы облегченный ход болезни: пациент, получивший вакцину, может ощущать небольшие признаки болезни: лихорадку, головную боль, ломоту в суставах, покраснение на месте прививки. Это-то и пугает граждан!

– Граждане! – завопила личность, которую выпустили из мешка. – Братья и сестры! Добьемся, наконец, отмены варварского закона! Вакцинация противоестественна! Вакцинация убивает! Вы сами тому свидетели!

Голос личности звучал гнусаво, личность шмыгала носом, некстати принялась кашлять – и даже рот рукой не прикрыла.

>Граждане попятитесь.

– Иди отсюда, – сказала ей леди с граблями.

Тут кстати протолкался через толпу аптекарь, мистер Арчибальд (он прятался) и увел личность в аптеку, покупать капли от насморка.

– Зато эти антитела, – говорил тем временем доктор Уильямсон, – высоко специфичны и долго сохраняются! Это значит, что когда вирус или токсин повторно попадает в кровь, не будет даже небольших признаков заболевания – антитела мгновенно все свяжут и выведут. Вот примерно так. Теперь я спрошу вас, леди и джентльмены: Что значат небольшие неудобства, которые вы можете испытать после вакцинации, в сравнении с эпидемиями оспы, холеры? Со смертью, наконец?

Среди граждан началось волнение. Волнение переросло в шум.

– Прекрасно, Ватсон! – закричал доктору на ухо знаменитый сыщик. – Дело можно считать закрытым! Поехали домой!

А вечером доктор сидел в своей комнате и писал:

...Так закончилось дело о санитарном враче. Я надеюсь, что эта фигура, бесспорно, важная, займет надлежащее место в истории. Это будет честно.